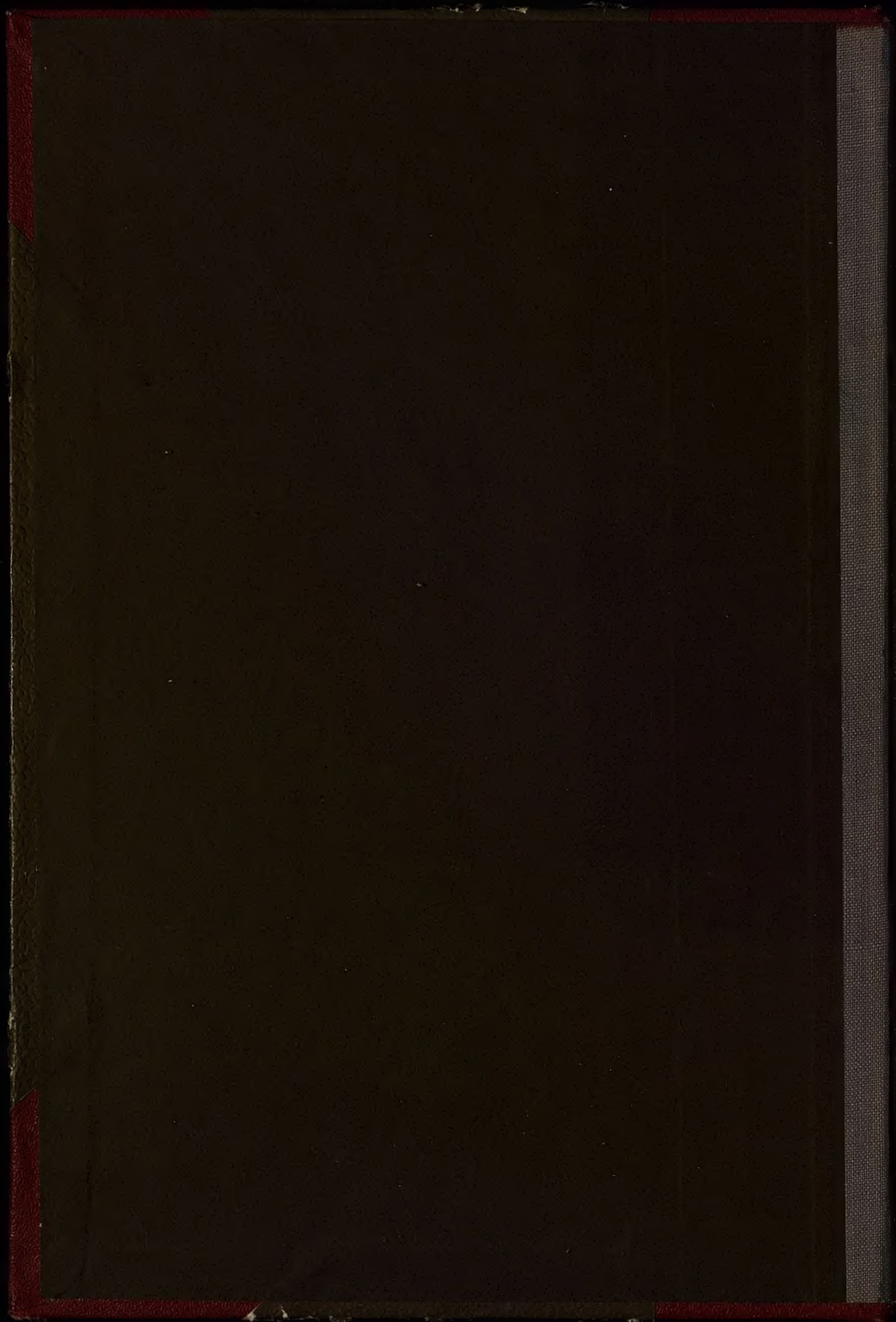

БОЛЬШЕВИЗМ ИЛИ ТРОЦКИЗМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИЗМ или ТРОЦКИЗМ.

СБОРНИК СТАТЕЙ
т.т. ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, СТАЛИНА,
редакции „ПРАВДА“ и др., с приложением
статьи „Уроки Октября“ Л. Троцкого.

Под редакцией Л. НИКИТИНА.

Книгоиздательское Т-во при Губкоме Р. К. П. (б.).
КУРСК—1925 г.

Гублит № 1152.
Курск, 3-я типография
Полиграфоб'единения.
Ленина 67.
Тираж 5.000.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Последний, по счету XIII-й, Партийный С'езд, подведя итоги минувшей внутрипартийной дискуссии, волновавшей партию в течение 2—3-х месяцев, единодушно вынес порицание всем оппозиционным выступлениям, подтвердив как первоочередную задачу, как самое основное и главное для партии, это—сохранение *действительного единства*, настоящей сплоченности, так сказать, монолитности партии.

Один из видных лидеров оппозиции, тов. Троцкий, выступая по докладу Центрального Комитета, торжественно заявил перед партией, что задача о единстве, полной сплоченности партии есть также первоочередная задача его, как и каждого члена партии.

В сентябре месяце текущего года тов Троцкий выпустил в свет III том своего собрания сочинений под общим заголовком „1917 год". Предпослав, вместо введения к этой книге, статью „Уроки Октября", он вновь сделал „вылазку" под прикрытием очередного, якобы литературного, выступления.

Статья „Уроки Октября" стала на некоторый срок „модной"—каждый член партии стремится прочитать ее, подробно изучить и дать правильную оценку новому оппозиционному выступлению. „Мода" этой статьи зиждется в том извращении фактов, в свете которых тов. Троцким освещены Октябрьские дни 1917 года, и в тех критических выпадах на ЦК, Коминтерн и основное большевистское ядро, что в целом есть не более или менее как попытка подмены ленинизма троцкизмом

Но „мода" спадает, проходит.

По всему коммунистическому фронту идут обсуждения, выносятся порицающие постановления, требующие одновременно принятия самых решительных мер со стороны ЦК для предотвращения в дальнейшем повторения попыток искажения истории, нарушения партийного единства и подрыва основ ленинизма.

Этот решительный, большевистский ответ на „выступление" т. Троцкого со всей ясностью показывает, что партия не нуждается в новой дискуссии и она ее не допустит.

Настоящий выпускаемый сборник ни в какой мере не претендует заполнить пробел в нашей печати в области хорошего учебника по истории Партии и Октября—выпуск его продиктован необходимостью дать члену партии возможность *в настоящий момент* познакомиться с новой работой тов. Троцкого, разобраться в ошибках ее с помощью систематизированных газетных материалов, и понять вред и недопустимость какого-то ни было уклона в сторону ревизионизма.

Помещая статьи т.т. Зиновьева, Каменева, Сталина, Редакции „Правды" и др., мы сочли нужным поместить и резолюции, вынесенные двумя пролетарскими центрами—Москвой и Ленинградом, ставшие скелетом всех принимаемых резолюций организациями нашей партии, а также в виде приложения статью т. Троцкого „Уроки Октября".

Г. ЗИНОВЬЕВ

БОЛЬШЕВИЗМ или ТРОЦКИЗМ?

Куда ведет теперь линия троцкизма.

1. Октябрьские разногласия и моя тогдашняя ошибка. Кео-что о Бресте и о первом С'езде партии после Октября.

Подменить ленинизм троцкизмом—такова задача, которую поставил себе тов. Троцкий. К этому он начал „подговариваться" уже в конце 1922 г. в его предисловии к 1905 году (см. об этом подробнее в докладе т Каменева). Пока т. Ленин держал перо в руках, тов. Троцкий не решался на прямое нападение. Теперь т. Троцкий, повидимому, решил, что „настал момент". Раньше, чем нанести „решающий удар" по всем правилам стратегии, необходимо произвести артиллерийскую подготовку. Роль дымовой завесы должно сыграть нападение на, так называемое, „правое крыло" большевизма, в частности, на октябрьскую ошибку пишущего эти строки.

Мне, действительно, довелось совершить в начале ноября 1917 г. громадную ошибку. Ошибка эта, правда, была признана и исправлена мною в течение нескольких дней. Но так как дни-то эти были не обычные, а решающие, так как острота момента была исключительная, то и ошибка была крайне опасной.

Не мне, во всяком случае, преуменьшать размер этой ошибки.

Именно необычайной остротой момента об'ясняется и тот суровый отпор, который дал тогда нашей ошибке Владимир Ильич. Все самые драконовские меры взыскания, какие он предлагал тогда против нас, все самые страстные бичевания, которыми он обрушился, были, разумеется, вполне справедливы. Через самое короткое время (через несколько недель, а к началу споров о Брестском мире и подавно) после этих событий, В. И., как знают весь ЦК и вся руководящая часть партии, сам уже считал эти разногласия вполне ликвидированными.

В своем докладе: „Троцкизм и ленинизм" т. Сталин очень хорошо заметил, что в период сентября—октября, в силу ряда обстоятельств, революция каждый свой шаг наступления стара-

лась проделать под видом обороны. После всех перипетий, связанных с корниловщиной, это было понятно. Я, сидевший тогда в подполье, в своей ошибке стал в известной мере жертвой именно этой особенности тогдашней фазы.

Как именно об'ясняется моя тогдашняя ошибка и каковы ее пределы—на этом мы остановимся подробнее в другом месте. (В ближайшие недели я надеюсь выпустить мои тогдашние статьи с подробным введением и с приложением всех доступных нам документов). Здесь же достаточно будет сказать следующее.

Возвращаясь к нашей ошибке через три года после совершения ее, тов. Ленин писал следующее:

„Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделал ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Они проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части „меньшевиков" и „социалистов-революционеров". Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной, и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большее несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты". (Ленин, собр. соч., т. XVII, стр. 373).

О „правом крыле" у тов. Ленина нет и речи.

Я сам (не дожидаясь напоминаний тов. Троцкого, который *меньше* других призван говорить о нашей ошибке) пытался осветить свою ошибку не раз и перед нашей партией, и перед всем Коминтерном. Я говорил о ней, например, при открытии IV всемирного конгресса Коминтерна, совпавшего с днем пятой годовщины Октября, в следующих словах:

„Позвольте теперь мне два слова личного отступления. Мне кажется, что я особенно обязан это сказать теперь, к пятой годовщине революции. Вы знаете, товарищи, что пять лет тому назад мне довелось, вместе с некоторыми другими товарищами, сделать большую ошибку, которая составляет, как я считаю, до сих пор, самую большую ошибку, какую мне пришлось сделать в жизни. Мне в то время не удалось полностью оценить всю контр-революционность меньшевиков. К этому сводилась суть нашей ошибки перед октябрем 1917 г. В течение десятка с лиш-

ним лет, боровшись с меньшевиками, я все-таки, как многие товарищи, тогда, в решающую минуту, не мог отделаться от мысли, что меньшевики и эсеры являются хотя и правой фракцией, правым флангом, но все же частью рабочего класса. На деле же они являлись и являются „левым", весьма ловким, бойким и потому особенно опасным флангом международной буржуазии. И мне кажется, поэтому, товарищи, что мы обязаны напомнить всем нашим товарищам"... и т. д.*).

Я говорил о нашей ошибке в самой распространенной из моих книжек—в „Истории РКП" и в ряде более ранних своих выступлений.

Относить автора этих строк к „правому крылу" большевизма —просто-напросто смешно. Всей партии большевиков известно, что, работая рука-об-руку с т. Лениным в продолжение почти 20 лет, я ни разу не имел с ним сколько-нибудь острых расхождений, кроме указанного случая. Эпоха 1914—1917 гг, от начала империалистической войны до начала пролетарской революции в нашей стране, была немаловажной эпохой. Именно в эти годы произошла решающая перегруппировка в лагере международного рабочего движения. Книги „Социализм и война" (1915 г.) и „Против течения" (книга эта вышла через несколько недель после Октябрьской революции и снабжена двумя предисловиями авторов, из которых одно помечено началом марта 1918 г.) достаточно говорят о том, что я ни в коем случае не являлся в это время представителем правого крыла большевизма. На апрельской 1917 г. конференции **) (смысл которой так извратил тов. Троцкий) ни малейших разногласий с тов. Лениным у меня не было. В споре между т. Лениным, с одной стороны, и т.т. Каменевым, Ногиным и Рыковым, с другой стороны, я целиком был на стороне тов. Ленина, как это видно из ряда моих докладов и речей на апрельской 1917 г. конференции. Самый этот спор оставался, разумеется, в пределах большевизма—так смотрели на это тов. Ленин и партия,—и только под пером тов. Троцкого спор этот получает вид борьбы „правого крыла" против партии. Ни малейших расхождений не обнаружилось у меня с тов. Лениным во время и после июльских дней. Мы имели случай проверить это на досуге в течение нескольких недель, пока мы скрывались вместе с В. И. в подполье. Первое расхождение наметилось у меня около начала октября 1917 г., после ликвидации корниловщины, после статьи тов. Ленина „О компромиссах" (статьи, в которой В. И. предлагал на изве-

*) Г. Зиновьев. Коммунистический Интернационал за работой. Тактические проблемы Коминтерна и работа его секций 2-е изд., Гос. изд-во. Москва—Петроград 1923. Стр. 14—15.

**) Мы надеемся, что протоколы ее теперь то уж скоро выйдут в свет.

стных условиях соглашение меньшевикам и эсерам). Моя ошибка заключалась в том, что линию статьи „О компромиссах“ я пытался продолжить на несколько дней позже. На несколько всего дней,—но дни-то тогда шли за месяцы.

На известном собрании ЦК от 10-го октября 1917 г., где было решено восстание и где впервые наметились расхождения о сроках восстания и об оценке шансов в учредилке, между мною и Каменевым, с одной стороны, и остальными членами ЦК, с другой стороны, создано было первое политбюро ЦК для руководства восстанием. В это политбюро, как об этом можно прочитать в недавно найденном протоколе, было выбрано 7 человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов. На не менее важном собрании Центрального Комитета с рядом петербургских работников от 16-го октября, после прений между т. Лениным и нами, за предложение т. Ленина в окончательном виде было подано 19—за, 2—против, 4—воздержавшихся; за мою резолюцию, как это тоже видно из недавно найденных записей, было подано: за—6, против—15, воздержавшихся—3, при чем мое предложение вносилось тов. Володарским, как поправка к резолюции тов. Ленина. Мое предложение заключалось в том, что „в ближайшие 5 дней мы не устраиваем восстания; пока не с'едутся наши товарищи и мы не посоветуемся, мы не должны начинать восстания“. Мое письменное предложение, которое голосовалось на этом собрании, гласило: „Не откладывая разведочных, подготовительных шагов, считать, что никакие выступления впредь до совещания с большевистской частью С'езда Советов недопустимы“.

В этот период времени тов. Ленин выступает с известными статьями против нас. Я продолжаю усердно сотрудничать в „Правде“. Когда выступление окончательно решено, я, чтобы погасить просочившиеся в печать преувеличенные слухи о разногласиях, пишу краткое письмо в редакцию (на тему „Сомкнем ряды“), помещаемое с припиской от редакции ЦО, что спор кончен, в основном мы были и остаемся единомышленниками. (См. „Правду“ от 21 ноября 1917 г.).

В номере тогдашнего нашего центрального органа „Рабочий Путь“ (вместо „Правды“), вышедшем в день восстания, 25-го октября, передовая (неподписанная) принадлежит мне. Вторая статья рядом с передовой в этом номере (в эти дни я, сидевший в подполье, часто писал по две и больше статей в день) также написана (и подписана) мною. В этой последней мы читаем:

„Великая задача, стоящая перед вторым С'ездом Советов. Часы истории бегут. Бьет двенадцатый час. Малейшее новое промедление грозит уже прямо гибелью...“

„Последние надежды на мирный исход кризиса изжиты. Последние мирные надежды, которых—каюсь—до самых последних дней был не чужд и пишущий эти строки, разбиты жизнью“.

„*Власть Советам!*—к этому сводится все в настоящий исторический момент“.

В номере нашего центрального органа от 26-го октября (см. „Рабочий Путь“ № 46) помещен краткий отчет о моем первом появлении после подполья на заседании Петроградского Совета 25 октября, в день восстания. Вот что мы читаем там:

„Слово предоставляется Зиновьеву, которому Совет устраивает бурную овацию.

Речь Зиновьева.

— Товарищи, мы находимся в настоящий момент в периоде восстания. Я считаю, однако, что никаких сомнений относительно его результатов быть не может,—мы победим.

Я убежден, что громадная часть крестьянства станет на нашу сторону, после того, как крестьяне ознакомятся с нашими положениями по земельному вопросу.

Да здравствует начинающаяся отныне социальная революция! Да здравствует питерский рабочий класс, который доведет победу до конца!

Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам и, в частности, палачу Вильгельму.

Долой войну, да здравствует международный мир!“.

Остро вспыхнули вновь разногласия в нашей среде в первые дни ноября (по старому стилю), в момент, когда правые эсеры и меньшевики были уже разбиты и когда вопрос шел о том, не удастся ли привлечь на сторону советской власти левых эсеров и лучшую часть меньшевиков. В эти дни мне, в числе других товарищей, пришлось принять участие в памятных переговорах с Викжелем (тогдашняя организация железнодорожников, верхушка которой была оборонческой и могущество которой тогда еще переоценивали, полагая, что в руках Викжеля будут находиться судьбы железных дорог, а стало-быть в значительной мере и судьбы гражданской войны). Переговоры эти велись с полного согласия Центрального Комитета нашей партии (а стало-быть и тов. Ленина) и тогдашнего ЦИК Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Разногласия эти разыгрались буквально в течение двух-трех дней, но зато острота их в эти два-три дня была необычайна.

2-го ноября 1917 г. ЦК нашей партии при участии тов. Ленина принял резолюцию, в которой говорилось:

„ЦК подтверждает, что, не исключая никого со 2-го С‘езда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших (со второго С‘езда Советов, как известно, ушли правые эсеры и меньшевики) и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, *что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти*“ (курсив наш).

„ЦК подтверждает, что в день образования теперешнего правительства, за несколько часов до этого образования, ЦК пригласил на свое заседание трех представителей левых с.-р. и формально предложил им участие в правительстве Отказ левых с.-р., хотя он был временным и условным, возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на этих левых с.-р.“. („Правда“, № 180, от 4/17 ноября 1917 г).

Эти места в резолюции, несомненно писанной тов. Лениным, читатель должен особенно запомнить, чтобы лучше понять все последующее.

В „Правде“ (центральный орган нашей партии с 30-го октября вновь стал называться „Правдой“), в номере 180, от 4-го ноября, мы читаем следующее изложение моей речи, произнесенной в заседании Центрального Исполнительного Комитета СР и СД от 2-го ноября 1917 г.:

„От имени ЦК РСДРП (напоминаем, что тогда наша партия не называлась еще коммунистической) заявляет, что товарищи эсеры (дело идет о левых эсерах, которых ЦК нашей партии во главе с тов. Лениным пытался в это время привлечь к участию в первом советском правительстве) не должны были бы начинать с критики нас, большевиков, в то время, когда на улицах Москвы происходит то, о чем говорили сегодня наши делегаты-москвичи. (В это время в Москве шла еще борьба за власть советов). Мы при этом напоминаем товарищам эсерам, что раньше, чем оглашать состав нашего правительства, мы предлагали товарищам войти в правительство, но они заявили, что будут принимать участие в работах правительства, но в правительство пока не войдут“.

На заседании Петроградского Совета от 3-го ноября 1917 г. (см. тот же № „Правды“) пишущий эти строки сказал:

„Товарищи, среди нас находятся товарищи красногвардейцы, солдаты и матросы, которые через несколько часов отбудут в Москву для помощи нашим товарищам и братьям. (Бурные продолжительные аплодисменты). Военно-Революционный Комитет еще два дня тому назад хотел послать т.т. москвичам помощь,

но он встретил препятствие с той стороны, с которой, казалось, можно было ожидать только поддержку. Я говорю о некоторых руководящих кругах, о верхах железнодорожных служащих, которые в этот грозный для революции час заняли „нейтральную“ позицию. Но в этот страшный час нельзя быть ни теплым, ни холодным,—я не хочу употреблять резких слов, но вы сами понимаете, товарищи, как будущее охарактеризует этот факт.

На-днях была задержана отправка эшелонов в Москву. Когда спросили руководителей Викжеля, как это они могли сделать, последовал ответ: но мы ведь задержали также эшелоны из ставки. Человек, в груди которого бьется демократическое сердце, не может лишать рабочих и солдат возможности оказать своим товарищам помощь на том основании, что он помешал, —если только действительно помешал,—контр-революционерам.

Нам необходимо обратиться к низам железнодорожников и об‘яснить им, что при настоящих условиях означает „нейтральность“. Я не сомневаюсь, что 99 проц. низших ж.-д. служащих и рабочих станет на сторону борющихся солдат и рабочих. Целый ряд центральных комитетов висит в настоящее время в воздухе. К сожалению, к числу последних принадлежит Викжель. Никто не мог предвидеть, что, когда рабочие и солдаты будут драться на баррикадах, в это время руководящий орган железнодорожников будет хранить „нейтральность“. Этому необходимо положить конец. Железнодорожный пролетариат, как один человек, должен стать на сторону борющихся рабочих и солдат, должен помочь им одолеть сопротивление буржуазии и помещиков. Промедление дольше невозможно. Нужно все бросить на чашку весов, чтобы приблизить час окончательной победы...

Привет товарищам, отправляющимся на помощь революционной Москве (бурные продолжительные аплодисменты). Теперь мы отдаем Москве то, что она дала революции в 1905 г. Она первая восстала тогда, она первая дала грандиозный бой самодержавию. Мы счастливы, что можем помочь теперь, что имеем возможность перебросить на московский фронт наши победоносные войска.

Да здравствуют товарищи, отправляющиеся в Москву,—на них смотрит вся Россия!

Весь Совет устраивает товарищам, едущим в Москву, шумную овацию“.

Вечер 3-го ноября и утро 4-го ноября были наиболее напряженным моментом в переговорах с левыми эсерами и с тем совещанием, которое созвал Викжель. В этот момент мы и сделали наибольшую ошибку. Известное заявление в ЦК больше-

виков и в Совнарком (о нашем уходе с ответственных постов), сделанное группой товарищей, в том числе и мною (с ссылкой на неуступчивость нашего ЦК), подписано 4-го ноября 1917 года, а 7-го ноября 1917 г. мною помещено в „Правде" (см. „Правду" № 183) „Письмо к товарищам". В этом письме мы говорили (привожу важнейшую часть):

„ЦИК Всероссийского С'езда Советов выдвинул определенный план соглашения (резолюция 3-го ноября), который я вполне разделяю, ибо он требует непременного признания декретов о земле, о мире, о рабочем контроле и признании советской власти.

„В ответ на резолюцию Центрального Исполнительного Комитета меньшевики выдвинули ряд предварительных условий. ЦИК, не желая затруднять переговоры, по нашему предложению, принял (вопреки непримиримым) решение, которое устраняло препятствия для этих переговоров.

„Тем не менее, другая сторона не пожелала пойти навстречу ЦИК. Условия, выдвинутые им, были отвергнуты меньшевиками и эсерами. Попытка соглашения была доведена до конца, вопреки всем препятствиям, но она не увенчалась успехом не по нашей вине. Теперь доказано, что *меньшевики и эсеры соглашения не хотели* и лишь искали повода, чтобы сорвать его. Теперь все рабочие и солдаты будут знать, на ком лежит ответственность за срыв соглашения. Теперь — я убежден в этом — и левые эсеры возложат ответственность за срыв соглашения на меньшевиков и войдут в наше правительство"...

...„При создавшемся положении вещей, после того, как меньшевики отказались от переговоров на предложенных ЦИК условиях, я соглашаюсь на предложение товарищей и беру свое заявление об уходе из ЦК назад.

„Я обращаюсь к моим ближайшим единомышленникам. Товарищи! Мы пошли на большую жертву, выступив с открытым протестом против большинства нашего ЦК и требованием соглашения. Это соглашение, однако, отвергнуто другой стороной... Время трудное, время крайне ответственное. Наше право, наш долг предостерегать партию от ошибок. Но мы остаемся вместе с партией, мы предпочтем делать ошибки вместе с миллионами рабочих и солдат и вместе с ними умирать, чем отойти в сторону в этот решающий исторический момент...

Никакого раскола в нашей партии не будет и быть не должно".

С 8-го ноября я попрежнему принимаю участие в делах нашего Центрального Комитета. 9-го ноября я выступаю от его имени на всероссийском крестьянском с'езде, 10-го ноября—на

заседании Петроградского Совета с речью о том, что Учредительное Собрание мы признаем „*если* только это Учредительное Собрание будет выражать действительную волю рабочих, солдат и крестьян“.

Разумеется, теперь, после 7 лет, каждому рядовому члену нашей партии покажется чудовищным, как это можно было еще сомневаться насчет реальной силы Викжеля и тех, якобы, интернационалистов из эсеровского и меньшевистского лагеря, которые группировались около него. Необходимо, однако, перенестись в тогдашнюю обстановку, чтобы понять положение. Уже через каких-нибудь полгода после октябрьского восстания стало ясно, что *и левые* эсеры становятся контр-революционной силой. А в октябре 1917 г. т. Ленин и наш ЦК усиленно приглашали их в наше первое советское правительство, ибо они связаны были тогда с большими слоями крестьянства и частью рабочих. Да и самые переговоры с Викжелем, как видит читатель, велись с одобрения ЦК.

Результатом разоблачения меньшевиков и эсеров на викжелевском совещании было то, что левые эсеры, которых раньше тщетно приглашал т. Ленин в советское правительство, теперь вошли в него; а еще за пару дней до этого левые эсеры собирались выйти даже из ЦИК, что при тогдашней обстановке было бы ударом для большевиков и помешало бы завоеванию на нашу сторону крестьянства.

В „Правде“ от 4-го ноября 1917 г. мы читаем:

„Фракция левых эсеров внесла *ультимативное* заявление в ЦИК о необходимости выработать приемлемую для обеих сторон платформу соглашения. Большинство ЦИК с этим требованием согласилось, и платформа была выработана от имени ЦИК“.

Непринятие этой платформы меньшевиками и эсерами на викжелевском совещании и привело к перемене тактики левых эсеров в пользу советской власти.

В эти дни на страницах „Правды“ помещался ряд резолюций важнейших заводов (см., например, в № от 4-го ноября „Путиловцы о моменте“), которые писали:

„Считая соглашение социалистических партий желательным, мы, рабочие... заявляем, что соглашение может быть достигнуто только на следующих условиях“... (и далее шли, примерно, те-же условия, которые выдвинуты были нашими представителями на викжелевском совещании). Мы отразили в эти дни колебания этих рабочих,—в этом смысле ошибка была не личной и не случайной.

С точки зрения нынешнего положения вещей, через 7 лет после событий, разве не чудовищно звучат слова в резолюции нашего ЦК, что „абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделять власти". А ведь эти слова 2-го ноября 1917 г. написал т. Ленин и их одобрил наш ЦК. Всякий, кто вдумается в эти факты, всякий, кто вспомнит, что левые эсеры представляли тогда значительную часть крестьян, всякий, кто вдумается в обстановку вообще, тот поймет размер и характер тогдашней нашей ошибки, разумеется, ошибки большой, но все же не „социал-демократической".

Мы говорим все это, конечно, не для того, чтобы доказать, будто наша ошибка была мала. Вне ЦК партии мы оставались только 3 дня — с 4-го по 7-е ноября. Но все-таки ошибка эта была, как мы говорили при открытии IV Конгресса Коминтерна, самой большой ошибкой, какую нам пришлось сделать в жизни. Все, что мы хотим доказать здесь, это только то, что делать вывод из этой ошибки о существовании „правого крыла" большевизма является неправдой.

Все, кто переживал тогдашние памятные дни, знают, что как ни тягостны были столь острые разногласия между ближайшими товарищами и друзьями, большой горечи от этих разногласий не осталось. Каждый относился тогда к ошибке другого с полной искренностью, без попыток „использовать" ошибку для „дипломатии", для фракционных целей. Все понимали, что только необычность момента привела к необычным мерам разрешения нахлынувшего, как вихрь, острого разногласия и, как вихрь же, быстро исчезнувшего, не наделавши большого вреда.

Разногласия эти были смыты лавиной новых событий, новых трудностей революции, они скользнули только по верхушке партии. Прошло буквально несколько дней, ошибка была признана самими ошибавшимися, и генеральный штаб партии и вся партия перешли к очередным делам. Это разногласие настолько не оставило следов в партии, что на первом-же С'езде после октябрьского восстания, происходившем через несколько недель после указанного разногласия (мы говорим о VII С'езде, который разрешал уже вопрос о Брестском мире),—на VII С'езде *никто решительно, ни один человек, ни одной фразой не обмолвился об этом разногласии.* Никто не бросил нам упрека в этой ошибке—хотя случилось так, что по поручению ЦК мне пришлось на этом С'езде резко воевать против т. Троцкого и против „левых"*), а ведь ясно, что именно по свежим следам

*) Интересно отметить результаты выборов в новый ЦК на этом VII С'езде. Пишущий эти строки получил только *одним* голосом меньше, чем т. Ленин.

Крайне интересно проверить настроение партии именно на *первом-же* С'езде,

партия обрушилась бы на виновного, если бы его вину она рассматривала так, как тов. Троцкий теперь. На VII С'езде, происходившем, повторяем, через несколько недель после Октября, борьба шла уже совсем по другой линии. О своем уходе со всех ответственных постов (см. протокол, стр. 147—148**) заявил уже т. Троцкий. Против Троцкого и против „левых" коммунистов прошла „резолюция Ленина и Зиновьева" (см. протокол, стр. 3), а по поводу уходов из ЦК вообще тов. Ленин сказал следующие слова:

„Я тоже был в Центральном Комитете в таком положении в то время, когда принималось предложение о том, чтобы мира не подписывать, и молчал, нисколько не закрывая глаза на то, что ответственности я за это не принимаю. У каждого члена Центрального Комитета есть возможность сложить с себя ответственность, не выходя из его состава и не устраивая скандала. Конечно, при известных условиях это, товарищи, допустимо, иногда это неизбежно, но чтобы это было необходимо теперь, при этой организации советской власти, которая дает нам возможность проверять себя, насколько мы не теряем контакта с массами, в этом я не сомневаюсь".

На VII С'езде тов. Троцкий, находившийся в нашей пар-

через несколько недель после октября, когда впечатления от бывших разногласий были еще совсем свежи. В этом отношении протоколы VII с'езда (изд. Госиздата, 1923 г.) представляют ценнейший документ.

Тов. Троцкий теперь в „Уроках Октября", через 7 лет после событий, говорит, что наша позиция в вопросе о Брестском мире была „капитулянтством". Это говорится задним числом в сентябре 1924 г. А вот что говорил *сам Троцкий* на VII С'езде *через несколько* недель после октябрьских разногласий:

„Перед последней поездкой в Брест-Литовск, мы все время обсуждали вопрос о дальнейшей нашей тактике. И только один голос в ЦК (положим, не один—и т. Ленин, и т. Сталин, и т. Свердлов говорили то же; т. Каменев был арестован в Финляндии. *Г. З.*) за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева. Он говорил совершенно правильно с своей точки зрения. я с ним был вполне согласен. Он говорил, что оттягиванием мы будем ухудшать условия мира, подписывать его нужно сейчас" (прот. VII С'езда, стр. 79).

Если предложение подписать Брестский мир было „капитулянтством", то „капитулянтом" был тов. Ленин (на деле к гибели революции, т.-е. к *подлинной капитуляции* вела тогда тактика Троцкого). Если в начале 1918 г. сам Троцкий давал отзывы в роде вышеприведенных, то кто же поверит его ультра-полемическим отзывам теперь, в 1924 году? Не ясно-ли, что все это придумано задним числом.

**) „Партийный с'езд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я в числе других проводил в составе нашей брест-литовской делегации, которая имела известный международный отклик с двух сторон, и в рабочем классе, и среди правящих классов, и которая сделала имена участников этой делегации, самыми ненавистными именами для буржуазии Германии и Австро-Венгрии; и сейчас вся германская и австро венгерская пресса полна обвинений по адресу брест-литовской делегации и, в частности, по моему адресу в том смысле, что мы повинны в срыве мира и во всех дальнейших несчастиях. Хотел этого или не хотел партийный с'езд, но он это подтвердил своим последним голосованием, *и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия*" (Речь тов. Троцкого на VII С'езде, март 1918 г.). В такой совершенно необычной среди большевиков форме тов. Троцкий подавал в отставку уже через 6 месяцев после своего пребывания в нашей партии.

тии тогда всего только около полугода, в первый раз создал троцкистский кризис. С тех пор, увы, эти кризисы повторяются периодически.

2 О ревизии ленинизма под флагом... Ленина.

Последнее выступление т. Троцкого („Уроки Октября") есть не что иное, как уже довольно открытая попытка ревизии—или даже прямой ликвидации—основ ленинизма. Пройдет самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу. „Новое" в этой попытке заключается в том, что из „стратегических" соображений ревизию пытаются проделать именем Ленина. Нечто подобное мы видели в начале кампании Бернштейна и бернштейнианцев, когда они приступали к „ревизии" основ марксизма. Идеи Маркса были уже настолько общепризнаны в международном рабочем движении, что даже ревизию их приходилось, по крайней мере вначале, проделывать именем Маркса. Понадобилось четверть века, пока господа ревизионисты смогли окончательно сбросить маску и открыто признать, что и в теоретической области они начисто отрекаются от Маркса. С особенно полной откровенностью это сделано в литературе только в 1924 г.—в недавно вышедшем сборнике, посвященном 70-летию Каутского.

Идеи ленинизма настолько преобладают сейчас в международном революционном движении—и в особенности в нашей стране,—что „критики" ленинизма считают необходимым прибегнуть к такому же приему: они производят ревизию ленинизма „именем Ленина"—ссылками на Ленина, с божбой о верности основам ленинизма (покойный Владимир Ильич в этих случаях любил повторять: „И как божиться-то не лень?"). Однако, эта „стратегия" не поможет. Она уже разгадана ленинской партией. Не пройдет и нескольких недель, и все воробушки на крышах будут чирикать по поводу провала этой замечательной стратегии. Тов. Троцкий не учел малого: что партия-то у нас ленинская, и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличать ленинизм от троцкизма. Покушение тов. Троцкого есть *покушение с негодными средствами.* Никому не удастся ни ликвидировать основ ленинизма, ни произвести даже частичную ревизию принципов ленинизма, ни даже добиться того, чтобы троцкизм признан был „законным оттенком" внутри ленинизма. Никому не удастся убедить партию и в том, что нам нужен теперь некий „синтез" между ленинизмом и троцкизмом. Троцкизм в такой же мере годится быть составной частью ленинизма, как ложка дегтя „составной частью" бочки меда.

Что такое ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн в мировой революции, *непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство.* Ленин был *пролетарским* революционером с головы до ног. Но он в то же время знал, что непосредственно действовать ему приходится в стране, где преобладает крестьянство и где поэтому пролетариат может победить только при правильном отношении рабочего класса к крестьянству. Выдвинув перед революцией 1905 г. великий лозунг „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", Ленин не только ни на секунду не переставал быть пролетарским революционером, не только не делал уступок буржуазной демократии (меньшевики, и тов. Троцкий в том числе, как известно, в это время обвиняли тов. Ленина в том, что, назвав себя марксистом, Ленин на деле является будто бы идеологом буржуазной демократии), но был единственным, кто не на словах, а на деле прокладывал уже тогда дорогу *социалистической* революции в обстановке, когда буржуазная демократия была еще силой, способной расшатывать царское самодержавие. Ленин уже тогда чувствовал себя признанным вождем *пролетарской* революции и действительно был им. Он знал и верил, что большевистская партия, т. е. подлинный авангард пролетариата, поможет рабочему классу прорваться как можно дальше по пути к осуществлению своих классовых целей, т. е. по пути к победе *пролетарской* революции. Он знал, что при каждой ситуации он и его партия сделают все, что только возможно, для того, чтобы взять от этой ситуации как можно больше для *конечной цели* пролетарского движения. Он понимал соотношение между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями так, что „первая перерастает вторую, вторая мимоходом решает вопросы первой, вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую" *).

И зная это, Ленин с гениальным мастерством маневрировал в трех революциях—все время во главе рабочего класса, все время конкретизируя свою тактику так, чтобы до дна использовать в интересах *своего* класса *любую* историческую ситуацию.

Ленин 10 января (1905 г.) „не тот", каким он был 8 января, ибо 9 января произошло знаменитое выступление петербургских рабочих, ибо 9 января революционное движение рабочих поднялось на новую ступень. „Нашего полку прибыло", мой класс стал сильней, и, стало-быть, размах партии соответственно тоже должен стать больше. Ленин 24 октября 1917 г. „не тот", каким

*) Ленин. Собр. соч. том XVIII, часть I, стр. 336.

он становится 26 октября 1917 г. „Не хвались, едучи на рать, а хвались едучи с рати",—так пишет Ленин за несколько дней до октябрьского восстания (в статье „К пересмотру партийной программы"). „Мы не знаем, победим ли мы завтра или немного позже (я лично склонен думать, что завтра—пишу это 6 октября 1917 г.—и что можем опоздать со взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня)... Нет, дорогие товарищи, мы еще не победили" *). Поэтому тов. Ленин отстаивает тогда, между прочим, необходимость сохранения программы-минимум.

На завтра, *после* победы октябрьского восстания, гениальный полководец рабочего класса „не тот" (или не совсем тот), каким он был еще за один день *до* этой победы. Мой класс стал сильнее, враги моего класса стали слабее, рессурсы рабочей революции увеличились,—стало-быть, больше нажима, смелей вперед! Таков подлинный Ленин. Как великая река катит свои волны и в строгом смысле слова через одну минуту не бывает вполне той же, какой она была минуту тому назад, в то же время *оставаясь* великой рекой,—так и Ленин, оставаясь великим вождем пролетарской революции, велик прежде всего именно тем, что он видит *конкретную* дорогу пролетарской революции. Он знает, что это не гладкая садовая дорожка, посыпанная гравием, по которой легко ходить. Он знает, что это очень тяжелая и совсем не гладкая дорога, по которой надо повести не группочку интеллигентов, умеющую образовать вместе с Мартовым „нефракционную" фракцию, а миллионы рабочих, за которыми, если мы хотим победить, непременно должны следовать в нашей стране десятки миллионов крестьян.

Формулы Ленина, его лозунги *живут*, они насквозь пропитаны „запахом" жизни, борьбы масс. Размах их растет вместе с ростом движения миллионов.

Это не абстрактная линия в безвоздушном пространстве, как у Троцкого, у которого эта абстрактная, мнимо-левая, „перманентная" линия на практике сочетается с весьма неабстрактным союзом с меньшевиками.

От великого лозунга „демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" (1905—1917) через „диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства" (1917) к фактической *диктатуре пролетариата*, осуществляемой на основе „*смычки* с крестьянством",—таков путь ленинизма.

От меньшевизма аксельродовского типа (1903—1905) через „перманентную" (1905—1907) разновидность меньшевизма к полному отказу от революции и замене ее меньшевистской „сво

*) Том XIV, ч. II, стр. 166—167.

бодой коалиции" (1909—1914), к половинчатой (блок с Чхеидзе и борьба против циммервальдской левой) политике во время войны (1914—1917). Вот путь старого троцкизма.

Если взять *литературную* историю большевизма, то можно сказать, что в основном она исчерпывается (или, по крайней мере, характеризуется) следующими сочинениями т. Ленина: от „Друзей народа" *плюс* „Развитие капитализма"—через „Что делать?" *плюс* „Две тактики"—к „Государство и революция" *плюс* „Ренегат Каутский". Вот главные литературные вехи ленинизма Вдумаемся в то, *что означают* эти вехи. „Друзья народа" *плюс* „Развитие капитализма", это—гениальное проникновение в теорию марксизма *плюс* конкретнейшее, глубочайшее изучение экономики и социальной структуры той страны, где собирается начать действовать большевизм. „Что делать?" *плюс* „Две тактики", это—несравненная критика социал-демократического оппортунизма, не превзойденное по мастерству обоснование роли рабочей партии в революции *плюс* обоснование тактики пролетариата в *крестьянской стране* накануне буржуазно-демократической революции, которую надо стараться провести так, чтобы она как можно скорее начинала „перерастать" во вторую революцию—*революцию социалистическую* „Государство и революция" *плюс* „Ренегат Каутский", это—перенесение ленинизма на *мировую* арену, это (вместе с книгой „Империализм, как новейший этап капитализма")—глубочайший анализ новейшего империализма и обоснование тактики уже начинающейся *социалистической* революции, „перерастающей" первую, т. е. буржуазно-демократическую революцию.

Сравните все это с троцкизмом.

Если Ленин—классический тип пролетарского революционера, то Троцкий—„классический" тип *интеллигентского* революционера. (Мы сравниваем здесь, разумеется, не лиц, а представителей двух политических направлений). Этот интеллигентский революционер имеет, разумеется, сильные черты, умеет *иногда* слиться с пролетарской массой (когда дело идет на большой под'ем), но то, что составляет сердцевину его политической деятельности, есть именно интеллигентская революционность. Это—герой революции, написанной по Суханову—не даром этот „сладенький" интеллигент „лево"-меньшевистского толка в своей многотомной „Истории" сорокаведерными бочками льет воду именно на мельницу троцкизма *).

*) Отзыв В. И. об „Истории" Суханова крайне важен и должен получать немалое значение при оценке нынешних наших споров с тов. Троцким, который в целом ряде вопросов просто-напросто *повторяет* Суханова, пишет историю „по-Суханову".

Вот сжатая политическая биография троцкизма, принадлежащая авторитетному перу тов. Ленина.

„Он (Троцкий) был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 году, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательное соглашение с *кадетами* (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весною 1907 г. на лондонском с'езде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть скорей различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений. Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой, и поэтому об'являет себя стоящим выше обеих фракций". Так писал тов. Ленин в статье „Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России". (Собр. соч., т. XI, часть II, стр 307—308).

Прибавим к этому еще пару характеристик, сделанных самим тов. Лениным.

„Величайший вред приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-летнюю историю идейной борьбы в рабочем движении". Так писал тов. Ленин в статье „Идейная борьба в рабочем движении". (См. газ. „Путь", „Правда", от 4 мая 1914 г.).

„Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда „пролезая в щель" тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся". Так писал тов. Ленин в статье, помещенной в журнале „Просвещение", №№ 4, 5, 6, за 1914 г.

„Каковы бы ни были суб'ективно „благие" намерения Троцкого и Мартова, об'ективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм". Так писал тов. Ленин в сборнике „Социал-Демократ", № 1, в октябре 1916 г.

Если прибавить к этому, что в течение всей империалистской войны (1914—1917 г.г.) тов. Ленин систематически относил т. Троцкого к числу каутскианцев (см., напр., брошюру Ленина и Зиновьева „Социализм и война"); если припомнить, что уже на апрельской конференции 1917 г., как и в письмах о тактике, писанных в апреле 1917 г., тов. Ленин и после февральской революции решительно выступает против основных идей троцкизма, то мы получим сжатое представление о том, как оценивал троцкизм до самого 1917 г. тов. Ленин.

Мы говорили выше о *литературных* вехах, определяющих путь развития большевизма. Сопоставьте с ними литературные

вехи, определяющие путь развития троцкизма. Это будут следующие книги тов. Троцкого: „Наши политические задачи“ (1903 г.), „Наша революция“ (1905—06 г.) (кстати сказать, среди германской социал-демократии, тогда уже достаточно прогнившей, работы тов. Троцкого имели очень большой успех), затем сотрудничество в ликвидаторском журнале „Наша Заря“, затем светлый промежуток—книга о Каутском (1919 г.), затем „Новый курс“ и „Уроки Октября“ (1923—1924 г.). Попятная эволюция т. Троцкого в этих двух последних работах—как на ладони.

Что такое была книжка „Наши политические задачи“? Эта книжка, вышедшая с посвящением меньшевистскому патриарху П. Б. Аксельроду, была самой вульгарной меньшевистской книжонкой, какую только знает история меньшевистской литературы. Танцуя, якобы, от „классовой“ печки (мы знаем, что у меньшевиков была система: подготовляя на деле политический союз с либеральной буржуазией, меньшевики любили обвинять большевиков в недостаточной выдержанности классовой точки зрения), тов. Троцкий в этой книжке приходил к выводам *либеральной* рабочей политики.

А что такое была „Наша революция“, самая „левая“ из книг троцкизма первой эпохи? В этой книге (см. также „1905 год“) нашла себе обоснование пресловутая теория перманентной революции, которую теперь т. Троцкий хочет навязать большевизму. Эту „теорию“ тов. Ленин и все большевики вместе с ним всегда рассматривали, как *разновидность меньшевизма*. Совершенно непонятно, почему через 15 лет разновидность меньшевизма должна быть об'явлена составной частью ленинизма, или даже подлинным ленинизмом, или теорией, исправляющей „ошибки“ ленинизма. Но все помнят, что в этой „левой“ книге, в которой тов. Троцкий, якобы, защищал „рабочую“ революцию против большевистской идеи „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства,“ Троцкий писал:

...„Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. *Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержать свою власть и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру.* (Курсив Троцкого). В этом нельзя сомневаться ни на минуту“ *).

*) Троцкий. „Наша революция“, 1906 г. Изд. Глаголева, стр. 277—278.

Что значит *„государственная* поддержка европейского пролетариата?“ Чтобы иметь возможность оказать „государственную поддержку“ русской революции, европейскому пролетариату надо было сначала... *завоевать власть в Европе.* Но ведь об этом, конечно, не могло быть и речи в 1905 году и вообще до войны 1914—18 г.г. А Троцкий „перманентную“ революцию проповедывал именно в 1905 году.

Что же из этого вытекает? Да то, что Троцкий либо серьезно сам не верил ни в какую перманентную революцию в 1905 году и говорил все это для красоты слога, либо что он проповедывал в 1905 году „перманентную“ революцию лишь с условием, чтобы европейский пролетариат оказал нам „государственную поддержку“, т.-е. Троцкий „откладывал“ рабочую революцию в России до победы пролетарской революции в Европе. В этом последнем случае Троцкий выступает представителем самой шаблонной социал-демократической точки зрения: сначала пусть революцию сделают „они“, а потом уже „мы“ сделаем „сразу“ рабочую революцию.

Фактический блок Троцкого с меньшевиками в это именно время (вспомним слова Ленина: „Вернулся к меньшевикам в 1905 г.“) подтверждает именно вторую альтернативу.

Троцкий в те времена много писал о том, что победоносная русская революция возможна только как часть победоносной международной революции, ибо западно-европейский капитал поддерживает-де царизм займами и т. п. Зерно истины здесь было, и постольку Троцкий повторял лишь то, что говорили большевики. Но Троцкий, по обыкновению, слишком механично понял эту связь русской революции с международной, слишком схематизировал эту связь, слишком абстрактно ставил вопрос. И это именно приводило его к словесно-„левой“, но совершенно абстрактной линии в безвоздушном пространстве, сочетаемой на деле с поддержкой меньшевиков.

О „государственной поддержке“ со стороны европейского пролетариата в 1905 г. не могло быть и речи. Этой государственной поддержки у нас нет еще, к сожалению, и в 1924 г. На 8-й год пролетарской диктатуры в нашей стране мы получаем еще из Англии, например, не „государственную поддержку“ со стороны английского пролетариата, а... ноты Болдуина и Чемберлена. „Левая“ на словах теория тов. Троцкого так легко мирилась с поддержкой *на практике* в течение 15 лет самого махрового меньшевизма именно потому, что эта теория была „левой“ лишь на словах. Ларчик открывается очень просто.

Конкретного пути революции в нашей стране тов. Троцкий не понимал. Действительного значения крестьянства в нашей революции он не понимает и теперь. Если нужны были еще доказательства, то тов. Троцкий дал их именно в своей последней работе — „Уроки Октября". Мы просим читателя вдуматься в следующую выдержку из „Уроков Октября":

„Именно незрелость революции при совершенно своеобразных условиях, созданных войной, вручала мелкобуржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. *Но это вовсе не значит, что русская революция могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 г. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война* (курсив наш.) Благодаря войне, крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде чем пролетариат успел организоваться под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелкобуржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войной крестьянской армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне" („Уроки Октября", стр. XVIII—XIX „1917").

Разве это не „перл"—как любил говаривать В. И.? У тов. Ленина, когда он говорит о коренном вопросе революции, о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, всегда целые страницы просятся в хрестоматию ленинизма. У Троцкого—совсем „наоборот". Вдумайтесь в эти слова Троцкого. Разве не просится эта страничка троцкистской прозы в хрестоматию, как образец того, что *не есть* большевизм?

Путь от февраля по октябрь 1917 г. вытекал, видите ли, „не только из классовых отношений, но из тех временных (!) условий, какие создала война". Что сей сон значит? Выходит, что война не вытекала из классовых отношений! Выходит, что война, видете ли, была вообще нечто наносное! Эгакий „случайно случившийся случай". Ну, а русско-японская война, из которой вырос 1905 г.,—генеральная репетиция 1917 года,—не была ли она случайной, не создала ли и она „временных условий"? Какова глубина мысли! *Если бы* не было империалистской войны,—а ленинизм ведь учит, что империалистская война родилась с неизбежностью из всей обстановки империализма,

„как новейшего этапа капитализма“ (Ленин), т. е., стало быть, и хода классовой борьбы; *если бы* Россия не была крестьянской страной, а стало-быть и ее десятимиллионная армия не была бы крестьянской армией; *если бы* эта крестьянская армия не была возмущена империалистской войной, которую буржуазия не могла не повести; *если бы* удельный вес стомиллионного крестьянства не давил на весь ход общественно-политической жизни страны,—то тогда развитие революции пошло бы по Троцкому, и изумленное человечество увидело бы апофеоз троцкизма!

Вся эта философия может быть коротко но вразумительно выражена известной русской поговоркой: „*Ежели бы да кабы*“... *Ежели бы* Россия не была крестьянской страной, *да кабы* русский царизм не был составной частью европейского империализма; *ежели бы* для войны не нужно было армий, да кабы эти армии не возмущались империалистской войной; *ежели бы* русский рабочий класс действовал в какой-то другой России, а не в стране с преобладанием крестьянского населения,—тогда... тогда троцкизм оказался бы прав против ленинизма.

Нашему автору, повидимому, и невдомек, что „ежели бы да кабы“ не было империалистской войны со всеми неизбежно вытекшими из нее последствиями, то, может быть, не было бы и революции 1917 г. и не было бы такой сравнительно легкой победы ее вначале. Нашему автору, повидимому, и невдомек, что именно развитие революции от февраля до октября 1917 г. „мимоходом“ подтвердило ту и без того уже азбучную истину, что весь троцкизм с его теорией „перманентной революции“ был не чем иным, как надуманной интеллигентской схемой, которая на деле шла на потребу меньшевизму.

Послушаем еще раз тов. Ленина.

„Отсюда их (меньшевиков) чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая „Общ. Движение“), что... „диктатура пролетариата и крестьянства“ (классическая постановка) *противоречит* „всему ходу хозяйственного развития“... „У нас при всяком кризисе *нашей* эпохи (1905—09?) *выступит*, обязательно выступит „общедемократическое“ движение „мужичка“, и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, *на деле* приводящей к меньшевизму“. Так писал тов. Ленин в декабре 1909 г. („Пролет. Революц.“, № 5/281, стр. 178—179).

А тов. Троцкий не понимает даже в 1924 г., что роль „мужичка“ в таком „кризисе“, как 1917 г., была *не* случайной, *не* стоящей в стороне от хода классовой борьбы.

Нашему автору, повидимому, и невдомек, что ход великой революции между февралем и октябрем 1917 г. блестяще под-

твердил именно ленинизм, между прочим, и в той части, где Ленин со свойственной ему теоретической беспощадностью расправлялся и с троцкистской разновидностью меньшевизма.

Сотрудник тов. Троцкого и „редактор" его тома „1917" тов. Ленцнер, делая самое серьезное лицо, утверждает, что уже в статьях, написанных тов. Троцким в начале марта 1917 г. в Америке (где застала февральская революция тов. Троцкого), в газете „Новый Мир" „предвосхищена" постановка вопроса тов Лениным в его знаменитых „Письмах из далека". На самом деле эти статейки (кстати сказать, написанные тов. Троцким тогда, когда еще не обсохли чернила на его статьях против циммервальдской левой) были зауряд-статейками агитационного порядка.

„Эй, вы, там, потише! Спрячьте лучше ваши наемные рожи в той черносотенной подворотне, куда никогда не достигал и не достигнет луч революции!" *). Эта выдержка из упомянутых статей дает довольно хорошее представление о всех этих статьях, якобы „предвосхитивших" Ленина. Тов. Троцкий даже не знал еще, *где начинается вопрос* в то время, когда тов. Ленин в своих действительно знаменитых „Письмах из далека" уже предложил российскому рабочему классу додуманную почти до деталей схему подлинного Октября. Но это было бы еще с полбеды. От тов. Троцкого никто и не ожидал того, чтобы он опроверг известную французскую пословицу, согласно которой самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет. Настоящая беда заключается в том, что в 1924 году, ополчаясь против ленинизма, тов. Троцкий не мог сказать ничего умнее, чем то, что, „ежели бы да кабы" не было бы империалистской войны и не было бы преобладания крестьянства в нашей стране, то троцкизм был бы прав против ленинизма.

Нужны ли еще другие доказательства того, что тов. Троцкий как не понимал, так и не понимает большевистской постановки вопроса о крестьянстве?

Гнилой орех не станет лучше, если его слегка покрыть позолотой. Троцкизм, до военного времени представлявший собою разновидность меньшевизма, не станет лучше от того, что его попробуют поднести с позолотой „ленинизма".

„Уроки Октября" с полной наглядностью доказали, увы, только одно: что и сейчас, на восьмом году пролетарской революции, тов. Троцкий подлинную суть ленинизма не понял и больше всего путает „на эфтом самом месте"—в вопросе о крестьянстве,—в том вопросе, который является главнейшим источником злоключений тов. Троцкого, начиная с его брестской

*) Троцкий. „1917", стр. 21.

ошибки, продолжая ошибкой в вопросе о профсоюзах в 1921 г. и кончая его ошибками новейшего времени.

* * *

В „Уроках Октября" почти столько же ошибочных утверждений, сколько утверждений вообще. Легче перечислить те исключительные случаи, когда тов. Троцкий представил фактическую сторону событий за февраль—октябрь более или менее правильно, чем те случаи, когда он... уклонился от истины. Более слабого, менее „подкованного" произведения мы у тов. Троцкого не знаем за последние годы. Он совершенно не потрудился свести концы с концами. Он настолько торопился поднести партии свой сюрприз, он настолько был проникнут страстным желанием наговорить побольше... любезностей Центральному Комитету партии, что выполнил свою „работу" с небрежностью, которая, при любви тов. Троцкого к „плановому" подходу, является прямо-таки удивительной. Отсюда то, что комсомольцы без труда ловят тов. Троцкого на том, что он смешал Ленина с Гильфердингом (вопрос об Учредительном Собрании и о, так называемом, комбинированном типе Учредительного Собрания и Советов*). Отсюда то, что тов. Сокольников уличает тов. Троцкого в том, что „левые" ошибки тов. Богдатьева наш почтенный автор „Уроков Октября" приписывает... тов. Ленину (история с апрельской 1917 года демонстрацией). Отсюда то, что тов Куусинен с документами в руках легко доказывает, что еще в январе 1924 г. тов. Троцкий по вопросу о германской революции **) говорил прямо противоположное тому, что он говорит теперь в „Уроках Октября". Отсюда то, что такие важные эпизоды революции, как вопрос об июньской демонстрации, о борьбе вокруг Кронштадта и даже об июльских днях, тов. Троцкий освещает по Суханову и даже по газете „День", а не так, как эти события разыгрывались в действительности. Отсюда то, что вопрос о тактике большевиков по отношению к

*) Кстати, из второй части „1917" мы узнаем, что еще 29 ноября 1917 г. сам тов. Троцкий по поручению Совета Народных Комиссаров писал в одном из воззваний: „Спасти страну может только Учредительное Собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплоатируемых классов народа". Позволительно спросить, чем это лучше, чем „комбинированный тип"? („1917", часть 2-я, стр. 133).

**) Одного примера здесь хватит: „Мы наблюдали там (в Германии) во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения",—так писал тов. Троцкий в сентябре 1924 г. в „Уроках Октября".

„Если бы партия (Герм. К. П.) об'явила восстание в октябре (прошлого года), как это предлагали берлинские товарищи, она лежала бы сейчас со свернутой шеей",—эти слова читаем мы в проекте тезисов т.т. Радека и Троцкого в январе 1924 года.

Нельзя же иметь *два* мнения по такому вопросу—одно в январе 1924 г., а другое в сентябре 1924 г... А имея *два* мнения по такому вопросу, нельзя *так* нападать на ИККИ, как делает это Троцкий.

Предпарламенту и Демократическому Совещанию освещен столь же неправильно и столь же тенденциозно. Эти „маленькие“ ошибки уже подвергаются освещению со стороны достаточно авторитетных свидетелей событий. Быть может, и нам в другом месте удастся еще вернуться к подобному освещению некоторых из этих весьма крупных эпизодов революции и осветить их, между прочим, на основании многочисленных разговоров с Владимиром Ильичем иногда в течение целых дней и ночей (напр., три недели в шалаше и т. д). Пока же перейдем к другим вопросам, которые нуждаются в немедленном раз'яснении.

3. Было ли в большевистской партии правое крыло?

На этот вопрос необходим совершенно ясный ответ.

Всякий, знающий подлинную историю большевизма, не колеблясь, ответит на этот вопрос: *не было и быть не могло.*

Почему быть не могло?

Каждый, кто знает историю большевизма не понаслышке, кто не всуе повторяет слово ленинизм, не затруднится ответить на этот вопрос.

Не могло быть потому, что самый основной принцип построения большевистской партии по Ленину исключает возможность правого и левого крыла.

Не могло быть, ибо ленинизм это и есть *партия-монолит*, партия, вылитая из одного куска.

Не могло быть, потому что первый раскол большевиков с меньшевиками начался уже с 1903 года, на заре первой революции 1905 г.

Тов. Ленин писал по поводу итальянской социалистической партии, что даже ее первый раскол за несколько лет до мировой войны с наиболее яростными шовинистами—раскол далеко не полный, не радикальный, поверхностный,—что даже этот раскол помог итальянской социалистической партии в первую полосу империалистской войны 1914 г. занять более приличную позицию, чем позиция тех с.-д. партий, которые оставались „об'единенными“ вплоть до 1917 г. и позже. Каждый, кто читал статьи тов. Ленина о германской социал демократии, писанные в 1914—1915 г.г. (см. сборн. „Против течения“), помнит, как страстно призывал раскол германской социал-демократии тов. Ленин, какие большие надежды возлагал он на этот раскол, как тов. Ленин об'яснял полный крах германской социал-демократии, между прочим, запоздалостью раскола между левым и правым крылом в этой партии и т. д.

„Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями „мирного“ периода, но державшийся тайком, приспособлявшийся к революционным рабочим, перенявший у них марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки. Этот тип пережил себя.

В Италии партия была исключением для эпохи II Интернационала: оппортунисты с Биссолати во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались превосходными. Мы вовсе не идеализируем итальянской социалистической партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный факт, что рабочие большинства европейских стран оказались обмануты фиктивным единством оппортунистов и революционеров, и что Италия есть счастливое исключение—страна, где в данное время такого обмана нет. То, что было счастливым исключением для II Интернационала, должно стать и станет правилом для III. Пролетариат всегда будет находиться,—пока держится капитализм,—по соседству с мелкой буржуазией. Не умно отказываться иногда от временных союзов с ней, но единство с ней, единство с оппортунистами могут теперь защищать только враги пролетариата или одураченные рутинеры пережитой эпохи“. („Против течения“, из статьи „Что же дальше?“, стр. 32—33).

Кто вдумается в эти слова, тот поймет, почему в партии, созданной т. Лениным в борьбе против меньшевиков и Троцкого, *не могло* быть правого крыла.

„Наша российская партия давно порвала организационно с оппортунистическими группами и элементами. Гирь оппортунизма... не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг, как помог и итальянским товарищам раскол“—так писал В. И. в брошюре „Социализм и война“ (глава 2-я).

„Англичане из независимой рабочей партии“, конечно, горой будут стоять за такую амнистию социал-шовинизму, прикрытую рядом поклонов влево. Разумеется, „окистам“ (сторонники меньшевистского организац. комитета) и Троцкому сам бог велел уцепиться теперь за фалды Каутского и Бернштейна“—писал тов. Ленин в статье „О положении дел в рос. соц.-дем.“ („Против течения“, стр. 87).

Понять надо все это тов. Троцкому,—и тогда он поймет, почему нельзя говорить о правом крыле *большевистской* партии,

созданной т. Лениным в „бешеной" борьбе против всех небольшевистских фракций, групп, группочек, оттенков.

Большевизм развивался не по-германски и даже не поитальянски. Вся сила ленинизма в том и заключалась, что борьбу с правым крылом социал-демократии большевизм, под руководством тов. Ленина, начал уже 20 лет тому назад и что борьба эта *была доведена до самого конца.*

Кто хоть что-нибудь понимает в теории, тактике и организационных принципах ленинизма, тот *не может* утверждать, что в большевистской партии было правое крыло. Правое крыло *большевизма*—это просто бессмыслица. Это все равно, что сказать „деревянная сталь", „горячий снег" и т. п. Большевизм в самой своей основе тем и отличался от меньшевизма, что не мог допускать и не допускал организации партии, как блока всевозможных течений—правого, левого, центра и т. п.

Вспомните, что писал тов. Ленин, например, относительно полосы эмигрантского существования партии. Он говорил: необычайное богатство политических оттенков в эмиграции—меньшевики, эсеры, анархисты, максималисты с рядом подразделений внутри каждого из этих течений—именно и приводило к тому, что все небольшевистское, как пластырем, оттягивалось от большевистской партии. То же было и в период легального и полулегального существования партии, в частности между февралем и октябрем 1917 г. Тогда на легальной арене мы видели то же самое богатство и разнообразие политических партий, фракций, подфракций, течений и т. д. В эти партии, фракции и подфракции неизбежно уходило все то, что было не вполне большевистским (живые примеры—такие крупные работники большевизма 1905 года, как И. И. Гольденберг, Авилов, Войтинский); а большевистская партия, таким образом, становилась кристаллизационным центром *только* для большевиков. Поэтому, наша партия и была вылита из одного куска.

Нужно совершенно не знать ни Ленина, ни ленинизма для того, чтобы допустить, что Ленин мог бы на сколько-нибудь продолжительное время примириться с существованием правого крыла большевистской партии. А еще важней то, что с представлением о правом крыле в большевистской партии не мирится самый ленинизм.

Могут возразить: но ведь были большевики-примиренцы, которые очень похожи были на правое крыло большевизма.

Да, были. Примиренцы-большевики сыграли эпизодическую роль уже в самом начале раскола большевиков с меньшевиками (1903—1904), а затем и в годы контр-революции (1910—1911). Но в том-то и дело, что в моменты этих колебаний больше-

виков-примиренцев дело доходило уже, в сущности, до прямого раскола с ними. Большевистская партия под руководством тов. Ленина готова была отрезать этот ломоть и частично отрезала его именно для того, чтобы остаться большевистской, т.-е., между прочим, однородной партией.

Чтобы понять историю даже этой небольшой группы большевиков-примиренцев, надо вдуматься в следующие факты. Громадное большинство (почти все) большевиков-примиренцев теперь находится в наших рядах, и никто не вздумает утверждать, что они представляют собою хотя бы нечто в роде правого течения в партии. Наиболее выдающимся вождем примиренческого течения был в свое время покойный И. Ф. Дубровинский (Иннокентий). Но из ста товарищей, знавших его, сто же и скажут, что, доживи Иннокентий до наших дней (он погиб в ссылке в 1912 году), он, разумеется, не был бы и не мог бы быть представителем какого-нибудь правого крыла. Дело в значительной степени об'яснялось каторжными условиями тогдашнего существования партии. Из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку шли такие люди, как Дубровинский, Ногин (тоже одно время примиренец), и между одной тюрьмой и другой иногда допускали эпизодические ошибки в организационных вопросах. Конечно, при логическом развитии этой ошибки товарищи эти могли бы стать жертвой оппортунизма. Но этого не случилось и случиться не могло. А поскольку эпизодически к этому подходило дело, тов. Ленин тут же ставил вопрос ребром, и дело не могло кончиться ничем другим кроме как либо исключением из большевистских рядов, либо подлинным подчинением большевистскому центру.

Это вовсе не значит, что в многолетней истории большевизма, полной глубокого содержания, никогда не было разногласий и оттенков между наиболее крупными работниками большевистской партии. Ожидать этого было бы просто смешно. Такие разногласия были. Было, например, то, что в 1906 г. тов. Каменев защищал бойкот государственной думы („левая“ позиция), между тем, как тов. Ленин стоял за участие. Было то, что на пленуме ЦК 1910 г. (последний пленум совместно с меньшевиками) часть большевиков решила сделать опыт об'единения с Троцким, между тем, как тов Ленин и другие члены большевистского центра (в том числе и пишущий эти строки) были решительно против этого опыта. Но это были именно эпизодические разногласия.

Эпизодическими нельзя назвать разногласия, наметившиеся с впередовцами в 1908 г. и затянувшиеся на несколько лет. Эти мнимо-„левые“ на самом деле защищали оппортунистиче-

скую тактику, т. е. отказывались от основ большевизма. И именно поэтому здесь дело не могло обойтись без раскола. Впередовская группа была исключена из большевистской организации, и в нашу партию из числа впередовцев вернулись только те, кто радикально излечился от впередовства.

Эпизодическими нельзя назвать также те разногласия в связи с войной, которые коснулись, правда, только отдельных выдающихся большевиков в начале империалистской войны. Большевизм в целом, как известно, занял совершенно правильную позицию против империалистской войны и усвоил всемирно-исторической важности лозунг „превращение империалистской войны в войну гражданскую". Но отдельные крупные работники большевизма (например, покойный И. П. Гольденберг) поколебались в вопросе о характере войны, и *немедленно же дело дошло до организационного разрыва с этими товарищами.* И. П. Гольденберг смог вернуться в партию только уже в 1920—21 г., когда он радикально сознал свою ошибку.

Чем об'яснялись некоторые ошибки в первые дни Февральской революции? Генеральный штаб большевиков с'езжался с разных концов света после нескольких лет империалистской войны и белого террора, разорвавших связь даже между самыми близкими друзьями, центральными работниками большевизма. Одни возвращались в Петроград из далекой эмиграции, другие—из каторжных тюрем, третьи—из самых заброшенных уголков сибирской ссылки. На голову всех обрушились события громадной всемирно-исторической важности. Многое вначале шло не так, как ожидалось. Большевики в первые дни революции оказались незначительным меньшинством даже среди рабочих Петрограда. Те настроения многомиллионной солдатской массы, которые В. И. впоследствии назвал „добросовестным оборончеством", создали громадные тактические трудности: как подойти к этим массам, как заставить их даже только выслушать первые речи большевиков? Все это, вместе взятое, и создало те трудности, которые привели к ошибкам „Правды" в первые дни после Февральской революции, до приезда тов. Ленина.

Но можно ли отсюда умозаключать к наличию в большевистской партии правого крыла, которое тов. Троцкий,—как раз не кто иной, как именно Троцкий,—пытается характеризовать, как „социал-демократическое", „полуменьшевистское" крыло? Так может поступить только тот, кто не знал и не знает большевистской партии, кто судит „со стороны", для кого история этой партии есть только история той партии, к кото-

рой данное лицо 15 лет шло с „боями“, той партии, которой даешь очередной „бой“ и в 1924 г.

Серьезные разногласия были среди большевиков между апрелем и сентябрем 1917 г. Из этих разногласий *могли бы* вырасти группировки, *если бы* ошибавшиеся товарищи настаивали на своих ошибках, *если бы* сами события быстро не разрешали этих ошибок, *если бы* партия единодушно не отвергла этих ошибок, *если бы* у партии не было Ленина и т. д. Тогда наступил бы раскол или откол, но никак не узаконение правого крыла. Но в том-то и дело, что все эти „если“ в действительности не осуществились и осуществиться не могли.

Острые разногласия были среди большевиков между октябрем и ноябрем 1917 года. В этот промежуток времени (и *только* в этот) среди ошибавшихся был и пишущий эти строки. *Если бы* ошибка не была признана немедленно, *если бы партия* единодушно ее не выправила, *если бы* опять-таки у партии не было т. Ленина, разумеется, из такого хотя и кратковременного, но зато острого разногласия, могли бы вырасти серьезные последствия. Но в том-то и дело, что все было наоборот.

Первый раскол большевиков с меньшевиками начался в 1903 году. Вполне самостоятельное организационное существование большевизм ведет, примерно, с 1910 года. Между 1903 и 1910 г.г. лежит полоса недостаточной организационной оформленности большевизма, как самостоятельной организации. Между 1903 и 1910 г.г. еще могли быть кое-какие неясности в построении большевистской организации. *С 1910 по 1917 г.г. об этом не могло быть и речи.* Правого крыла в большевистской партии не было и быть не могло. Утверждать обратное,—*значит* уже одним этим утверждением показывать полное непонимание основ большевизма.

4. Возможно ли образование правого крыла в РКП теперь?

Действительно актуальный вопрос—актуальный не только для нашей партии, но и для всего Коминтерна—заключается не в том, было ли у большевиков правое крыло в 1917 г., а в том, есть ли такое крыло в настоящий момент, есть ли тенденция к образованию такого правого крыла, возможно ли (и допустимо ли) образование такого правого крыла в РКП?

Ставя перед собою *этот* вопрос, мы отвечаем: да, такое крыло в РКП и в Коминтерне теперь пытаются создать. Главной фигурой в этом деле является тов. Троцкий. Действитель-

ная проблема, которой болеет теперь партия, заключается в том, *можем ли мы допустить до оформления такого крыла, и если нет, то как избегнуть этого?*

Откуда может взяться теперь правое крыло (или „крылышко"), правая фракция или правое течение, которое *хочет* создать тов. Троцкий? Было бы смешно и глупо об'яснять это только личной виной того или другого товарища. Нет, для этого существуют, несомненно, и *об'ективные* предпосылки.

Каковы черты отличия между нынешним положением вещей в нашей партии и положением нашей партии до Октябрьской революции? Таких черт несколько.

Во-первых. С открытой арены политической жизни в нашей стране исчезли меньшевики, эсеры, анархисты и т. п. группы. О прежнем богатстве различных политических партий, оттенков, течений нет и речи,—по крайней мере, поскольку речь идет об открытом соревновании перед широкими кругами рабочих и крестьян. Для успешного проведения диктатуры пролетариата победивший рабочий класс, возглавляемый нашей партией, не мог не лишить легальности эсеров, меньшевиков, анархистов (антисоветского направления) и других группировок, являвшихся враждебными самой идее диктатуры пролетариата. На легальной арене действует только РКП. И иначе быть не может в нынешний период. При таком положении вещей неизбежно, что к нашей партии теперь примыкают (а иногда даже прямо входят в ее ряды) такие элементы, которые, при наличии других легальных партий, были бы *не* у нас. Это важнейшее обстоятельство само по себе ни в коем случае не может способствовать увеличению однородности нашей партии.

Во-вторых. Мы разбили идейно две главные партии, соперничавшие с нами в течение двух десятилетий: эсеров и меньшевиков. Несколько десятков тысяч бывших членов этих партий перешли в наши ряды, в том числе тысячи и тысячи бывших эсеров и меньшевиков, которые были в этих партиях активными членами. Достаточно назвать самого тов. Троцкого.

Нечего повторять, что значительная часть этих товарищей, вышедших из среды чужих нам партий, вполне ассимилированы теперь нашей партией, являются, хотят быть и будут хорошими большевиками. Но нельзя скрывать от себя и того, что ликвидация эсеров и меньшевиков, как легальных партий, и факт перехода к нам десятков тысяч их бывших активнейших членов никоим образом не могут содействовать однородности нашей партии.

В-третьих. Страна наша переживает вообще переходный период. До октября 1917 года положение было во многих от-

ношениях труднее, но зато яснее. Перед партией стояла непосредственная боевая задача—свержение буржуазии. Нынешнее положение во многих отношениях сложнее. Оно пестро. Обстановка нэпа, буржуазное окружение в мировом масштабе—все это моменты, делающие положение чрезвычайно сложным. Никогда еще в истории борьбы рабочего класса всего мира рабочей партии не приходилось считаться с таким сложным переходным периодом.

В-четвертых. Социальный состав партии стал разнородным. Если к октябрю 1917 г. мы были партией по составу почти исключительно рабочей, то после 1917 г. дело меняется. После всех перипетий, через которые прошла наша партия за эти 7 лет, мы имеем в своей среде и сейчас больше ста тысяч членов партии крестьян, несколько десятков тысяч членов партии в вузах (далеко не все рабочие), десятки тысяч членов партии из советских служащих и т. д.

Что означают все наши усилия регулировать социальный состав партии, что означают, в конце концов, наши чистки, новые наборы, в частности ленинский набор и т. п.? Все это есть *цепь усилий отстоять максимальную однородность партии,* помешать разжижению ее социального состава, не допустить чрезмерной пестроты в самом социальном составе партии.

Все это вместе взятое и создает обстановку, при которой действительно *возможно* оформление правого крыла в большевистской партии, созданной Лениным.

А если к этому прибавить еще тот немаловажный фактор, что самого товарища Ленина у нас больше нет, то станет ясным, сколь ответственным становится положение.

Если очистить все наступления тов. Троцкого на большевистский ЦК от всего случайного, личного и наносного, если подойти к этим наступлениям с максимальной об'ективностью, то станет ясным, что смысл их заключается в следующем. Тов. Троцкий являлся все эти годы в нашей партии выразителем всего того, что не является строго-большевистским. Тов. Троцкому, как выразителю этих небольшевистских настроений, *тесно* в пределах старой ленинской тактики. Он искренно убежден в том, что старые методы ленинизма не годятся теперь, когда партия работает на столь широкой арене. Партия, по его мнению, должна стать блоком, пусть не оформленным, различных направлений, фракций и оттенков.

Все мы знаем, что в партии, стоящей у власти и подавившей все остальные несоветские партии, *неизбежно* должны так или иначе отразиться те общественные процессы, которые развиваются или еще только намечаются во всей стране. Мы, ле-

ницы, делаем из этого тот вывод, что *тем более необходимы максимальная однородность партии, максимальная твердость руководства, максимальная прививка ленинизма партии.* Не в том дело, чтобы партия затыкала себе уши ватой и старалась не слышать того, что назревает в стране. Наоборот. Маневрировать, иногда уступать—необходимо. Но для этого-то и надо, чтобы партия всегда оставалась самой собой, т.-е. *большевистской партией.* Ленинизм знает, что знает: маневрируя, отступая и наступая, применяясь к самой сложной обстановке, он всегда остается большевизмом, т.-е. преследует интересы пролетариата в крестьянской стране.

Между тем, тов. Троцкий из сложности нынешнего положения делает (или у него назревают) другие выводы. Ему кажется, что прежний „сектантский“ (якобы сектантский), твердокаменный, годившийся якобы только для „кружка“, большевизм теперь ведет к „гибели страны“. Ему кажется, что теперь партия должна быть союзом различных течений и фракций, что она не должна непосредственно руководить государственным и хозяйственным аппаратом, что она должна дать больше простора буржуазным специалистам и т. д.

Будучи доведена до логического конца, эта идея тов. Троцкого в нынешней международной и внутренней обстановке ведет, в лучшем случае, к замене большевистской партии ленинизма некоей „широкой“, „трудовой“ партией *на манер английской макдональдовской лебор-партии* в „советском“ издании,—такой „широкой“ партией, в которой могли бы быть об‘единены все организации „трудящихся“, в том числе и те, которые не могут быть названы большевистскими в непосредственном смысле слова. Очень может быть, что тов. Троцкий еще не додумал до конца свои идеи, но логически он идет с неизбежностью именно к ней, если не остановится и не повернет назад к большевизму.

Партия, работающая в такой обстановке, как мы теперь, нуждается, разумеется, в ряде передаточных механизмов, ведущих ко всей рабочей массе, в том числе и к отсталым ее слоям. Она нуждается в ряде приводных ремней, обеспечивающих ей влияние в крестьянстве, среди служащих, в интеллигенции и т. д.

Система рычагов, обеспечивающих диктатуру пролетариата, сложна (советы, профсоюзы и т. д.). Но отсюда вовсе не вытекает, что самая партия может стать блоком течений, фракций, своего рода „парламентом мнений“ с правым крылом, левым крылом, центром и другими прелестями парламентаризма.

Не следует упрощать вопроса. Разумеется, большевистская партия 1924 г. не может попросту скопировать большевистскую партию, скажем, 1914 г. или даже 1917 г. Мы не можем и не

должны теперь ограничиваться приемом в нашу партию только рабочих. Через ленинский призыв мы сделали все возможное для того, чтобы увеличить удельный вес промышленных рабочих в нашей партии. Мы задерживали в течение пары лет приток в партию крестьян. Но мы все уже теперь вновь приходим к выводу, что необходимо вновь открыть дверь в партию значительному числу крестьян. Рабочая партия, управляющая государством в крестьянской стране, должна иметь определенный процент членов партии из крестьян. Все дело в том, что перед нами в СССР—не задачи рабочей партии „вообще", а задачи рабочей партии в *крестьянской стране.* Отсюда и сложность вопроса о социальном составе партии, раз эта партия управляет государством.

Итак, положение вовсе не так просто, трудности велики. Регулирование состава нашей партии—дело сложное и трудное. Оно стоит в тесной связи с труднейшими и порой деликатнейшими политическими проблемами. Партии приходится маневрировать и в этом отношении, т.-е. и в отношении своего собственного социального состава. Партия не может в нынешнюю эпоху быть *столь* однородной, какой она была до завоевания власти.

Но зато политика партии, а тем самым и руководство партии, должны быть насквозь большевистскими попрежнему,—как этому учил Ленин. Рабочий класс осуществляет свою гегемонию в революции, а наша партия есть руководящий авангард этого класса-гегемона.

Правильно понятые интересы класса-гегемона требуют, разумеется, известных уступок крестьянству, приспособления всей политики к некоторым коренным интересам крестьянства. Но предел этих уступок, предел этого приспособления *определяет рабочий класс и его авангард,* исходя из коренных интересов революции и руководящего ею класса-гегемона—рабочего класса.

Отсюда вытекает вопрос о внутренней ориентации партии, о том, что называют „внутрипартийной политикой". Большевистская партия, действующая в обстановке 1924 г., *должна ориентироваться на основную группу своих членов—рабочих.* „Барометром" для политики нашей партии никак не могут служить учащаяся молодежь или какие-либо другие слои нашей партии, кроме как рабочие.

Итак, можем ли мы допустить существование или образование правого крыла в нашей партии теперь?

Не можем!

Из того обстоятельства, что мы *должны* допустить недостаточную однородность социального состава нашей партии, что мы *должны* привлекать в члены партии известное количество

не-рабочих, ни в коем случае не вытекает, что и самую политику партии мы можем разжижать и что руководящий штаб партии тоже должен быть неоднородным, что штаб партии должен быть блоком фракций и т. п. Наоборот, именно потому, что в нынешней обстановке партия не может быть столь однородной по составу, какой она была до завоевания власти, политика партии должна строже, чем когда бы то ни было, ориентироваться прежде всего на рабочую группу партии. И именно поэтому же руководящий штаб партии должен быть особенно выдержанным, особенно твердым, особенно ленинским. И именно поэтому не может быть и речи о том, чтобы наш штаб стал блоком фракций и течений.

Об'ективные условия, в которых приходится действовать нашей партии сейчас, таковы, что опасность создания правого крыла (или течения, или направления) в нашей партии *налицо*. Кто хочет остаться верным духу ленинизма, тот должен отдать свои силы на то, чтобы помочь партии противоборствовать этой тенденции. При умелом и правильном применении принципов ленинизма в данной конкретной обстановке нам *удастся* не допустить до образования правого крыла в нашей партии.

Те же, кто, как тов. Троцкий, не только не противоборствуют этой тенденции, а становятся ее выразителями; те, кто вступает на дорогу борьбы с ленинским Центральным Комитетом, ясно видящим опасность и маневрирующим в сложной обстановке (как нас учил тов. Ленин), те становятся врагами ленинизма.

Хотят ли они этого, или нет—это все равно. Сознают ли они это ясно, или нет—это тоже все равно. Факты остаются фактами.

Может быть, лучше всего будет пояснить нашу мысль еще конкретнее. Возьмем, скажем, двух видных товарищей (скажем т. А. и т. Б.). Оба товарища—дисциплинированнейшие и прекраснейшие товарищи. Но т. А. пришел к большевизму в иное время и иными путями, чем т. Б. Тов. А. вырос из крестьянского движения, разлившегося широкой волной в годы гражданской войны после октябрьского переворота. Тов. Б. вырос из рабочего движения, примкнув к большевизму 20 лет тому назад. И тот, и другой нужны, ценны нашей партии. Только в известном сочетании тех элементов, которые представлены тем и другим,— залог полной победы революции. Но если бы, скажем, тов. А. стал оформлять внутри партии то, что зачастую отличает крестьянина-коммуниста (и беспартийного, примыкающего к коммунистам) от коммуниста-рабочего, если бы он стал требовать, чтобы политика партии ориентировалась не на рабочих, а на

крестьян, или если бы он стал требовать, чтобы генеральный штаб партии превратился в блок различных групп, что сказала бы в этом случае наша партия, т. А.?

Нечто подобное приведенному вымышленному примеру, но еще в гораздо худшем виде, делает теперь тов. Троцкий. Он именно становится выразителем всего того в партии, что не является большевистским.

Он именно требует, чтобы партия равнялась по всему небольшевистскому (в подлинном смысле слова) в ней.

Может ли с этим мириться партия? Мудрено ли, что партия дает т. Троцкому такой страстный отпор?

5. Куда ведет нынешняя эволюция тов. Троцкого?

Этот вопрос есть главный вопрос наших споров. Чтобы дать себе вполне ясный ответ на этот вопрос, мы попросим вдуматься в следующее обстоятельство.

У тов. Троцкого, как у яркой индивидуальности, конечно, есть не мало такого, что характерно только лично для него. Сюда относится и то, как выразился на-днях один рабочий, читавший „Уроки Октября", „яканье" (от слова „я"), которым полны писания т. Троцкого за последнее время. Сюда относится и то, что т. Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек: сам т. Троцкий, ибо на этой „платформе" буквально не остается места даже для единомышленников. *Постольку* приходится констатировать *индивидуальное* в позиции т. Троцкого. Но было бы все же неверно видеть в позиции т. Троцкого *только* индивидуальное. Он, несомненно, отражает и нечто более широкое из нашей обстановки.

Что же именно?

Обратили ли вы внимание, читатель, на следующее обстоятельство? Уже начиная с 1922 г., а тем более с 1923 г., происходит несомненный рост благосостояния страны, улучшение материального положения рабочих, улучшение настроения рабочих. И в это же самое время из всех выступлений т. Троцкого мы видим, что как раз в эти же годы у него все больше и больше портится политическое настроение. Кривая политического настроения в широких массах рабочих нашей страны идет *вверх,* кривая политического настроения т. Троцкого идет *вниз.* На этом фоне и углубляются разногласия между т. Троцким и партией, которая, ведь, является не чем иным, как головным отрядом рабочих масс.

Тов. Троцкий отдает все большую дань импрессионизму, все чаще начинает видеть вещи в исключительно черном свете,

предвещает „гибель страны“ (перед дискуссией прошлого года) накануне несомненного улучшения ее хозяйственного положения, попадает все чаще пальцем в небо, ставя неправильные диагнозы и предлагая еще более неправильные средства лечения, растеривает своих единомышленников и т. д. Вспомним, что при первом столкновении с т. Лениным и ленинским ЦК во время спора о Брестском мире тов. Троцкий имел на своей стороне очень значительную часть партии. Во время второго столкновения с тов. Лениным и ленинским ЦК в 1921 г. (дискуссия о профсоюзах) тов. Троцкий тоже имел еще на своей стороне около пятой части с‘езда. И это при обаянии Владимира Ильича во всей партии! Во время прошлогодней дискуссии число единомышленников тов. Троцкого было уже значительно меньше, но все-таки были сотни людей, которые готовы были до конца отстаивать его платформу. А во время нынешнего наступления т. Троцкого на ленинский ЦК охотников защищать платформу тов. Троцкого можно уже пересчитать по пальцам. Ведь это тоже не случайно.

Чем об‘ясняется такое странное положение? Хозяйство идет вверх, настроение рабочих идет вверх, единство партии крепнет, а настроение одного из претендующих на руководство рабочим движением вождей (т. Троцкого) неизменно идет вниз. Уже одно это обстоятельство указывает на то, что в последние годы тов. Троцкий, сам того, разумеется, не желая, не всегда служит выразителем настроений пролетарских масс, а иногда невольно выражает настроения каких-то других слоев населения.

Каких именно? Ответ на этот вопрос, разумеется, не так прост. Прослеживая извилистую линию складывающейся платформы т. Троцкого, следя самым точным образом за его новейшей политической эволюцией в продолжение последних двух—трех лет, иной раз не трудно наткнуться на кажущееся противоречие, и иному малоискушенному товарищу порой даже покажется, будто тов. Троцкий критикует наш ленинский ЦК не справа, а слева.

В самом деле, не товарищ ли Троцкий, например, обвиняет ЦК и его представителей в Коминтерне в том, что они „прозевали“ Германскую революцию. Разве это не критика „слева“? А между тем, если вдуматься в позицию т. Троцкого именно по вопросам, связанным с тактикой Коминтерна, если вспомнить, что рядом с „левыми“ фразами, которые пишет по этому поводу т. Троцкий, теперь стоит *факт* поддержки им правого крыла германской партии в течение всего 1923 года, *факт* поддержки, с другой стороны, позиции т. Троцкого правыми элементами во *всех* секциях Коминтерна во время прошло-

годней дискуссии,—тогда вопрос предстанет пред нами совсем в новом свете. Если вспомнить, что уже в январе 1924 г. в проекте резолюций т.т. Троцкого, Радека и Пятакова говорилось о том, что если бы в октябре 1923 г. германская компартия пошла на восстание, то она теперь (в январе 1924 г.) представляла бы собой груду развалин,—то становится ясным, что т. Троцкий здесь, как, впрочем, и во всех других вопросах, трактуемых им в „Уроках Октября“, совершенно не свел концов с концами.

Но именно это не всегда ясно поверхностному наблюдателю наших споров. Отсюда и то, что по недоразумению кое-кто принимает критику т. Троцкого по адресу нашего ЦК, как критику слева.

В деятельности т. Троцкого, повторяем, много индивидуального, много капризного, много внешне-ослепляющего. Его платформа не сложилась еще окончательно. Политическая позиция т. Троцкого блещет еще всеми цветами радуги.

Можно было бы употребить такое сравнение. Возьмите большую дугу из электрических лампочек разных цветов. Выходит очень ярко. Пред вами все цветы радуги, пред вами много лампочек—красных, зеленых, синих, белых. Но ведь цвет лампочек тут, в конце-концов, дело второстепенное. За всем этим стоит одна определенная материя: электричество. Так и в теперешней позиции т. Троцкого. Внешним образом она тоже блещет еще всеми цветами радуги. Задача заключается в том, чтобы понять, какова тут субстанция, что составляет основу. И вот мы утверждаем, что основа-то здесь состоит из некоей „*минус*-материи“, из того, что является *не*-большевистским, что пока-что можно охарактеризовать лишь, как *не*-ленинизм.

Откуда эта внешняя пестрота? Она об'ясняется тем, что начавшееся политическое линяние т. Троцкого еще не закончено. Оно об'ясняется в первую очередь тем, что попятная эволюция т. Троцкого происходит в обстановке переходного периода. Очень много неясного в самом этом переходном периоде, очень много неясного во всей пестряди нэпа. Тов. Троцкий совершает ведь сейчас не отход от большевизма „вообще“, а отход от большевизма *в переходный период нэпа.*

Однако, через всю пестрядь, через все экспромты т. Троцкого, через всю извилистую линию его капризного политического развития последних годов пробивает себе дорогу одна определенная тенденция.

Представим себе на одну минуту, как выглядели бы наша страна и наша партия, если бы партия наша, вместо того,

чтобы оказать бешеное сопротивление рецептам т. Троцкого, приняла важнейшие его предложения, начиная с 1921 года. Отбросим все второстепенное, возьмем только самое главное из предложений т. Троцкого, начиная с 1921 г.

Если бы мы приняли предложение тов. Троцкого, это значило бы:

1. Профсоюзы были бы огосударствлены, произошло бы пресловутое „сращивание" профсоюзов с официальными государственными и хозяйственными органами. Другими словами, профсоюзы, являющиеся сейчас нашей самой широкой базой и об'единяющие 6 миллионов рабочих и служащих, стали бы казенным придатком к официальной машине. Еще другими словами: своими собственными руками мы создали бы тогда *неистребимую* базу для меньшевизма, а стало-быть подложили бы своими руками фугас под диктатуру пролетариата.

2. Партия была бы отодвинута от непосредственного руководства хозяйственными и государственными органами. Советский аппарат (вспомните, что писал о нем т. Ленин) получил бы большую самостоятельность. „Эмансипация Советов от партии" осталась бы не только на страницах писаний сменовеховцев, но начала бы переходить в реальную жизнь—хотя бы частично. Что такая тенденция имела бы неисчислимые губительные последствия,—вряд ли это нужно теперь доказывать большевику.

3. Спецы получили бы во много раз большее влияние во всех отраслях нашей работы—не только в военном деле, но и во всем остальном. Вряд ли нужно доказывать, что в этом заключается одна из важнейших черт политической платформы тов. Троцкого и один из важнейших пунктов его расхождения с нашей партией.

Пусть не переиначивают наших слов. Разумеется, привлечение честных специалистов и создание такой атмосферы, которая позволяла бы им действительно с пользой для дела работать, абсолютно необходимы. Разумеется, остается в силе все то, что говорил по этому вопросу тов. Ленин, и что постановляла наша партия. Разумеется, не может быть и речи о каком-либо поощрении специфических „антиспецовских" настроений. Но если бы вопрос о спецах был разрешен не по Ленину, а по Троцкому, это означало бы на деле величайшую политическую уступку новой буржуазии.

4. В вопросах о внутрипартийной жизни мы должны были бы признать, что „барометром" для партии являются не столько рабочие от станка, сколько вузовская молодежь, среди которой есть, разумеется, превосходные пролетарские элементы, но сре-

ди которой есть немалая доля таких, которые тысячами нитей социально связаны с мелкой буржуазией, а через нее и с нэпом и с новой буржуазией.

5. Денежной реформы у нас не было бы, ибо по-Троцкому нужно было бы „сначала" восстановить промышленность, а потом уже приняться за денежную реформу. Нечего и говорить о том, что если бы мы приняли это „гениальное" предложение, удельный вес социалистических элементов хозяйства в нашей стране только падал бы, а тем самым крепла бы новая буржуазия.

6. В вопросе о крестьянстве, через который все время „перепрыгивает" т. Троцкий, мы наделали бы величайших ошибок. Вместо зачатков смычки мы имели бы теперь во всем ходу размычку. Отброшенное нашими политическими ошибками крестьянство искало бы себе другого политического руководителя и нашло бы его, разумеется, только в новой буржуазии.

Никто из вдумчивых товарищей не скажет, что приведенные шесть пунктов (а их можно умножить) нами выдуманы. Всякий серьезный большевик должен будет сказать, что именно из-за этого, а не из-за прошлогоднего снега, не из-за ошибок, сделанных семь лет тому назад, и не из-за „личностей", как думают обыватели, идет борьба между ленинским ЦК и т. Троцким.

Как же, спрашиваем мы, выглядела бы наша страна, если бы мы в этих шести вопросах шли по дороге, на которую подталкивал нас т. Троцкий, если бы мы с большевистской нетерпимостью не дали отпора этим ошибкам тов. Троцкого? Чем была бы тогда Россия? Она была бы тогда *нэповской* Россией—в том смысле и в тех размерах, как на это рассчитывали идеологи новой буржуазии. И шансы на превращение нэповской России в Россию социалистическую (как это завещал нам тов. Ленин) были бы крайне малы и даже прямо ничтожны.

Если ко всему этому прибавить оппортунистические ошибки тов. Троцкого в вопросах международной политики (переоценка демократическо-пацифистской эры, переоценка чудодейственных замирительных свойств американского ультра-империализма, недооценка контр-революционности социал-демократии, недооценка длительности фашизма), а также его поддержку всех правых полусоциал-демократических элементов в разных секциях Коминтерна, то станет ясно, куда тащит нашу партию тов. Троцкий.

Во всех этих нагромождениях одной ошибки на другую у тов. Троцкого есть своя „система". В целом это называется: правый уклон.

Новая буржуазия в нашей стране это—именно *новая*, а не старая буржуазия. Она видала виды, она также кое-чему научилась на „Уроках Октября“. Она видела массы в действии. Она видела неукротимую расправу большевиков с буржуазией в начале Октябрьской революции и уступку со стороны большевиков буржуазии в 1921 году, когда те же неукротимые большевики *вынуждены* были ввести нэп. Она знает теперь цену реальному соотношению сил, выражающемуся, между прочим, в международном буржуазном окружении первой советской страны. Она имеет свою новую интеллигенцию, воспитавшуюся в значительной части в наших же учебных заведениях. Она научилась вникать в борьбу тенденций внутри нашей собственной партии. Она научилась использовывать советскую легальность. Это уже не просто Колупаевы и Разуваевы. Это буржуазия, прошедшая сквозь огонь величайшей революции. Это буржуазия, умеющая думать о *своей* смычке с верхами крестьянства, с вождями международной буржуазии. Это, одним словом, буржуазия с более изощренным классовым чутьем, более гибкая, более умудренная революционным опытом, больше понимающая значение рабочей партии, нюансы внутри этой рабочей партии и т. д. Это буржуазия, которую горе научило ценить доступ к умам народных масс. Нечего скрывать от себя: социальный состав нашего государственного аппарата таков, что значительную часть персонала этого аппарата приходится отнести к агентуре новой буржуазии. Это же приходится сказать и относительно известной части нового студенчества и новой интеллигенции вообще.

Отстаивать перед большевистской партией в 1921—1924 годах, в переходный период: 1) огосударствление профсоюзов, 2) большую „свободу“ для государственного аппарата от контроля партии, 3) большее влияние для спецов, 4) ориентацию политики партии на вузовский барометр, 5) советовать откладывать денежную реформу и кричать о гибели страны, 6) поднимать полуменьшевистскую кампанию против парт-аппаратчиков и за „демократию“ в том истолковании, какое и давал ей т. Троцкий в прошлом году,—это и значит, самому того не желая, об'ективно помогать новой буржуазии.

Тов. Троцкий хочет попасть в одну дверь, а попадает в другую. Он хочет бороться против чрезмерного „сектантства“ старых большевиков, против того, что кажется ему „кружковой узостью“, а на деле он борется против основ большевизма. На деле он, сам того, разумеется, не желая, оказывает незаменимую услугу классовому врагу.

Положа руку на сердце, мы спрашиваем бывших и настоящих сторонников т. Троцкого, разве они не знают, что каждое выступление т. Троцкого против большевистского ЦК, начиная с 1921 г., является все большей и большей радостью для всего небольшевистского лагеря, и чем дальше—тем больше? Случайно ли это?

Пусть не толкуют нас превратно. Еще Маркс сказал: „Можно быть фактическим выразителем настроений мелкой буржуазии, отнюдь не будучи самому мелким лавочником“. Разумеется, и у тов. Троцкого самые лучшие желания. Но добрыми желаниями вымощен ад. Нужно, чтобы Троцкий раз и навсегда отказался „спасать“ нашу партию от мнимых ошибок, а понял бы и признал бы свои собственные политические ошибки, в значительной мере проистекающие из остатков его политической идеологии времен 1903—1917 г.г., когда т. Троцкий выступал открытым противником большевизма. Нужно перестать устраивать очередные „кризисы“ партии по „календарной программе“ через каждый год, а в последнее время через каждые полгода Нужно понять, что наскоком, нахрапом подмять ленинизм под троцкизм никому не удастся. Нужно понять, одним словом, что *большевизм есть большевизм.*

Что же делать?

Каков же выход при таком положении вещей? Что же делать?

Раскол? Пустое! Об этом не может быть и речи. Партия наша едина больше, чем когда бы то ни было.

Откол? Пустое! Откалываться почти что некому, и партия до этого доводить дело не хочет.

Партийные взыскания? И это пустое! Это никому не нужно; теперь нужно другое.

Что же нужно?

Нужно, чтобы партия *обеспечила себя* от повторения „налетов“ на ленинизм. Нужны серьезные партийные гарантии, что решения партии будут обязательными для тов. Троцкого. Партия—не дискуссионный клуб, а *партия*, да еще действующая в такой сложной обстановке, как наша. Лозунг сегодняшнего дня: *Большевизация всех слоев партии! Идейная борьба против троцкизма!*

Прежде всего раз‘яснение, раз‘яснение и еще раз‘яснение.

Наша партия состоит более чем наполовину из сравнительно молодых членов организации. Многие из них улавливают антиленинистские ошибки тов. Троцкого пока только клас-

совым чутьем. Нужно, чтобы вся партия *изучила* вопрос о ленинизме и троцкизме. Нужно, чтобы вся партия *ясно видела,* что дело идет тут о двух, в основном различных, системах тактики и политики.

Вопрос тут не только в истории партии, дело идет не только о прошлом. Дело идет о двух методах подхода к политике *настоящего дня,* теснейшим образом связанной с такими кардинальными вопросами, как вопрос о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства.

Большевизация наших собственных рядов, — поскольку более молодые слои партии не имели еще возможности до сих пор полностью пройти школу ленинизма, — вот это серьезная задача дня. И тут нельзя не поблагодарить тов. Троцкого за то, что он, во всяком случае, дает партии хорошую возможность наглядно проанализировать уклон от ленинизма и глубже вдуматься в основы большевизма.

Разумеется, партия должна добиться того, чтобы партийная дисциплина была обязательна и для тов. Троцкого. И мы уверены, что партия сумеет этого добиться. Чем больше принципиальной ясности по вопросам ленинизма и троцкизма создастся в партии, тем меньше почвы для такой попытки, которую предпринял тов. Троцкий. Чем меньше резонанса встречает эта попытка в партии, тем меньше охоты будет ее повторять. А резонанс на этот раз поистине невелик. Тов. Троцкий видоизменил теперь свою „платформу“ так, что на этой платформе, в сущности говоря, может стоять только один человек, а именно, сам тов. Троцкий—на „площадке“ места нет для других, даже для тех, кто до сих пор частенько поддерживал тов. Троцкого в его ошибках.

Во время прошлой дискуссии т. Троцкий об‘явил вернейшим „барометром“ учащуюся молодежь. Мы не были согласны с тем, что это действительно есть лучший барометр. Мы не согласны с этим и сейчас. Однако, приходится сказать, что даже этот, не совсем идеальный барометр, на этот раз показывает совсем не то, что в прошлом году—показывает на то, что и учащаяся молодежь не желает подменять ленинизм троцкизмом.

Лучшее средство удержать т. Троцкого от дальнейших ошибок, которые еще больше отдалят его от большевизма, это— дать самый единодушный отпор его нынешней ошибке. Если *вся* партия, как один человек, встанет против теперешнего уклона т. Троцкого, то он, будем надеяться, сам скорей всего выправит свою ошибку.

Все, о чем мы говорили в предыдущей главе, разумеется, не есть еще вполне закончившийся процесс. Это только тенденция. Увидев всю губительность этой тенденции, увидев все единодушие партии против громадной ошибки т. Троцкого, тов. Троцкий, будем надеяться, сойдет с неверного пути.

Не раз тов. Ленин формулировал „закон“ политической эволюции т. Троцкого: когда дело идет на под‘ем, тов. Троцкий большею частью приближается к большевистской линии; когда дело идет на затяжку или на временный упадок волны, тов. Троцкий колеблется вправо. Чтобы удержать его от теперешнего, очень уж чрезмерного колебания вправо, нужен идейный отпор со стороны *всей* партии.

Партия скажет свое окончательное слово, и еще и еще раз преждевременные злорадные ожидания врагов будут посрамлены. А большевистская партия получит новый, еще более крепкий закал, и подлинный ленинизм войдет в идейный обиход всех до единого членов нашей партии.

Л. КАМЕНЕВ.

ЛЕНИНИЗМ или ТРОЦКИЗМ? *)

— Товарищи! Предметом моего доклада будет последнее выступление тов. Троцкого,—выпущенная им накануне годовщины Октябрьской революции статья, названная автором „Уроки Октября“. Троцкий довольно часто дарит партии свои книжки. До сих пор, однако, мы не находили нужным специально останавливаться на этих книжках, хотя в ряде их нетрудно заметить отступления от большевизма, от официальной идеологии нашей партии. На этой книжке необходимо остановиться и разобрать ее до конца, прежде всего потому, что темой своего последнего выступления тов. Троцкий взял уроки Октября.

Так как вся наша партия, весь Коминтерн, все мировое рабочее движение, вся рабочая молодежь учится и будет учиться именно на уроках Октябрьской революции, то нельзя думать, что истолкование этих уроков есть частное дело того или другого автора. Раз „Уроки Октября“ выходят под партийной фирмой, раз они исходят от члена ЦК и Политбюро нашей партии, руководящей Коминтерном, что не есть тайна ни для кого, то ясно, что нам грозит опасность, что подобные выступления, подобные „уроки“ могут быть восприняты, как учебник, не только для членов нашей партии, для нашей молодежи, но и для всего Коминтерна. И по форме выступление тов. Троцкого рассчитано именно на то, чтобы быть учебником для Коминтерна. Всякий, кто читал эту статью, видел, что она апеллирует не только к нашей партии, но и к международному пролетариату, и к коммунистическим партиям всех стран. Поэтому я и сказал, что это—не частное дело, и спор по поводу того, правильно или нет изложены уроки Октября, не есть литературный спор, не есть дело литераторов; это—политический спор, это—дело всей партии. Если бы раздались голоса, что спор, вызванный книжкой тов. Троцкого, есть только спор между Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Сталиным и Каменевым, что это есть спор отдельных литераторов, то такие товарищи признались бы в том, что они не понимают подлинных интересов партии. Такие рассуждения могут исходить лишь от то-

*) Печатаемое представляет стилистическую обработку доклада, прочитанного мною 18 ноября на собрании МК с активными работниками и повторенного 19-го—на собрании фракции ВЦСПС и 21-го—на совещании военных работников. Л. К.

варищей, которые хотели бы воспользоваться спором внутри партии для создания какой-то третьей группы, которая базировалась бы на том, что „литераторы спорят, а нас это не касается“.

Нет, спор об уроках Октября, спор о том, что международный пролетариат должен взять из Октябрьской революции, это не есть дело литераторов, это есть дело всей партийной толщи.

Никто не имеет права оставаться в стороне от этого спора. Это есть глубочайший вопрос нашей внутренней жизни и жизни Коминтерна. Может ли партия рекомендовать учиться по Троцкому, или же она должна всем своим авторитетом предостеречь пролетариат от тех выводов, которые тов. Троцкий делает в своих „Уроках Октября“? Вот в чем вопрос.

Я не имею здесь в виду подробно разбирать эту статью тов. Троцкого. Тов. Троцкий—искусный литератор, и его искусное перо неоднократно служило партии. Здесь же оно служит антипартийным элементам, здесь оно служит не большевизму, а делу разложения и дискредитирования большевизма и как идеологии пролетарской революции, и как организации боевых элементов пролетариата. Достигнуто это чрезвычайно искусным, но, в основном, неправильным, противоречащим фактам изложением всех событий, начиная с февраля и по октябрь. Я не сомневаюсь, что партия выдвинет ряд авторов, участников этих событий, непосредственных борцов тех дней, которые укажут и разберут отдельные извращения, допущенные тов. Троцким по отношению ко всем решающим моментам партийной истории той эпохи: извращена апрельская демонстрация, извращена апрельская партийная конференция, извращены июньские и июльские события, извращены события, связанные с деятельностью предпарламента, извращен ход самих событий в Октябре. На всем этом, на деталях восстановления исторической правды и на сопоставлении того, что говорится тов. Троцким, с документами,—на всем этом я не могу здесь останавливаться. Я хочу поставить только общий вопрос о социально-политическом смысле выступления тов. Троцкого, о том значении, которое это выступление имеет в связи со всеми выступлениями тов. Троцкого и с ролью тов. Троцкого в нашей партии.

По понятным причинам мы избегали ставить этот вопрос, но теперь мы не можем избежать этого, потому что тов. Троцкий, затронув вопрос об Октябре, о роли нашей партии и о роли Ленина в деле создания идеологии Октябрьского переворота и в деле проведения Октября, сам заставляет нас поставить вопрос об общем смысле всех выступлений тов. Троцкого на протяжении истории большевистской партии.

Я, поэтому, должен буду остановиться на вопросе о троцкизме и большевизме вообще, взяв последнее выступление тов. Троцкого лишь как один из наиболее ярких и показательных элементов общей линии тов. Троцкого.

Прежде всего нужно спросить себя, действительно ли тут есть какая-нибудь общая линия? Когда говорится о троцкизме, что под этим подразумевается? Идет ли дело о личности тов. Троцкого или о некоторых общих, далеко не личных явлениях в истории рабочего движения за последние 20 лет в России? С чем мы тут имеем дело—с личностью, с индивидуальностью, или с некоторым обобщением, с какой-то струей, которая порождена общими условиями развития рабочего движения в мелкобуржуазной стране, со случайным явлением или с явлением, которое имеет за собой историю, которую забывать нельзя? Если вы обратитесь для решения этого вопроса к сочинениям тов. Ленина, то должны будете констатировать, что нет почти ни одного тома сочинений тов. Ленина вплоть до февральской революции и—с некоторым перерывом—вновь, начиная с 1918 года, в котором вопрос о троцкизме не стоял бы постоянно и не обсуждался бы систематически. Почему?

1. Троцкизм и партия до революции 1917 г.

Наша партия сложилась в стране мелко буржуазной, в стране капиталистически-отсталой, и вопрос о том, каким образом пролетариат, поставленный в условия наиболее отсталой из европейских стран, окруженный крестьянской мелко-буржуазной стихией в большей мере, чем пролетариат какой-либо другой страны, как этот пролетариат еще при царском самодержавии мог родить, создать и выковать партию, которой судьбами истории было предназначено стать во главе всего международного движения,—есть основной вопрос *самопознания партии.* Этот вопрос есть вопрос о нашем происхождении и развитии, и партия неоднократно выясняла для себя, почему и каким образом пролетариату России (выражаясь по-старому) в отсталой крестьянской стране, при самодержавии, суждено было выковывать и выковать тот ленинизм, который теперь является путевой звездой для всего международного пролетариата, для пролетариата гораздо более капиталистически развитых и экономически подготовленных стран, чем Россия. Я не буду сейчас останавливаться на этих об'яснениях. Одно—несомненно. В этих условиях партия революционного пролетариата, партия большевиков могла сложиться только в постоянной, систематической, неустанной борьбе с мелко-буржуазной стихией, пытав-

шейся подчинить себе рабочий класс. Большевизм есть учение насквозь боевое в том смысле, что оно создавалось, росло, крепло и окрепло в постоянной и неустанной борьбе со всеми формами влияния буржуазии на пролетариат.

Концентрированным выражением политики влияния буржуазии на пролетариат является меньшевизм. Тридцатилетняя история большевизма есть тридцатилетняя история его борьбы с меньшевизмом. Ленинизм есть учение о войне пролетариата против буржуазии. Именно поэтому ленинизм есть в то же время учение о войне против меньшевизма.

Формы влияния буржуазии на пролетариат менялись в зависимости от смены исторических эпох. Менялись соответственно и формы, виды, разновидности, приемы меньшевизма. Неизменной оставалась Ленинская, „бешеная“ борьба против меньшевизма, ленинское умение под всеми видоизменениями форм и приемов меньшевизма вскрыть его доподлинную сущность: враждебность делу создания большевистской идеологии и делу строительства большевистской партии. Это знают или, по крайней мере, предполагается, что это должны знать все. Все понимают, что тот, кто не усвоил себе мысли, что большевизм есть систематическая борьба с меньшевизмом, тот ничего не понял в большевизме, ничего не понял ни в его истории, ни в его историческом облике, ни в том, как и почему большевизм победил. Далеко не все знают, и до недавнего времени предполагалось, что этого все и не должны знать, что так же, как ленинизм сложился, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с меньшевизмом, он рос, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с троцкизмом.

Почему?

Потому, что троцкизм в продолжение всего того периода, когда наша партия подготовлялась к решительной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, создавая ленинизм, как учение о пролетарской революции, и складывая партию, как ее руководителя,—троцкизм служил не чем иным, как агентурой меньшевизма, как прикрытием меньшевизма, как маскировкой меньшевизма.

Начиная с 1903 года, т.-е. с момента рождения меньшевизма, и до его окончательного краха в 1917 году, Троцкий выполнял роль агента меньшевизма среди рабочего класса. Это —факт, без усвоения которого совершенно невозможно понять ту роль, которая отведена Троцкому во всех сочинениях Ленина на протяжении последних 20 лет.

Всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина,—а у нас нет и не будет лучшего, более глубокого и

более богатого содержанием и выводами учебника по истории партии и революции,—неизбежно убедится, что на протяжении всей своей борьбы за партию и за революцию против меньшевиков Ленин рассматривает Троцкого (его линию в целом на протяжении десятилетий и его отдельные выступления) только и исключительно, как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего класса, как слугу меньшевизма. Для Ленина Троцкий, „троцкизм"—такое же характерное, не случайное, давлением буржуазии порожденное явление в общей сумме враждебных подлинной пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, течений и теченьиц, которых рабочему классу надо было побороть, чтобы создать свою пролетарскую партию.

Для Ленина, начиная с 1903 г., Троцкий интересен не как личность; он для Ленина,—а с ним и для партии,—типичное воплощение одной из исторических струек, враждебных созданию большевистской партии, враждебных созданию большевистской идеологии, т. е. идеологии пролетарской революции и большевистской пролетарской организации. Для него это живое—порой талантливое, порой плоское и излишне-фразистое воплощение враждебной делу пролетариата стихии,—так же, как Мартов, Чернов, Аксельрод, которых он разбирает именно как воплощение определенных общественных явлений, а отнюдь не как личность. Эта систематическая борьба с троцкизмом, как враждебным большевизму течением, проходит у Ленина на протяжении всех томов его сочинений, вплоть до момента, когда Троцкий примкнул к нашей партии. Здесь следует перерыв и затем—в другой форме—возвращение к этой же борьбе.

В дни первой революции.

До 2-го с'езда партии в 1903 г., до раскола меньшевиков и большевиков, т. Троцкий служил ленинской „Искре", как служили ей Мартов, Потресов и другие меньшевики. За свое усердие в деле проведения ленинских планов на первых заседаниях с'езда т. Троцкий заслужил даже кличку „ленинской дубинки". Почетная роль! Но для политической истории тов. Троцкого характерна не столько эта роль, сколько то, что он немедленно изменил ей, как только—на последних заседаниях того же с'езда—на сцену вышли меньшевики.

Организационный разрыв на с'езде между меньшевиками и большевиками произошел на вопросе о выборах Центрального Комитета партии.

Надо было выбрать трех. На двоих из этой тройки сходились меньшевики и большевики. Меньшевики третьим хотели иметь... вчерашнюю „ленинскую дубинку"—Троцкого. Ленин ни за что на это не соглашался. Меньшевики ни за что не хотели уступить. Видимо, и Ленин и Мартов хорошо оценили, насколько эта „дубинка", действительно, оказалась „ленинской". Ленин имел большинство на с'езде. Троцкий в ЦК выбран не был. Тогда совместно с Мартовым, Даном, Аксельродом и другими т. Троцкий *создает фракцию меньшевиков,* срывает решение с'езда, становится во главе бойкота центральных органов партии, возглавляемых Лениным, пишет против Ленина политический памфлет,—одно из самых претенциозных и самых отвратительных произведений меньшевистской литературы, в котором всю политику Ленина об'ясняет жаждой власти в партии со стороны „кандидата в диктаторы" (т. е. Ленина). Вся компания меньшевиков, во главе с Мартовым, Даном и другими, печатно рекомендует этот памфлет т. Троцкого к широкому распространению *). Так начинается история меньшевизма и история т. Троцкого в партии.

Став оруженосцем Мартова и Аксельрода, т. Троцкий, как политическая фигура, потерял для Ленина всякий интерес. Ленин длительно и систематически спорил с меньшевиками, с Плехановым, Аксельродом, Мартовым, с Мартыновым, выяснял рабочим и разоблачал перед рабочими их взгляды, но тратить время на споры с их сотрудником, Троцким, Ленин считал излишним. „Следует воевать с Плехановым, надо полемизировать с Мартовым, можно спорить с крайним оппортунистом Мартыновым, но тратить время на споры с Троцким—не стоит",—внушал тогда Ленин своим сотрудникам.

Когда же т. Троцкий попытался уже летом 1905 г. выбраться из меньшевистского небытия тем путем, что своими словами изложил идею Парвуса о „перманентной революции", Ленин, подробно разобрав и отвергнув идеи и лозунги Парвуса, по поводу самой то брошюры Троцкого выразил только сожаление, что „революционный социал-демократ" Парвус счел возможным выступить „вместе с Троцким", с его „революционной фразой". Больше ни о т. Троцком, ни об его „оригинальной" теории Ленин не счел нужным сказать ни одного слова. (Ленин. Собрание сочинений, т. VII, стр. 130). Кстати. Именно эту брошюру т. Троцкий пытается теперь навязать партии, как диплом на свою революционность, стараясь доказать, что Ленин оказался прав лишь постольку, поскольку стал на точку зрения

---

*) Подробнее см. книжку т. Канатчикова „История одного уклона", подробно и дельно излагающую ряд выступлений т. Троцкого.

этой брошюры тов. Троцкого. Об этом подробнее ниже.

За весь период первой революции, в годы, когда рабочие массы впервые в действии получили возможность проверить различные теории русской революции и вытекающие из них тактические приемы, когда Ленин ожесточенно отстаивал большевистскую схему революции, он ни разу не счел нужным добавить что-нибудь к своей характеристике принципиальной позиции Троцкого, как к „революционной фразе". Ленин знал, что эта „левая фраза" Троцкого о „перманентной революции", во-первых, решительно ничего не определяла в действительном ходе революции и рабочего движения, и что, во-вторых, она ничуть не мешала т. Троцкому оставаться в меньшевистской организации, работать в меньшевистском центральном органе, политически сотрудничать с меньшевиками. Ленин имел марксовскую привычку судить о людях, партиях, направлениях по делам, а не по словам.

Во всю эпоху первой революции (1905—1907 гг.), когда пролетариат впервые получил возможность выступить на арену в виде массовой силы, демонстрируя в действии свою классовую политику и свое отношение к другим классам, проявилась ожесточенная борьба только двух тактик, только двух политик, только двух схем русской революции: это были меньшевизм, который, недооценивая или пренебрегая крестьянством, тянул рабочий класс к соглашению с буржуазией, и большевизм, который звал крестьянство поддерживать рабочих в их борьбе и с царизмом, и с буржуазией, во имя диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта борьба большевиков и меньшевиков в первой революции за направление революции—как и вся первая революция – предвосхищала, в основном, борьбу, развернувшуюся до конца во второй революции, в революции 1917 г. Как и в этой последней, теория Парвуса—Троцкого в ходе первой революции не играла *никакой* роли; она — по предсказанию Ленина—осталась фразой, оторванной от подлинного хода классовой борьбы, и сохранилась не в живых событиях подлинной борьбы, а лишь на запыленных страницах старых меньшевистских газет. Вот почему Ленин не потратил на ее опровержение в ходе революции ни одного слова.

В дни контр-революции.

Революционная волна спала. Партия перестраивается для длительной и тяжкой работы в атмосфере контр-революции. „Левая фраза" потеряла всю свою эффектность. Приходится закладывать основы новой тактики, приходится спасать от

контр-революционного погрома, в атмосфере усталости рабочего класса, разгрома пролетарских организаций, разгула ренегатства, измены и злорадства над задавленной революцией, спасать то, что можно еще спасти,—знамя революционной тактики пролетариата, основы его нелегальных организаций. Приходится защищать знамя революционной политики рабочего класса, над которым начинают издеваться, которое топчут в грязь все меньшевики. В этот момент, самый трудный для большевистской партии, потому что вся атмосфера разгрома революции была направлена против большевиков, вся целиком поддерживала меньшевистские, ликвидаторские—по отношению к партии и к революции—тенденции, в этот момент т. Троцкий, который, когда революция шла вверх, вместе с Парвусом обязательно хотел „быть революционнее всех", казалось, должен был бы притти на помощь большевикам. Так, по крайней мере, поступил принципиальный наш противник в 1905—1907 г., Плеханов; старый революционер не выдержал: перед лицом всеобщей волны ренегатства он—рядом с большевиками—бросился в бой под знаменем: „генеральное межевание", т.-е. генеральное отмежевание пролетарских революционеров от меньшевиков-ликвидаторов *). Троцкий поступил обратно.

Первое выступление тов. Троцкого в этот момент начавшейся контр-революции произошло на Лондонском с'езде. Большевики воевали на с'езде с меньшевиками ликвидаторами, в частности с фракцией 2-й Думы, во главе которой стояли всем нам хорошо теперь известные политики Церетелли и Дан. Большевики критиковали эту думскую фракцию, как фракцию, которая, проводя на деле меньшевистские взгляды, пыталась встать на путь западно европейского социал-демократического парламентаризма. Мы знаем, что это—именно та теплица, в которой выращиваются самые отравленные плоды предательства рабочего класса. Против первых же шагов по этому пути большевики выступили с решительной критикой.

Тов. Троцкий, конечно, защищает меньшевистскую фракцию от большевистских нападок. Ленин характеризует его позицию: „Троцкий говорил от имени центра, он выражал взгляды Бунда. (Бунд—самая оппортунистическая организация, которая когда-либо была в партии, самая беспринципная; для нее, пожалуй, беспринципность характернее, чем оппортунизм: она была организацией ремесленников и отражала их непролетарский дух). Он громил нас за внесение „неприемлемой" резолюции. Он грозил прямо расколом... Разве это не чудовищно??... Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть

*) Правда, боевого пыла хватило у Плеханова не надолго.

непартийное нечто в нашей партии... Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра“ и, конечно, его защитника, Троцкого *).

Дальше тов. Ленин найдет еще гораздо более выразительные слова для характеристики позиции т. Троцкого в момент, когда наша партия подытоживала опыт 1905 года и на этой основе закладывала фундамент для всего будущего партии. Но эти слова Ленина уже предвосхищают всю ту роль, которую суждено было т. Троцкому играть в течение десятилетия относительно нашей партии.

Таково было *первое* выступление тов. Троцкого после революции 1905 года. С этого момента и вплоть до 1917 г. тов. Троцкий выступает неизменно как защитник меньшевиков против большевиков, как противник складывающейся в борьбе большевистской партии и именно как таковой неизменно же рассматривается партией.

Последуем теперь за Лениным и взглянем, как он характеризовал роль т. Троцкого в трудном процессе создания большевистской партии, т. е. в процессе создания и теории и организации руководства пролетарской революции.

1910 г. Май. Момент *формального выделения* большевиков, окончательного идейного и организационного размежевания большевиков с проводниками буржуазного влияния на пролетариат: меньшевиками-ликвидаторами, во главе которых идут Аксельрод и Мартов, и отзовистами, во главе которых известный впоследствии ренегат Алексинский. Ленин пишет (Собр. сочин., т. XI, часть 2-я, стр. 49—53):

„Представители двух крайних течений одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками... Резолюция Троцкого только по внешности отличается от „излияний“ Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень „осторожно“ и претендует на „сверхфракционную“ справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де „большевистские вожди“—это та же „философия истории“, что у Аксельрода и Алексинского...“

„Нетрудно видеть“,—продолжает Ленин,—„как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, как они служат на деле отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К°, Алексинский и К°. Ведь в этом вся бездна различия между примиренчеством Троцкого и К°, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии,

*) Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 337—8.

чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается, якобы, партийными и, якобы, антифракционными декламациями,—и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма".

Ожесточенная борьба за основы большевизма продолжается. Все враги большевизма об'единяются и единым фронтом наступают на большевиков, на партию, на ее центральные учреждения. Ленин возвращается к вопросу о значении этой борьбы и о роли Троцкого и пишет (конец 1910 г. Собр. соч., т. XI, часть 2-я, стр. 182—3, 187):

„За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются определенные практические действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами (меньшевиками) кампания с целью срыва ЦК нашей партии. Резолюция Троцкого есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев (меньшевиков): разрушить ненавистные ликвидаторам ценральные учреждения (большевиков), а с ними заодно—и партию, как организацию. Эти антипартийные действия голосовцев (меньшевиков) и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться".

Как видите, товарищи, всякое бывало в нашей партии, и многое, что молодым членам партии кажется новым, для нас, стариков, и для внимательных читателей сочинений Ленина из молодежи совсем не кажется уж таким новым. Всякое бывало!

Ленин продолжает:

„И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он разрывает партийную *легальность*, вступает на путь *авантюры и раскола*... Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде (об антипартийных группах) потому, что для *реальных* целей его политики правда не переносима... Эти реальные цели—*антипартийный блок*, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит Троцкого, ибо (антипартийные элементы) получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освещение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот именно с точки зрения „принципиальных основ" мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма (в меньшевиках), в отзовистах, Троцкий не *смеет*. В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с

точки зрения „принципиальных основ“. Не менее верно это с точки зрения партийно-политических задач... Годичный опыт показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и воплощают это буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, в третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле *организационном*“...

1911 г. Борьба за партию и ее идеи продолжается, Троцкий продолжает свою антипартийную политику, Ленин продолжает его характеристику. В июне 1911 г. Ленин пишет (Собр. соч., том XI, часть 2-я, стр. 322):

„Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции,—собрать разрозненные силы и итти в бой за Р. С.-Д. Р. партию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат“. И тут же добавляет:

„Люди, подобные Троцкому, с его надутыми фразами о Р. С.-Д. Р. партии и с его раболепством пред ликвидаторами, не имеющими ничего общего с Р. С.-Д. Р. партией, являются „болезнью времени“. На деле это—проводники *капитуляции* перед ликвидаторами, строителями столыпинской рабочей партии“.

Через пару месяцев в специальном обращении „Ко всем партийным организациям, группам и кружкам“:

„Отметим только еще одну *наиболее общую* черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов и внутрипартийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы *только с левым* крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев (меньшевиков) и оппортунистов всех других оттенков“. (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 335—338).

Троцкий продолжает свою политику и Ленин продолжает его характеристику:

„Посредством фразы прикрываются действительные ликвидаторы и делаются всяческие попытки мешать работе антиликвидаторов, т.-е. большевиков... Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели вреднее всякого ликвидатора, ибо *убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а г.г. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него.* Всякий, кто поддерживает группу Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К° в России, *прикрывание их дел „революционной“ фразой* за границей—вот суть политики „троцкизма“. (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 359—360).

Эта характеристика: прикрывание левыми, якобы революционными. фразами практической политики правых дел, это—для Ленина—общая, характерная, из года в год повторяющаяся, во всяком вопросе, на каждом повороте выступающая вперед черта троцкизма как такового. И ее Ленин не устает подчеркивать и выяснять партии именно как основную, характерную, но и наиболее опасную для партии и рабочего движения черту троцкизма. Через несколько месяцев после сейчас приведенной характеристики Ленин пишет о Троцком:

„Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционен только тот с.-д. (по-нынешнему: коммунист), кто понял *вред* антиреволюционного, якобы, социал-демократизма в данной стране, в данное время, т.-е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто *умеет* бороться с подобными не с.-д. течениями“.

И еще через пару месяцев (декабрь 1911 г.):

„Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль... Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как дипломата самой мелкой пробы“. (Собр. соч. Ленина, т. XI, ч. 2-я, стр. 446—448).

Нетрудно предвидеть, что найдутся люди, которые по поводу цитируемых мной документов партийной истории попытаются прибегнуть к самому легкому и вполне обывательскому об‘яснению: раздражение, острая схватка борьбы, случайные столкновения. Я, поэтому, и считаю своим мало-приятным, но обязательным долгом—раз уж тов. Троцкий заставил партию обратиться к истории отношений между большевизмом и троцкизмом—проследить отзывы Ленина и характеристику Лениным отношений между партией и троцкизмом не в какой-нибудь год, не по поводу одного какого-нибудь вопроса, а систематически, на протяжении всех 15 лет, в которые партия знает троцкизм. Если определенное отношение к троцкизму проявляется у нашей партии не в какой-нибудь исключительный отдельный момент, не по отдельному данному вопросу, а проявляется систематически, в течение длинного ряда лет, на всех поворотах партийной истории, тогда даже самый умственно-

ленивый, самый обывательски-настроенный человек,—и тот не сможет об'яснить этого раздражением, случайностью, пристрастием или чем-либо подобным; даже самый ленивый человек должен будет подумать: если 15 лет Ленин изо дня в день учит партию, что такое троцкизм, если его характеристика оказывается правильной при всех поворотах истории—и тогда, когда революция идет вверх, и тогда, когда она падает глубоко вниз, и тогда, когда она опять подымается,—то здесь дело не в раздражении, не в индивидуальных вкусах, а в том, что троцкизм есть, видимо, какое-то течение, которое появляется систематически и в систематической борьбе с которым только и можно было закладывать основы большевизма, как теории и практики пролетарской коммунистической революции.

Тов. Троцкий не ограничивался проповедью тех взглядов, которые я характеризовал выше словами Ленина, только для русских рабочих. Известно положение большевиков во II Интернационале. Уже тогда большевики вообще, Ленин в частности, были одиозными фигурами для вождей II Интернационала. Уже тогда они чувствовали и в большевизме и специально в Ленине какую-то новую силу, которая призвана их смести, и поэтому они охотно предоставляли органы печати II Интернационала для всякой клеветы, которой только было угодно выступить против большевиков и большевизма. В то же время Ленин за все время своей эмиграции, за все время революции и контрреволюции не получил ни разу возможности с трибуны печатных органов II Интернационала обратиться к германским, французским или австрийским рабочим и рассказать им правду о большевизме. Фактически II Интернационал держал нас под бойкотом, но зато он охотно давал слово всем противникам Ленина—Мартову, Дану и Троцкому, которые могли без опасности для себя преподносить международному пролетариату любую ложь и любую клевету о большевиках, ибо они знали заранее, что Ленину слова для ответа дано не будет. Этой возможностью и пользовался Троцкий, чтобы излагать перед интернациональным рабочим движением, приблизительно, следующую „философию" большевизма: „ленинцы—это кучка интеллигентов, которые под руководством не стесняющегося никакими средствами человека—Ленина—держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который, благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам; задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилия этой кучки и их лидера—Ленина". Вот то представление о большевизме, которое тов. Троцкий тогда внушал Интернационалу.

Так истолковывался им для европейских рабочих-социалистов исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, смысл борьбы большевиков с меньшевиками. По поводу статей Мартова и Троцкого на эту тему, обращенных ими к Интернационалу, Ленин в 1911 году писал:

„Мартов излагает взгляды меньшевизма, Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова „русский опыт“ сводится к тому, что „бланкистская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью“ (читай: большевизм над меньшевизмом). „Русская социал-демократия говорила слишком усердно по-русски“ (т.-е. по революционному. *Л. К.*), в отличие от „*общеевропейских*“ (т.-е. парламентских. *Л. К.*) приемов тактики. У Троцкого „философия истории“ та же самая. На первый план выдвигается „сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм“. „*Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат*“,—вот в чем суть дела“. Изложив эти взгляды, преподносимые тов. Троцким немецким рабочим, Ленин пишет:

„Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 г. (если не с 1903 г.) в бесчисленных книгах, в брошюрах, статьях *либеральной печати*. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные *либеральные взгляды*...

„Иллюзия“ думать,—заявляет Троцкий,—будто меньшевизм и большевизм „пустили глубокие корни в глубинах пролетариата“. Это—образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в „глубинах пролетариата“, *а в экономическом содержании* русской революции лежат *корни* расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутрипартийной борьбы в России... Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: „сектантство“, „некультурность“ и т. п. (словечки Троцкого против большевиков, которыми он пугал немецких филистеров. *Л. К*), и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства,—значит опускаться до уровня вульгарных журналистов“.

Тов. Ленин раз‘ясняет т. Троцкому:

„Мартов защищает воспитание крестьян (революционно-боровшихся с дворянством) либералами (которые предавали крестьян дворянам). Это и есть подмена марксизма либерализ-

мом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм... Борьба большевизма и меньшевизма *неразрывно* связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов (со стороны меньшевиков), из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством (со стороны большевиков). Поэтому,—втолковывает т. Ленин т. Троцкому, – об'яснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное *повторение либеральных сказок*".

Как видим, Троцкий „шел к Ленину", рассказывая международному пролетариату либеральные сказки про ленинизм!..

„Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами „интеллигентов" отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была на деле в конце 1905 г. *между классами*, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией".

Вот чего не понял в большевизме Троцкий, на взгляд Ленина. Много ли он понял в нем в таком случае?

„Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции".

Охарактеризовав все изложение большевизма перед неосведомленными немецкими рабочими со стороны т. Троцкого, как „утонченное вероломство", т. Ленин закончил свою характеристику такими словами:

„Троцкий был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 году, вернулся к меньшевикам в 1905 году, щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 году опять отошел; в конце 1906 года защищал избирательное соглашение с кадетами (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 года на лондонском с'езде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть „скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений". Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой, и поэтому об'являет себя стоящим *выше* обеих фракций. Троцкий в теории *ни в чем* не согласен с ликвидаторами и отзовистами, *а на практике во всем* согласен с голосовцами и впередовцами (т. е. проводниками буржуазного влияния на пролетариат. *Л. К*). Мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием *исключительно* у отзовистов и ликвидаторов". (Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 292, 293, 296, 307—8).

1912 год. Это—год перелома. В январе большевики окончательно рвут остатки организационных связей с меньшеви-

ками и на своей, большевистской конференции (в Праге) создают свой, чисто-большевистский ЦК, исключают из партии ликвидаторов и провозглашают революционную программу действий. В апреле, после Ленского расстрела, бурной волной вновь, впервые после 1905 года, вздымается пролетарское движение. Оно целиком усваивает программу и тактику большевиков. Среди рабочих масс начинает расти и вскоре окончательно побеждает „большевистское поветрие", по злобному выражению тогдашних меньшевиков. Воспрявшее рабочее движение систематически „снимает с постов" тех ликвидаторов, которые успели захватить эти посты в контр-революционных потемках предшествующих лет. Это – начало революционного наступления—под лозунгами большевиков, под руководством большевиков,—наступления, которое к середине 1914 г. приводит уже к баррикадным боям в Ленинграде.

Какова была позиция т. Троцкого перед лицом этих решающих событий? Быть может, эта волна революционного под'ема, этот новый рост рабочего движения увлек т. Троцкого с той позиции агента меньшевизма, на которой он стоял в предшествующие годы упадка и разложения? Быть может, его архи-левая теория „перманентной революции", лежавшая годами без употребления, теперь поможет ему разорвать пуповину, связывающую его с контр-революционным меньшевизмом?

Нет! Тов. Троцкий остается верен себе и... меньшевикам-ликвидаторам.

На организационное оформление и укрепление большевистской партии (январская конференция большевиков) он отвечает укреплением своего союза с меньшевиками для борьбы с большевизмом. Его усилиями создается так наз. августовский блок, блок, союз, организационное об'единение всех небольшевистских и противобольшевистских групп и группочек. Этот блок,—пишет Ленин,—„построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе". „Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести попрежнему свою линию, *а т. Троцкий прикрывает их революционной фразой,* которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает". (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 94, апрель 1912 г.). По поручению этого блока т. Троцкий усиленно грязнит большевиков, как руководителей начинающегося пролетарского под'ема, перед Интернационалом. Эту его работу т. Ленин характеризует, как „обман и введение в заблуждение немецких рабочих". По поводу его статей, обращенных к немецким рабочим, т. Ленин писал, что „они отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвида-

торский заказ на эти статьи попал в опытные руки". (Там же, стр. 93).

Но, быть может, тов. Троцкий был заодно с врагами большевиков только в их борьбе с большевистской *организацией*, может быть, в вопросах об оценке, задачах, целях, тактике поднимавшегося пролетарского движения, в оценке задач, целей, тактики *новой революции* он отходил от контр-революционных меньшевиков, служивших либералам? Послушаем опять Ленина:

„Троцкий, проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что „борьба за свободу коалиций" является *основой* Ленских событий и их отголосков, что „это требование стоит и будет стоять в *центре* революционной мобилизации пролетариата". Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль".

„Только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики,—продолжал Ленин,—могут ставить „в центре революционной мобилизации" свободу коалиций". Политике ликвидаторов и т. Троцкого т. Ленин тут же противопоставляет революционно-большевистскую политику питерского пролетариата: „Пролетариат Петербурга,—писал Ленин,—понял, что не во имя одного из прав (свободы коалиций. *Л. К.*), а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба. Пролетариат Петербурга понял... что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России. Пролетариат Петербурга понял, что смешно и глупо пред'являть требование свободы коалиций... Нет ничего более лживого, как *либеральная* выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким, будто „борьба за свободу коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране". (Соб. соч., т. XII, ч. 1-я, стр. 183, 185).

Разница в самом подходе к *основным* задачам второй (после 1905 г.) революции большевиков, с одной стороны, и меньшевиков и т. Троцкого с другой—совершенно ясна. Но Ленин еще и еще поясняет анти-революционный подход Троцкого к этим основным задачам.

Троцкий тогда вслед за меньшевиком Аксельродом носился с идеей „европеизировать" борьбу русских рабочих, т.-е., как пояснял тот же Аксельрод, „коренным образом изменить характер партии, как он сложился в до-революционную и дальше развился в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии". Троцкий плелся за Аксельродом. Он видел свое преимущество перед „некультурными", „варварскими",

„сектантски-неистовыми“ азиатами-большевиками в том, что он, Троцкий,—„европеец“ и борется „под тактическим знаменем европейской социал-демократии“. Но что обозначало это противопоставление „европеизма“, „европейской тактики“—большевизму? Только одно: отказ от непосредственно-революционных задач рабочего движения в царско-помещичьей России ради парламентской тактики европейских социалистов II Интернационала. О „пресловутой европеизации,—писал Ленин,—на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы. Здесь—один из главных гвоздей их оппортунизма. Их оппортунизм в том,—пояснял Ленин,—что они хотят придать „европейский“ парламентско-пропагандистский характер партии как раз тогда, когда перед ней стоят не европейские, а непосредственно-революционные боевые задачи, они хотят, таким образом, *обойти* задачи революции, подменить революционную тактику тактикой парламентской. В устах ликвидаторов и Троцкого—в период 1910—1914 гг.—словечки об „европеизме“, дополняемые словечками о „варварстве“ большевиков, прикрывали *отказ* от революционных задач и революционной тактики пролетариата в России. Вот что писал Ленин по поводу одного такого „европейского“ выступления Троцкого: „—это мечтание оппортунистического интеллигента, который в обход трудных не-европейских условий рабочего движения в России (Ильич эту статью писал для легальной „Звезды“ и потому употреблял легальные слова; читать следовало: в обход революционных задач рабочего движения в России) сочинил отменно хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир своим „европеизмом“. (Соб соч., том XII, ч. 1-я, стр. 222—223, июль 1912 г.).

Эта тактика, сводившаяся фактически к проповеди перехода партии с революционных путей на путь тогдашних мирных европейских социалистов, проповедывалась как раз тогда, когда новая волна революционного под'ема после ленского расстрела требовала именно революционного руководства. Быть может, кто-либо задаст себе вопрос: как же теория „перманентной революции“ не удержала т. Троцкого от подобной нереволюционной тактики, как мог он, придерживаясь этой архи-левой теории в явно-революционной обстановке 1912—14 г.г., проповедывать—рядом с меньшевиками—подобную анти-революционную тактику.

Но тот, кто задал бы подобный вопрос, лишь доказал бы, что он и теперь еще не усвоил ленинской характеристики троцкизма: „прикрывание левой (несуразно-левой, архи-звонкой,—писал Ленин) фразой правой политики“.

„Взгляните на платформу ликвидаторов,—раз'яснял наивным людям т. Ленин еще в 1913 г.,—ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить... Но самое небольшое внимание рассеет такой самообман".

Мы подошли *к 1914 году*. Революционное движение пролетариата идет все вперед, волны революционного прибоя бьют все выше. Позиция Троцкого в основных вопросах революции и тактики пролетарского движения остается все той же. Вот что пишет т. Ленин в 14-м году:

„Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда „пролезая в щель" тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой". (Ленин. Ссбр. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 536—537).

„У ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Мартова, Потресова и К°, знает эту физиономию. У Троцкого же никогда никакой „физиономии" не было и нет, а есть только перелеты, переметывание от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда... На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье (т. е. о революционной организации и политике рабочего класса. *Л. К.*) уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики (т. е. стремления меньшевиков подчинить рабочее движение кадетам. *Л. К.*) и т. д. К семерке депутатов с Чхеидзе во главе Троцкий обращается с специальными, длинными поучениями о том, как *похитрее* надо проводить отрицание подполья и партии" (Ленин, т. XII, ч. 2-я, стр. 410—413).

Наступили переломные месяцы 1914 года. Рабочее движение переходило от массовых политических и экономических стачек к вооруженным демонстрациям, которые были прерваны только военной мобилизацией. В июле рабочий класс Петербурга был уже на баррикадах. Надо было подводить итоги, надо было предупредить рабочий класс, какие политические течения и фигуры выйдут перед ним из подполья, из заграничной эмиграции для того, чтобы руководить его дальнейшим движением. Ленин пишет итоговую статью и печатает ее в мае 1914 года в большевистском журнале „Просвещение". Он подводит итог 10-летней борьбе большевизма с троцкизмом, борьбе, которую мы пересмотрели на различных ее стадиях:

„Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней.

Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это типичная фигура. Во времена старой „Искры“ (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от „экономистов“ к „искровцам“ и обратно была кличка: „тушинский перелет“ (так звали в смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выроставшее, связанное корнями с „меньшевизмом“ и „экономизмом“ в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

„Тушинские перелеты“ об‘являют себя выше фракций на том единственном основании, что они „заимствуют“ идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым „искровцем“ в 1901—1903 г.г., и Рязанов назвал его роль на с‘езде 1903 года ролью „ленинской дубинки“. В конце 1903 г. т. Троцкий—ярый меньшевик, т.-е. от „искровцев“ перебежавший к „экономистам“; он провозглашает, что „между старой и новой „Искрой“ лежит пропасть“. В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым („экономистом“), то провозглашая несуразно левую „перманентную революцию“. В 1906—1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих „нефракционных“ колебаний, он опять идет вправо, и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по *сути дела*, их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями... ни с опытом современного рабочего движения в России...“ (Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 462).

Вот что, как итог большевистской десятилетней борьбы не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом, считал необходимым сказать Ленин молодому поколению рабочих накануне нового под‘ема революционного движения рабочего класса.

Не подумайте, что здесь подобраны специально те места из работ Ленина, где Ленин порезче высказывался о т. Троцком,—это было бы недостойно. Нет, я взял все то, что есть у Ленина о т. Троцком, все не в том смысле, что взял все ци-

таты, — количество цитат можно было бы увеличить в десяток раз,—но в том смысле, что эти слова характеризуют полностью то, что т. Ленин считал необходимым сказать о т. Троцком русским рабочим до 1914 г. Каждый понимает, что если эти характеристики делаются из года в год, не по поводу той или другой ошибки, а по поводу общей линии т. Троцкого, то они делаются не из каких-либо посторонних соображений, а только потому, что т. Ленин видел в этой фигуре воплощение такой струи, такой политической тенденции, которая была вредна для дела большевизма. Поэтому и только поэтому Ленин считал необходимым предостерегать партию против троцкизма.

В дни войны.

Наступила война, которую Ильич правильно назвал всемирно-историческим событием в жизни человечества и величайшим испытанием для международного социализма, которое выявило непроходимую пропасть между оппортунистами и революционными коммунистами. Наступил момент, когда каждый должен был выбрать свою позицию. Наступил момент, когда раз навсегда должны были быть покончены всякие колебания, и когда то, что Ленин назвал мелкой дипломатией, перебеганием из одного лагеря в другой, должно было кончиться.

Так ли это было? Заставила ли война т. Троцкого раз навсегда порвать с оппортунизмом, порвать с поддержкой правых, отказаться от той роли защитника и прикрывателя меньшевиков, которую десять лет разоблачал т. Ленин?

С того времени, когда т. Троцкий вступил в нашу партию и стал верой и правдой служить ей и этим вписал славные страницы и в свою биографию, и в историю партии, мы не считали возможным останавливаться на этих вопросах. И это было правильно. Но, когда он вступает на путь фальсификации истории и идей большевизма, когда он пытается экспроприировать идейный багаж партии, когда он тщится подменить ленинизм троцкизмом в качестве идеологии русского и международного пролетариата, тогда он сам заставляет нас поставить эти вопросы.

Что же, развела ли война т. Троцкого с оппортунистами? Была ли прекращена перед грандиозностью событий политика мелкой дипломатии? Увы! Нет. Так же, как в 1905 г., он сумел сочетать архи-революционную, „несуразно-левую“ фразу с сотрудничеством с меньшевиками, так и в эпоху войны т. Троцкий сумел сочетать свой интернационализм с поддержкой оппортунизма.

Уже летом *1915 г.* т. Ленин пишет: „Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов... К числу вторых принадлежит — Троцкий"... Приведя возражения тов. Троцкого против взглядов большевиков *), т. Ленин продолжает: „Вот образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм... Если бы Троцкий подумал, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т.-е. он раболепствует перед „политической методологией социал-патриотизма", говоря вычурным языком Троцкого". „Троцкий,—говорит тогда же Ленин,—который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но *во всем практическом* согласен с ними". Тогда же: „Троцкий, так же отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой „Нашей Зари", т.-е. меньшевиков... Все это — проявление того зла, которое голландские марксисты назвали „пассивным радикализмом" и которое сводится к замене революционного марксизма эклектицизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике". Тогда же: „(такие-то) и Троцкий, по-моему,—вреднейшие „каутскианцы" в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма Тогда же: „Мартов и Троцкий желают совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с „Нашей Зарей", О. К. (Центр. Комитет меньшевиков) или фракцией Чхеидзе".

Конец 1915 года: „Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под отрицанием роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию". (Конец 1915 г.).

Тогда же: „Чхеидзе и К° явно виляют: они—верные друзья „Нашего Дела" (орган оборонцев), ими доволен Алексинский, и они же „играют" в левизну при помощи Троцкого... Думаю, сознательных правдистов (большевиков) не проведут".

Тогда же: „Троцкий и К° заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы „замазать" разногласия и спасти оппортунизм „Нашей Зари" при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе".

---

*) Этих „возражений" читатель не найдет, однако, в сборнике статей Троцкого „Война и Революция" по той причине, что они там Троцким *выпущены*.

Начало 1916 года: „Бессильные дипломаты или „болото", в роде Каутского в Германии, Лонгэ во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая *фикцию* единства и этим мешая назревшему, насущному об'единению оппозиции всех стран, созданию III Интернационала".

Март 1916 г.: „А Троцкий? Он герой за самоопределение, но у него это пустая фраза, ибо он не требует отделения наций, угнетенных „отечеством" данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев".

Октябрь 1916 г.—12 месяцев до нашего Октября: „Каковы бы ни были суб'ективные „благие" намерения Троцкого и Мартова (они—для Ленина—все еще едины суть!), об'ективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм".

Декабрь 1916 г.: „Гобсон превосходно подошел еще в 1902 г. к вопросу и о значении „Соединенных Штатов Европы" (к сведению каутскианца Троцкого!), и всего того, что затушевывают лицемерные каутскианцы разных стран, именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистической буржуазией как раз в направлении создания империалистической Европы на плечах Азии и Африки... На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистической буржуазии с победившим ныне (на долго ли?) рабочее движение оппортунизмом мы указывали неоднократно не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбежность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос".

17 февраля 1917 г. (февраль 1917 года!): „Троцкий—левые фразы и блок с правыми против цели левых!!". Еще через месяц и через две недели после февральской революции, 17 марта 1917 года: „По-моему, главное теперь—не дать себя запутать в глупые „об'единительные" попытки с социал-патриотами или, еще опаснее, колеблющимися в роде организационного комитета (меньшевиков), Троцкого и К° и продолжать работу *своей* партии в последовательно-интернациональном духе".

К этому следует, пожалуй, добавить только одно: за весь этот период т. Троцкий был решительным противником „циммервальдской левой", во главе которой стоял т. Ленин, и которая являлась именно тем зерном, из которого развился III Интернационал. III Интернационал родился не только в борьбе с Шейдеманами и Вандервельдами, он родился и окреп в борьбе с циммервальдским „центром", с Каутским и с Троцким. Практическая политика этого „центра" сводилась к тому, чтобы *не*

рвать окончательно со II Интернационалом, *не* основывать III Интернационала, чего добивался Ленин во главе „циммервальдской левой"..

Вот политическая линия т. Троцкого, охарактеризованная словами т. Ленина, на протяжении почти двух десятков лет. Тов. Ленин не изменяет своей характеристики и своего отношения к линии т. Троцкого ни в момент величайшего под'ема революции, ни в момент ее глубочайшего падения. „Тушинский перелет", „левые фразы и блок с правыми против целей левых", реальная служба экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству, в их борьбе против большевизма под прикрытием особенно звонкой левой фразы,—вот общий итог этой характеристики—не личности т. Троцкого, а „троцкизма", как течения.

Ни один ленинец, всерьез приемлющий это имя, не допустит и мысли о том, что это систематическое—на протяжении десятков лет—разоблачение т. Лениным позиции т. Троцкого могло быть вызвано какими-либо индивидуальными причинами. Систематическая, страстная борьба т. Ленина против троцкизма подсказывалась тем, что т. Ленин видел в троцкизме определенное течение, враждебное идеологии и организации большевистской партии, течение, на практике служившее меньшевизму. Эта борьба против троцкизма не была случайным элементом на том или другом повороте истории, при том или другом событии, она была неизбежной составной частью выковывания подлинной пролетарской партии и подлинной пролетарской идеологии. С меньшевизмом бороться сравнительно легко,—как бы говорил т. Ленин,—потому что его антипролетарский облик, откровенный, до конца идущий, не прячущий своей либеральной сущности, становится через маленький опыт понятным каждому рабочему, и рабочий его отвергает. Нужно бороться с наиболее прикрытыми формами меньшевизма, с теми формами, которые прикрывают оппортунистическую политику левой, революционной фразой, с той формой меньшевизма, которая приспособляет меньшевизм к революционному настроению масс. Врагом является не только тот, кто с открытым забралом борется против большевизма, но также и те группки, которые прикрывают борьбу этих откровенных врагов революционными фразами, и, пользуясь доверием к этим фразам, облегчают дело врагов партии.

Ленин лишь формулировал то отношение к троцкизму, которое характеризовало всю большевистскую партию в целом, хотя—в особенно трудные моменты жизни партии—т. Троцкому иногда удавалось пленить своей фразой и своей „мелкой ди-

пломатией", правда, всегда на очень короткий срок, отдельных большевиков.

Вот именно этот последний факт особенно рельефно подчеркивает те обстоятельства, которые из „троцкизма", как из исторического явления, делали препятствие в строительстве большевистской партии, как идейного руководителя и организатора пролетарского движения. Троцкизм был всегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно-настроенной части рабочих *формой меньшевизма*. Там и тогда, где и когда меньшевизм в его оголенной форме, в его либердановской форме, оказывался уже явно неприемлемым, там и тогда мог еще пользоваться некоторым политическим кредитом троцкизм. Так было в 1905 г., так было в 1912—14 г.г., так было и в эпоху войны. Во все эти моменты гибкая фраза т. Троцкого прикрывала и спасала банкротившийся меньшевизм. В мелкобуржуазной стране, где еще недавно чуть ли не каждый интеллигент почитал себя „марксистом", где рабочий класс испытывает на себе громаднейшее влияние мелкобуржуазной стихии, программа и тактика коммунистической партии могла быть выработана только в систематической, ожесточенной, непримиримой борьбе со всеми формами буржуазного влияния на пролетариат. Наиболее опасными формами этого влияния являлись, естественно, именно те, которые наиболее „тонко", наиболее „дипломатично", наиболее беспринципно маскировали, прикрывали свою анти-коммунистическую сущность, которым ничего не стоило в любой момент прикрыть свои „правые дела" особенно „левой фразой". Воплощением этого типа анти-большевистских влияний и был троцкизм. Когда ход классовой борьбы вышибал из сознания пролетария всякое доверие к Дану, Дан оставлял за собой свою тень: этой тенью был Троцкий. Вот почему во все времена партийной истории троцкизм с его „левой фразой", прикрывавшей „правые дела", с его беспринципной проповедью примирения большевизма и меньшевизма, с его критикой ленинской „грубости", „варварства", „прямолинейности", „догматизма" и „сектантства"—всегда очаровывал около-партийную и внутрипартийную интеллигенцию.

Вот почему т. Ленин на протяжении десятков лет считал троцкизм опаснейшим препятствием для построения большевистской партии, вот почему он не уставал разоблачать троцкизм и предостерегать от него партию. Вот почему борьба с троцкизмом, как борьба с меньшевизмом, входит в самое понятие большевизма. Без понимания опасностей троцкизма—нет большевизма.

2. Тов. Троцкий вступает в партию.

Описанные выше отношения между большевизмом и троцкизмом сам т. Троцкий предпочитает характеризовать словами: „Я шел к Ленину с боями". Сказано это не только кокетливо, но и красиво. Тов. Троцкий—мастер на красивые фразы. Партия, ЦК, Ленин всегда знали это достоинство т. Троцкого и не раз—с пользой для партии—поручали ему устные и письменные выступления, в которых требовалась особая красота фразы. К сожалению, вопрос, затронутый т. Троцким, в вышеприведенных словах, слишком серьезен, чтобы удовлетвориться красивой фразой.

Во-первых, эта фраза неверна, во-вторых, она рассчитана на то, чтобы, очаровав читателя красотой, скрыть истинную мысль Троцкого. Чтобы сказать правду в ее неприкрашенной форме, нужно выразиться так: эта красивая фраза лицемерна.

Действительно. Правда ли, что всю ту историю, которую мы с вами рассмотрели с 1903 года вплоть до февральских дней, можно охарактеризовать словами Троцкого: „Я шел к Ленину с боями". Троцкий, видимо, очень доволен историей своих отношений с большевизмом; по крайней мере в своей книжке „Новый курс", всего только несколько месяцев назад, он писал: „Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути". Это очень утешительно для Троцкого. Но может ли партия, не изменяя себе, считать надежным и прочным тот путь Троцкого к нашей партии, который мы только что с вами под руководством Ленина просмотрели. Если этот путь есть действительно „путь к Ленину", то, следуя словам тов Троцкого, каждый бывший меньшевик, каждый бывший с.-р, которых не мало в нашей партии, может сказать: „я собственно не был меньшевиком, или с.-ром, я просто шел к большевикам „с боями".

Во всяком случае ясно одно: партия не может никому рекомендовать тот путь к большевизму, которым прошел Троцкий; она, во-вторых, не может этого пути считать ни „надежным", ни „прочным".

Неужели же в партии, кроме тов. Троцкого, найдется хотя один человек, который полагает, что 15-летняя попытка дискредитировать идейные и организационные основы большевизма, что 15-летний, временами прикрытый, временами открытый блок со злейшими врагами партии есть „прочный и надежный" путь к Ленину? Товарищи, которые вступали в нашу партию из рядов других партий, обычно заявляли, что они ошибались, что, по своему понимая интересы рабочего класса и по-своему

служа им, они ныне убедились, что их путь неправильный, что они признают большевистскую идеологию и отказываются от прежних заблуждений. Партия не требовала подобного признания у Троцкого и, конечно, поступала правильно: Троцкий сдал экзамен и сдал его превосходно. Но это отнюдь не значит, что партия может разрешить Троцкому его 15-летнюю борьбу против большевиков и Ленина именовать прочным и надежным путем к ленинизму, не может примириться с тем, что блестящими и эффектными фразами прикрываются искажения партийной истории.

Но эта фраза не только неверно описывает то, что было до вхождения Троцкого в партию. Она неверно описывает и тот идейный багаж, с которым Троцкий вошел в партию, она неискренна, ибо скрывает то, что подлинно думает Троцкий. Притти к Ленину, хотя бы с боями, не значит ли отказаться от своих заблуждений, от того, что считал ошибкой Ленина, и признать ленинскую правду во всех основных вопросах революции? Я утверждаю, что Троцкий понимает свой приход к Ленину наоборот, что он не думает, что большевизм оказался более прав, чем троцкизм. Троцкий вступил в партию с убеждением, что не он должен учиться большевизму у партии, а он должен учить партию троцкизму, подправлять ленинизм троцкизмом. В книге Троцкого „Война и Революция“ значится: *).

„Были три пункта, где „Наше Слово“ (газета Троцкого. *Л. К.*)—и после того, как оно окончательно перешло в руки левого крыла редакции,—не сходилось с „Социал-Демократом“ (органом ЦК большевиков, руководимым Лениным и Зиновьевым. *Л. К*). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. „Наше Слово“ отвергало пораженчество (которое Ленин с самого начала войны считал основным признаком подлинного революционного интернационализма. *Л. К.*). „Социал-Демократ“ отвергал лозунг борьбы за мир... противопоставляя ему гражданскую войну (которую отвергал Троцкий. *Л. К.*). Наконец, „Наше Слово“

*) Т. I, стр. 27. Эта книга есть сборник статей Троцкого за эпоху войны, по поводу которых я выше привел отзывы Ленина. Очень жаль, что редактор сочинений тов. Троцкого, собравший в примечаниях к „1917 году“ все то, что говорили о выступлениях т. Троцкого Сухановы, „Новая Жизнь“ и др., не приложил к этому сборнику статей, на которых т. Троцкий хочет учить партию, отзывы т. Ленина. Может быть, это было бы лучше в целях воспитания той молодежи, к которой обращаются эти книги. Ведь книга Троцкого о войне и революции не может быть воспринята в нашей партии, особенно молодыми членами партии, в частности учащейся частью нашей партии, иначе как изложение взглядов коммунизма. Поскольку же наша партия не говорит, что это не так, что это не ленинизм, что по этой книжке коммунизму учиться нельзя, поскольку Троцкий сам не побеспокоился приложить к ней отзывы тов. Ленина, постольку она может быть воспринята как учебник. А мы все должны немножечко заботиться о тех кто придет завтра к нам на смену.

стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. „Социал-Демократ“ продолжал оставаться на позиции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“. Несколькими строками выше этого немаловажного признания Троцкий сообщает, что „разногласия между „Социал-Демократом“ и „Нашим Словом“, казавшиеся вначале очень значительными, уменьшались...“ В редакции „Нашего Слова“ рядом с Троцким был Мартов, затем, под влиянием беспощадной критики со стороны Ленина и роста революционных коммунистических элементов, Мартов вышел из редакции. В редакции „Нашего Слова“ остался Троцкий. И вот уже после этого, после того, как разногласия „уменьшились“, когда газета окончательно перешла в руки левого крыла редакции, т.-е. в руки Троцкого, остались именно эти три разногласия: по вопросу о пораженчестве, по вопросу о гражданской войне и мире и по вопросу о характере грядущей русской революции.

Вот описание разногласий, разделявших большевиков и Троцкого накануне революции 1917 года, данное самим Троцким; разногласия, как видит всякий, не какие-либо второстепенные, не чисто-теоретические или узко-организационные. Нет, сам Троцкий должен признать, что его разногласия с большевиками накануне революции обнимали основные, коренные, решающие вопросы. Если, по словам Троцкого, разногласия, уменьшившись, касались вопросов о пораженчестве, гражданской войне и характере русской революции, то интересно было бы узнать, в чем же, собственно, Троцкий сходился с Лениным.

Ленин был за поражение „своей“ буржуазии в империалистской войне,—Троцкий против!

Ленин был за гражданскую войну,—Троцкий против!

Ленин был за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства,—Троцкий против! (усиленно путая—по выражению Ленина—в этом вопросе при помощи левой фразы о перманентной революции).

Здесь, в этом последнем пункте, Троцкий кажется левее Ленина. Каким образом это происходит? Будучи в вопросах, конкретных, которые стояли тогда на очереди дня, в вопросе *за* поражение или *против* поражения своей буржуазии в войне, *за* призыв к гражданской войне или *против* призыва к гражданской войне, фактически на точке зрения меньшевиков—или в лучшем случае центра,—он в вопросе о ходе грядущей революции кажется гораздо левее Ленина, не удовлетворяется диктатурой пролетариата и крестьянства, а требует обязательно перманентной революции. В чем тут дело? Да в том же са-

мом, о чем все время в продолжение десяти лет твердил нам тов. Ленин, когда соприкасался с вопросами троцкизма: правая политика сегодняшнего дня, прикрытая несуразно левой фразой. Итак, вот позиция Троцкого накануне революции, охарактеризованная его собственными словами. К этим трем разногласиям, впрочем, следует прибавить упущенное Троцким разногласие по вопросу о II и III Интернационалах. Ленин во главе циммервальдской левой был за немедленный разрыв со II Интернационалом и с Каутским и за создание таким путем III Интернационала. Троцкий в рядах каутскианского центра был против этого.

Но всего только через несколько месяцев после того, как четко и ясно были констатированы эти разногласия, Троцкий примкнул к большевистской партии. Что же при этом стало с разногласиями Троцкого с Лениным? В данной статье Троцкий ограничивается кокетливо-жеманным умолчанием: „Мартовская революция,—пишет он,—ликвидировала эти разногласия“. Все?— Все! Но как?—Троцкий кокетливо молчит! Но все-таки, как же были ликвидированы эти немаловажные разногласия? Партия имеет право поставить этот вопрос, раз сам т. Троцкий заставил ее заняться своей историей. Следует ли понимать его заявление о том, что революция ликвидировала разногласия между Троцким и большевизмом в том смысле, что Троцкий, убедившись, что его позиция во всех этих немаловажных пунктах неправильна, перешел на точку зрения большевиков? Так сделал один из виднейших теоретиков меньшевизма т. Мартынов, сказавший: „Я 30 лет по-своему служил рабочему классу, теперь вижу, что путь мой был неправилен. История подтвердила правильность взглядов Ленина на русскую революцию и я к ним присоединяюсь“. Такого ответа т. Троцкий партии не дал.

Троцкий о себе и о ленинизме.

Однако, ответ у него есть. В своей книге „1905“ (стр. 4—5) Троцкий пишет: „В промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора (т.-е. у Троцкого) те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории „перманентной революции“... *Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком*“. (Написано в 1922 г.! *Л. К.*). Такова, на взгляд Троцкого, счастливая судьба его, Троцкого, теории.

Но этой теории противостояла в течение всех этих 12 лет другая теория, теория Ленина, нашедшая свое выражение в

формуле: „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. „Эту мысль, —пишет в 1908 и повторяет без оговорок в 1922 году тов. Троцкий,—Ленин неутомимо повторяет, начиная с 1904 г. Но от этого она не становится правильнее“.

Троцкий свидетельствует, что через 12 лет после ее зарождения, т.-е. в революцию 1917 г., его теория „оправдалась целиком“. Как же быть с теорией Ленина? Она, значит, не оправдалась? Не могли две теории, которые десяток лет друг другу противостояли, по поводу одной из которых Ленин утверждал, что это не теория русской революции, а революционная фраза, прикрывающая мешанину из меньшевизма и большевизма, оправдаться одновременно. Если теория Троцкого и оправдалась, то, значит, с ленинской теорией, под знаменем которой он 12 лет собирал партию, случилась какая-то беда. Так и есть,—беда действительно случилась. Мы узнаем это от Троцкого. В той же книге („1905“) Троцкий, характеризуя основную идею Ленина, как голую абстракцию, пишет, что большевики „приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть“. „Правда,— продолжает Троцкий,—разница между ними (меньшевиками и большевиками) в этом вопросе весьма значительная: в то время как анти-революционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, *анти-революционные черты большевизма* (подчеркнуто ради важности этого сообщения мной. *Л. К.*) грозят огромной опасностью только в случае революционной победы“. Далее оказывается, что „большевики (как и меньшевики) пугаются последствий классовой борьбы“.

Итак, мы узнаем здесь сразу несколько чрезвычайно любопытных вещей. Во первых, оказывается, что ленинская теория русской революции продиктована испугом перед последствиями классовой борьбы пролетариата. Это уже недурно и прекрасно подтверждает, как много понял Троцкий в большевизме. А вовторых,—и это наиболее существенно,—мы узнаем, что у большевизма, как и у меньшевизма, есть анти-революционные черты и что эти анти-революционные черты большевизма особенно опасны в случае революционной победы. Ясно, что с теорией, которая имеет в себе анти-революционные черты, особенно опасные тем, что они сказываются в случае революционной победы, нельзя вести пролетариат в бой, хотя бы с некоторой надеждой на победу.

Перепечатывая *и подтверждая* в 1922 г. эту характеристику большевизма, Троцкий снабдил фразу об опасностях анти-революционных черт у большевизма примечанием: „Этого, как

известно, не случилось, так как под руководством тов. Ленина большевизм совершил... свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 г., т.-е. до завоевания власти". (Л. Троцкий, 1905, стр. 285).

Теперь мысль Троцкого ясна. Взгляды Ленина и большевистской партии на характер революции, как они развивались им с 1904 г. до весны 1917 г., не только неверны, но и контр-революционны по отношению к социалистической революции.

Взгляды Троцкого на тот же вопрос „подтвердились целиком". В виду этого Ленин и большевизм весной 1917 г., до завоевания власти и *для завоевания власти* должны были „перевооружаться", т. е. заменить контр революционное оружие большевизма подлинно революционным оружием, заготовленным уже за 12 лет до того Троцким. В этом смысле „революция ликвидировала разногласия".

После этого Троцкий вступил в партию большевиков.

„Я пришел к Ленину потому, что Ленин привел партию ко мне",—вот что лежит в основе всего построения Троцкого, вот на что он намекает, вот к чему он хочет подвести доверяющего ему читателя. Эффектная фраза „я пришел к Ленину с с боями"—лицемерна потому, что Троцкий убежден, что на деле, в области основных вопросов революции, *Ленин пришел к Троцкому* в 1917 г., после того как полтора десятка лет строил партию на идеях „анти-революционных".

Во всей своей идейной борьбе с большевизмом и Лениным до 1917 г. прав оказался Троцкий—вот содержание всех последних книг Троцкого („1905" и „1917"). Ленин прав лишь с весны 1917 г., и прав лишь постольку и потому, поскольку он отбросил оружие *своей* теории и вооружился теорией Троцкого.

Не правда ли, теперь картина совершенно ясна? 12 лет назад Троцкий выставил теорию перманентной революции. Эта теория в 1917 году подтвердилась, по его свидетельству, целиком. Теория же Ленина, на которой основывалась и собиралась партия в течение десятков лет, обладала анти революционными чертами, и поэтому раньше, чем итти в бой, и *для того, чтобы победить*, надо было большевизму перевооружиться. Каким образом? Да, ясное дело,—откинуть оружие большевизма с его анти-революционными чертами и взять новое оружие, которое стояло бы на уровне тех задач, которые развернулись перед пролетариатом. Старое оружие, оружие большевистской идеологии, оказывается, октябрьские задачи разрешить не могло. Надо было перевооружиться и, конечно, за новым оружием надо было обратиться в тот арсенал, в котором это оружие заранее, за 12 лет, было подготовлено,—и без единой анти-революционной червото-

чинки: надо было обратиться к оружию тов. Троцкого. Вот подлинная мысль тов. Троцкого, *вот история нашей партии по Троцкому*. Теория Ленина, которая с самого начала обладала анти-революционными чертами, крахнула, как только пролетариат вступил в настоящий бой. Она должна была быть отброшена, должна была быть заменена. Большевизм оказался способным организовать пролетариат, вести его к Октябрю, одержать октябрьскую победу, только потому, что он *во время* отбросил большевистское оружие и позаимствовал оружие у т. Троцкого.

Если это так, это надо сказать открыто. Если в большевизме есть анти-революционные черты, если перед решительным боем надо это оружие менять, то какое же право имеем мы учить наш пролетариат и пролетариат всего мира большевизму без поправок? Почему нигде, ни в одном нашем учебнике мы не говорим пролетариату и нашей страны, и всего мира: товарищи, мы учим вас большевизму, но помните, в большевизме есть анти-революционные черты; когда настанут бои, тогда с оружием большевизма вам не сдобровать, вам надо тогда это оружие заменить другим, надо заменить его троцкизмом. Если это так, то мы не имеем права, хотя бы из уважения к Ленину, идейно вооружать пролетариат таким оружием, которое придется бросить перед боем. Отдельный писатель может жертвовать исторической истиной, действительной ролью Ленина, идейным багажом нашей партии, накопленным борьбой всего рабочего класса; он может всем этим пренебречь для того, чтобы сказать: когда дошло до боя, партии пришлось брать оружие у меня, а свое оружие отбросить; но партия не может быть бесчестной, она должна учить пролетариат или ленинизму, или троцкизму, или должна сказать: „надо подправить ленинизм троцкизмом". Но она не может учить ленинизму—всему целиком, без поправок,—как теории и практике мировой революции, и—одновременно—намекать, что теория и практика пролетарской революции в действительности уходит своими корнями не в ленинизм, а в идеи, зародившиеся, у Троцкого „между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г.". (Какое внимание к датировке рождения собственных идей! Какое внимание к своим собственным биографам!).

Или мы учим большевизму, ленинизму, полностью, целиком, без поправок, как подлинной теории пролетарской революции, или, если кто-либо считает, что это не подлинная теория пролетарской революции, что для того, чтобы стать таковой, ее нужно немножко подправить троцкизмом, он должен сказать открыто, ясно, какие поправки он в нее вносит. Если есть анти-революционное в учении большевизма о рево-

люции, нельзя сочинения Ленина до весны 1917 года делать предметом науки пролетарской войны и пролетарской стратегии против буржуазии. Надо по крайней мере сказать: это есть историческая древность, которую можно изучать, но по которой нельзя учиться, как нужно делать революцию. А учиться, как делать пролетарскую революцию, надо не по Ленину до 17 года, а по Троцкому, начиная с 1905 года.

Или Октябрьская революция была сделана под знаменем ленинизма без поправок, или же она была сделана под знаменем троцкизма и его поправок к Ленину, ибо большевизм оказался негодным орудием для решения тех задач, которые встали перед ним с февраля по октябрь. Тут надо выбирать. Тут идейный стержень спора, тут Троцкий заставляет партию сказать: чем мы были и чему мы будем учить не только наш, но и международный пролетариат, который хочет знать и имеет право знать, кто же прав—партия, которая говорит: лининизм не нуждается в поправках со стороны троцкизма для того, чтобы быть теорией пролетарской войны с буржуазией, или тов. Троцкий, который говорит: ленинизм надо было пересмотреть, чтобы итти на приступ капиталистических твердынь с открытыми глазами. Своего читателя Троцкий искусно подводит к этой своей основной мысли: идеологически Октябрь оказался не ленинизмом, а троцкизмом, теория последнего оправдалась целиком, Октябрь шел, Октябрь об'ясним, и Октябрь может быть охвачен только его теорией, а не теорией Ленина; теория перманентной революции должна быть реабилитирована и признана тем идейным оружием, которое дало нам октябрьскую победу.

Вот после этого я и спрашиваю себя,—что же значит фраза: „Я шел к Ленину с боями"? Она обозначает: я, Троцкий, пришел к Ленину потому, что в основных вопросах о характере русской революции Ленин привел партию к троцкизму. Действительно, если теория Троцкого „целиком оправдалась" в Октябрьскую революцию, а Ленин должен был пересматривать большевизм и откидывать присущие ему „анти-революционные черты", то надо сказать, что в идейной области Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот. Тут надо выбирать, тут происходит подмен тонкий и отменно лицемерный.

Можно заранее предсказать, что для того, чтобы дать облагодетельствованной им партии какое-либо удовлетворение, Троцкий охотно признает, что он в прошлом делал кое-какие организационные ошибки. Что стоит признание в организационных ошибках прошлого, если этой ценой можно легализовать подмену ленинизма троцкизмом, если это признание должно прикрыть признание, что именно Троцкий снабдил партию боль-

шевиков остро-отточенным оружием подлинно-революционной теории, стоящей на уровне мировых задач русского пролетариата, если под прикрытием этого признания можно безнаказанно от имени партии доказывать, что анти-революционные черты искони присущи большевизму—ленинизму? Париж стоит мессы! Роль идейного вдохновителя и теоретика большевиков и Октябрьской революции стоит того, чтобы признать за собой в прошлом несколько даже крупных, даже очень крупных организационных промахов.

В своих „Уроках Октября" Троцкий и делает эту „уступку" партии. „Свои действительные и большие организационные ошибки я признал"—пишет он для того, чтобы затем, прикрывшись этой фразой, целиком всю статью посвятить доказательству того, что зато в области *основных* не организационных, а принципиально политических вопросов революции он оказался целиком прав против большевизма и против Ленина.

Но разве об организационных вопросах шел 15 лет спор между Лениным и большевиками, с одной стороны, и троцкизмом—с другой стороны? Это—пустяки, отвод глаз. Спор был именно об основных вопросах революции, о соотношении классов в революции, ибо вопрос—„перманентная революция" или теория тов. Ленина—это вопрос о роли крестьянства в революции, вопрос о путях к социализму в аграрной стране, вопрос о способах и условиях осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Это не спор об абстрактных формулах. Это спор о том, как, какими путями может пролетариат взять и *удержать* власть в крестьянской стране. Это спор не только о вчерашнем, но и о сегодняшнем и о завтрашнем дне. Теория и практика Ленина есть ответ на этот вопрос. „Теория перманентной революции", теория Троцкого, целиком построенная на недооценке роли крестьянства, отвечает лишь на один вопрос: как нельзя взять и нельзя удержать власть в этих условиях. Вот основа спора, и вот почему решительный протест должна вызвать попытка Троцкого подменить ленинизм троцкизмом.

Поскольку из-под кучи искажений, самовосхвалений и посторонних делу изучения Октября соображений, наполняющих „Уроки Октября", можно извлечь некий принципиальный стержень, некоторую принципиальную мысль Троцкого,—она вся целиком выражена в следующих его словах: „Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап", и дальше

следует литературное описание, смысл которого: „лишь как этап“ к формуле Троцкого. Вот полностью и целиком сказанное признание. Сама по себе формула Ленина, *„как показало все дальнейшее развитие“*, могла иметь значение лишь как этап к Троцкому. И т. Троцкий прекрасно знает, это он хотел сказать и сказал именно это! Вот если партия с этим согласится, тогда она должна сказать это прямо, тогда она должна перенести это на международную арену и сказать это Коминтерну. Учитесь-де у Ленина за первые 15 лет его деятельности, но помните, что это есть лишь этап к Троцкому, *„как показало все дальнейшее развитие“*.

Это—идейная суть всей последней книги Троцкого. Этот подмен ленинизма троцкизмом проведен Троцким со всем умением, со всем тем литературным искусством, которым он обладает. А искусство у него большое. Эта книга написана не для широких масс, не для всей партии, она написана для молодого, подрастающего поколения для тех, кто будет в дальнейшем, завтра, через год—два определять судьбы партии. Взять реванш за те 12 лет, когда Ленин доказывал всю мизерность политики Троцкого, показать, что революция подтвердила его (Троцкого) теорию, и этим подменом большевизма троцкизмом отравить головы будущих руководителей партии, сидящих в коммунистических университетах, совпартшколах, рабфаках, вузах и т. д.,—вот цель последнего выступления Троцкого, цель его книги „1917“. Мы этого позволить не можем. Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя и выставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции—Троцкого. Тут надо выбирать. Тут кокетничанием, умалчиванием, фразами, что „мартовская революция ликвидировала разногласия“ и „я пришел к Ленину с боями“, ничего не поделаешь.

В этой книге („1917“) ругают Зиновьева, Каменева, Рыкова и других. Я буду об этом говорить и буду говорить о своих ошибках, но не думайте, что здесь ругают только их. *Здесь Каменевым, Зиновьевым бьют Ленина.* Ведь вопрос о судьбах большевизма можно поставить так: у Ленина была правильная теория, но ученики Ленина не сумели ее применить, во-время не разобрались, не поняли обстоятельств времени и места; формула правильная, лозунг правильный, а такие-то большевики плохо ее осуществляли. Можно так поставить, а можно поставить и так: если из ленинской формулы сделать логически все выводы, тогда неизбежно попадешь в болото и трясину. Формула неправильная, а люди-то логически правильно применяли неправильную формулу. В первом случае это—оправдание больше-

вистской теории и указания на ошибки отдельных большевиков. Во втором случае, когда говорится: ближайшие ученики Ленина взяли его формулу и, применяя ее буквально, попали в трясину,—после всего, что мы уже знаем от Троцкого относительно анти-революционных черт ленинизма, после того, как мы знаем, что „подтвердилась целиком“ теория Троцкого, а не Ленина,—во втором случае мы видим, что бьют не столько Каменева и Зиновьева, сколько Каменевым и Зиновьевым бьют основную формулу Ленина. Вот на чем построены эти „Уроки Октября“. Они представляют лишь продолжение, обоснование, развитие цитированных выше заявлений Троцкого *1908 г.* и лишь в чуть-чуть замаскированном виде продолжают тогдашнюю полемику Троцкого с Лениным. „Уроки Октября“ имеют более глубокую цель, чем это на поверхности кажется. На поверхности кажется, что это—разоблачение Зиновьева и Каменева. Там это есть, но там есть больше,—там есть то, что ошибками Кеменева и Зиновьева дискредитируют основные ленинские формулы и рекламируют троцкизм.

Партия не может и не должна пройти мимо этого подмена ленинизма троцкизмом, совершаемого под флагом Ленина. Что-нибудь одно из двух. Или в ленинизме есть „анти-революционные черты“ и большевизм должен был отказаться от своего прошлого, чтобы сделать Октябрь,— и тогда это должно быть сказано, это должно быть внесено в те учебники ленинизма, по которым партия воспитывает миллионы своих членов, об этом должно быть ясно и точно рассказано коммунистам Европы. Или это—ложь, идейная путаница. Тогда почему она имеет право жить, распространяться под флагом ленинизма? Под прикрытием восхвалений Ленина, восхвалений, которые приобретают в этих условиях очень „странный“—чтобы не сказать—лицемерный характер? Партия должна защитить основные формулы Ленина против подмены их троцкизмом. Каковы же эти основные формулы и как Ленин их проводил?

Ленин в апреле 1917 г.

Мы видели, каким образом тов. Троцкий изображает ту теорию, которой мы были вооружены, вступая в период Октябрьской революции. Мы видели, что его изображение заключается в том, что старая большевистская теория, основные черты которой Ленин создал на основе опыта массового движения пролетариата и крестьянства в 1905 г., на основе практики первых Советов Рабочих Депутатов 1905 г., что эта теория потерпела крах весной 1917 года, что большевизм должен был перевоору-

житься, чтобы оказаться способным решать новые задачи, что по существу дела он должен был откинуть старую большевистскую теорию и обратиться к Троцкому. Так представляет дело тов. Троцкий, с этой мыслью он входил в партию и с ней оставался в ней.

Правда ли, что большевизму, чтобы решить проблемы революции, нужно было отказаться от своего прошлого? Правда ли, что теорию революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьянства нужно было отбросить, как явно обойденную жизнью. Как же было дело в действительности и как понимал его Ленин? Дело было так,—и так, и только так, понимал его Ленин,—что большевистская идея „рев.-дем. диктатуры пролетариата, и крестьянства“ *осуществилась целиком* в русской революции и, *осуществившись*, начала перерастать, перерастала и переросла в большевистскую идею диктатуры пролетариата. Этот рост вполне соответствовал и шел *параллельно* изменению соотношения классов в ходе русской революции. Тот, кто этого не понимает, не понял ничего ни в ленинизме, ни в истории партии, ни в истории революции.

Для того, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, нужно обратиться к моменту, когда, по мнению Троцкого, Ленин совершал перевооружение, т.-е. к весне 17-го года, и к той программе и тактике революции, которые тогда Ленин выдвинул. Я беру самое кардинальное произведение Ленина тех дней— „Письма о тактике“, в которых он комментирует, об'ясняет, разжевывает партии свои знаменитые тезисы 4 апреля. Что же говорит Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства? Действительно ли он должен был признать, что эта теория оказалась неправильной?

Ленин пишет: „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции“... Совет Р. и С. Деп.—вот вам уже осуществленная жизнью „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. (Соб. соч. Ленина, том XIV, ч. 1-я, стр. 29). „Советы Депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства“. „Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство“ (в этих органах диктатуры).

Значит, не в том дело, по мнению Ленина, что эта формула оказалась негодной для революции и несоответствующей ходу классовой борьбы. Нет, первыми его словами было то, что наша теория осуществлена в ходе революции, в живых учреждениях, созданных движением подлинных масс пролета-

риата и крестьянства. Из того факта, что большевистская теория насчет революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществилась, Ленин делает единственный—и, конечно, правильный—вывод: раз наша теория осуществлена, нужно итти дальше. Каким же путем? Тем, чтобы на почве осуществленной уже диктатуры пролетариата и крестьянства об'единять и сплачивать пролетарские элементы города и деревни против элементов мелко-буржуазных. Не останавливайтесь на осуществленной уже в революции большевистской формуле, идите дальше,—говорил Ленин тем большевикам, которые запнулись об осуществленную уже стадию революции. Он не говорит, что большевистская формула диктатуры пролетариата и крестьянства оказалась негодной и несоответствующей классовым интересам пролетариата. Он говорит: вы не замечаете, что она осуществилась, осуществилась „своеобразно, как и всякая теория",—добавляет Ленин,—но осуществилась; а раз она осуществилась, двигайтесь дальше. А что значит двигаться дальше от формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Это значит на почве этой диктатуры собирать и организовывать пролетарские элементы, чтобы от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства двигаться дальше—к диктатуре пролетариата, к чисто-социалистическому перевороту. Вот каково представление Ленина о том, соответствует или нет ход русской революции старой большевистской формуле. Но Ленин, подлинный реальный политик, подлинный вождь масс, понимал, что переход от диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистическому перевороту—вещь очень сложная, к которой надо итти, но итти, все время оглядываясь на крестьянство, осуществляя диктатуру пролетариата так, чтобы на всех стадиях этого перехода она поддерживалась крестьянством. Поэтому Ленин все время применяет свою тактику к тому, как разворачивается массовое крестьянское движение, специально изучая то „своеобразие" осуществляемой диктатуры пролетариата и крестьянства, что последнее на данной стадии революции сохранило в виде „оборончества" доверие к буржуазному правительству Излагая взгляды споривших с ним большевиков, мои в том числе, и жестоко нападая на нас, Ленин пишет:

„Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти—буржуазия. А масса крестьян разве не составляет тоже буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что этот слой не может притти к власти, „завершая" буржуазно демократическую революцию? Почему это не возможно? Так рассуждают часто ста-

рые большевики. Отвечаю—это вполне возможно.., Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть..." Когда крестьянство перестанет через эсеровско-меньшевистские советы поддерживать правительство, „когда,—продолжает Ленин,—крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее, тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет итти речь особо".

Это много сложнее, чем теория Троцкого, которая прямолинейна, как полет вороны. У Троцкого с его лозунгом: „Без царя, а правительство рабочее" все очень просто, потому что он игнорирует крестьянство и не понимает условий осуществления диктатуры пролетариата не в Англии, не в Америке, не в Германии, а в аграрной капиталистически-отсталой стране.

В чем величие Ленина? Не в том только, что он поднял знамя диктатуры пролетариата, а в том, что он не только хотел говорить о рабочем правительстве, а хотел строить его. Величие Ленина в том, что он начал и провел осуществление диктатуры пролетариата в данных условиях данной аграрной страны, постоянно учитывая те реальные элементы, на которых эту диктатуру можно не только провозгласить, но и построить. Именно поэтому он еще в апреле 1917 года вводил в свои расчеты и такую возможность, как „новый этап буржуазно-демократической революции" в результате разрыва крестьянства с временным правительством и эсерами.

„Неизвестно,—писал он,—может ли теперь быть еще в России особая „рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства", оторванная от буржуазного правительства". И действительно, в апреле неизвестно было, будет ли в ходе русской революции такой момент, когда крестьянство, оставив эсеровские и меньшевистские советы, выступит, не доходя до диктатуры пролетариата,—но уже против временного правительства. Ильич, как реальный политик и вождь масс, знавший, что мы осуществляем политику пролетариата в своеобразных условиях аграрной страны, строил тактику на оба случая: „и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии, „диктатуру пролетариата и крестьянства", и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т. е. до социализма) колебаться между ней и нами". (Собр. соч., т. XIV).

Вы видите, как подходит Ленин к классовым отношениям в революции, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, как он представлял себе переход от буржуазной революции, завершающейся диктатурой пролетариата и крестьянства, к социалистической революции. Для Ленина пере-

растание рев.-дем. диктатуры в диктатуру пролетариата совсем не представлялось таким простым и прямолинейным, как это представлялось и представляется до сих пор автору перманентной революции. Ленин не был бы Лениным, т. е. не был бы практическим руководителем миллионных масс в ходе классовой борьбы, если бы он действительно перевооружился по Троцкому, ибо теория Троцкого вела неизбежно к крушению и пролетариат, и крестьянство. В своем чистом виде линия Троцкого—это игнорирование крестьянства, игнорирование переходов, в ходе которых крестьянство сначала доверяет правящей буржуазии, потом разочаровывается и выступает против нее, но еще в целом не присоединяется к пролетариату, и, наконец, последний этап—когда пролетариат на почве крестьянского восстания, ведя крестьянство за собой, осуществляет диктатуру, пробуя и меняя разные формы союза рабочих и крестьян.

Вся эта реальная политика рабочего класса, которая единственно могла привести к диктатуре пролетариата, для Троцкого—грамота за семью печатями, совершенно недоступная с точки зрения его теории, которую он теперь—задним числом—пытается навязать и партии, и революции.

Ленин очень хорошо знал, что отстать от хода революции—значит принести великий вред и революции, и партии. Но он очень хорошо знал также, что „недооценка крестьянства", лежащая в основе троцкизма, есть величайшая опасность для революции и для партии. Поэтому-то, именно, категорически настаивая на том, что надо двигаться от рев.-дем. диктатуры вперед, он в то же время старательно предупреждал партию от того, чтобы она не попала при этом на рельсы троцкизма.

Нужно итти вперед,—говорил Ленин весной 1917 года, когда он будто бы „перевооружал большевизм",—но, идя вперед, начиная переход от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата, к социалистическому перевороту, не попадите на рельсы Троцкого, ибо троцкизм насквозь нежизненен, порожден недооценкой крестьянства, непониманием как осуществляется диктатура пролетариата в крестьянской стране.

В этой же брошюре, где Ленин полемизирует со старыми большевиками, он пишет: „Но не грозит ли нам опасность впасть в суб'ективизм, в желание „перепрыгнуть" через незавершенную, не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал „без царя, а правительство рабочее", эта опасность мне бы грозила, но я сказал не это,—пишет и подчеркивает Ленин,—я сказал иное...

„Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелко-буржуазное движение от всякой игры в „захват власти“ рабочим правительством“... И, продолжая, якобы, „перевооружаться“, на петербургской конференции в те же дни Ленин не забывает предостеречь: „Троцкизм без царя, а правительство рабочее. Это неверно. Мелкая буржуазия (т.-е. крестьянство. *Л. К*) есть, ее выкинуть нельзя“.

Разве это не есть буквальное повторение в разгар революции (в разгар „перевооружения“ по Троцкому) того, от чего Ленин предупреждал партию задолго вперед? „Основная ошибка т. Троцкого...—отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой (буржуазной) революции к революции социалистической“, писал Ленин в 1910 г.

Выяснить соотношение классов в предстоящей революции—главная задача революционной партии. Эту задачу неправильно решает Троцкий, повторяющий свою „оригинальную“ теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—„отрицание“ роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала... Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением „национальной буржуазной революции“ в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства (писано в октябре 1916 года, в канун революции). И после этого у Троцкого хватает смелости сказать, что его теория „целиком оправдалась“ в 1917 г., и в то же время называть себя ленинцем... Нет, тут надо выбирать.

Вот чего опасался Ленин: не отстать от хода развития революционного движения; и он жестоко полемизировал с теми (со мной в том числе), которые не видели, что революция уже перешла из одной фазы в другую. Но, идя вперед, он больше всего опасался, как бы не попасть на рельсы абстрактной теории Троцкого, которого он здесь в десятый раз упрекает в перепрыгивании через неизжившее себя крестьянское движение.

Таким образом, Ленину не было никакой необходимости перевооружаться. Старая ленинская теория, старое ленинское большевистское представление о характере русской революции и о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства целиком,

по словам Ленина, оправдались. На почве этого оправдания надо было итти дальше. Но, идя дальше, надо было ни в коем случае не попасть на ложные рельсы Троцкого, который вел к гибели и диктатуру, и пролетариат, потому что не умел, как не умеет никогда Троцкий, строить диктатуру пролетариата, учитывая реальное соотношение сил между крестьянством и пролетариатом.

Ленин все в той же брошюре, все той же весной 1917 г., когда он, якобы, „перевооружался", напоминает, что еще за 12 лет, в июле 1905 года, выдвигая лозунг „революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", он писал следующее (Ленин цитирует свою статью): „У революционно демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее... Ее будущее —борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм".

Зачем же Ленину и большевизму было перевооружаться и учиться у Троцкого, у „перманентной революции", если за 12 лет до 17 года Ленин предсказал, что, когда революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства будет осуществлена, надо будет итти вперед, к диктатуре пролетариата, но итти вперед, считаясь с крестьянством, создавая такие условия, при которых крестьянство шло бы за пролетариатом, а не перепрыгивая через крестьянство, как это предлагает Троцкий. Заимствовать оружие из арсенала Троцкого большевизму не было нужды.

Вот как было дело, как в действительности большевизм подходил к решению тех задач, которые были поставлены в 1917 году. Это было не „перевооружение", не отсекание „антиреволюционных черт", не залатывание расползавшегося большевизма троцкизмом, а предсказанное большевиками, лежавшее в основе большевизма *разворачивание* большевистского лозунга, разворачивание, сообразованное во времени и темпе с ходом революции и, в первую очередь, с ходом и со своеобразием этого хода под влиянием войны—крестьянского движения.

При этом некоторые большевики не так быстро, как того требовал ход революции, бешенно ускоренный гигантским давлением войны, перешли со ступеньки на ступеньку. Тому, кто смотрит на историю большевизма, как на чужое ему дело, можно по поводу этого плясать и радоваться. Но из того факта, что некоторые большевики не так быстро шагали по начерганному большевизмом маршруту революции, никак не следует, что маршрут большевизма был неправилен, что он вел не к победе, а в трясину, что его надо было в ходе революции из-

менить. А ведь это именно пытается доказать Троцкий своими фразами об анти-революционных чертах большевизма, о его перевооружении, о том, что правильной оказалась не ленинская „рев.-дем. диктатура“, а троцкистская „перманентная революция“.

Ленин строил тактику, как я сказал, и на случай самостоятельного крестьянского движения, которое вырвется из-под ига меньшевиков и эсеров, которые тащили его к буржуазии, и на случай, если крестьянство окажется не в состоянии вырваться из-под власти буржуазии. И кто не понимает того, что вся тактика большевиков и специально Ленина, от февраля до октября, все время считалась с этими двумя возможностями, что Ленин все время маневрировал так, чтобы крестьянство увлечь за пролетариатом и обосновать власть рабочего класса на союзе с крестьянством, тот ничего не поймет в истории большевизма за эти месяцы.

И Троцкий тут ничегошеньки не понял, потому что не понял основного зерна ленинской теории о соотношении рабочего класса и крестьянства в русской революции. Он не понял этого и после Октября, не понимал при каждом повороте, который делала наша партия, маневрируя так, чтобы осуществлять диктатуру пролетариата, не отрываясь от крестьянства. Ему мешала понять это та теория, которая, по его мнению, „целиком оправдалась“. Если бы теория Троцкого оказалась правильной, то это обозначало бы, что никакой советской власти в России уже давно не существовало бы. Игнорируя крестьянство, не давая никакого подхода к решению вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, эта теория „перманентной революции“ ставит рабочее правительство в России в исключительную и полную зависимость от немедленной пролетарской революции на Западе. Согласно этой теории, „став у власти, пролетариат окажется перед глубочайшими противоречиями“; перед его властью будут стоять об‘ективные социалистические задачи „разрешение их столкнется с хозяйственной отсталостью страны; в рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет“ *). При таких условиях задержка или затяжка мировой пролетарской революции обозначала бы немедленное крушение правительства рабочей диктатуры в России. Вот почему для „перманентщиков“ неизбежны судорожные переходы от припадков отчаяния и глубокого пессимизма к попытке властною рукою—в порядке военного приказа—расправиться с экономической отсталостью страны.

Действительная большевистская политика, которую Ленин с февраля по октябрь проводил, не имеет ничего общего ни с

*) Ср. Л. Троцкий 1905, стр. 286.

этой политикой, ни с этой психологией. Тот, кто не понимает этого, лишает себя возможности понять смену лозунгов в истории большевистского движения от февраля до октября. „Власть советов“, когда в советах было большинство меньшевиков и эсеров, а мы в меньшинстве, снятие лозунга „власть советов“, как предлагает Ленин после июльских дней, предложение меньшевикам компромисса и мирного соревнования в советах в сентябре... Конечно, мы никогда не поймем этого, если не поймем, что политика ленинизма глубочайшим образом отличается от политики троцкизма.

А в момент Октября и непосредственно после Октября. Разве с точки зрения марксизма, с точки зрения анализа классовых сил революции принятие—по предложению Ленина—2-м с'ездом советов эсеровского декрета о земле, разве включение—по предложению Ленина—в состав советского правительства левых эсеров, разве наименование—по предложению Ленина—правительства, созданного Октябрьской революцией, „рабоче-крестьянским правительством“, разве все это не было,—выражаясь термином, характеризующим в биологии перерастание одной формы в другую,—„переживанием“ „диктатуры пролетариата и крестьянства“ в системе, сущность которой уже состояла в „диктатуре пролетариата“? Можно перескочить через эти факты Октябрьской революции, но это не будет научным анализом ленинской политики. А переход от военного коммунизма к нэпу, от комитетов крестьянской бедноты к речи Ленина о „среднем крестьянине“? Как это увязывается с вполне оправдавшейся“ теорией перманентной революции? Никак не увязывается. Понять политику рабочего класса, стоящего у власти в России, можно только с учением ленинизма в руках. В нем—об'яснение всех различных методов и подходов и переходов от одного метода борьбы к другому, начиная с февраля до октября и далее.

В 1916 году Ленин писал, что жизнь десять лет шла мимо прекрасной теории Троцкого, теперь мы можем прибавить к этим десяти годам еще ровно 8 лет. Дает ли то обстоятельство, что жизнь в течение 18 лет шла мимо теории Троцкого, право последнему претендовать на поправку ленинизма троцкизмом.

Так как жизнь шла мимо теории Троцкого, то Троцкий в своих книжках пытается подправить не только ленинизм, но и жизнь, чтобы всячески доказать, что она все-таки шла по Троцкому. Но жизнь шла по Троцкому только в моменты наибольших провалов революции, а в те момены, когда она вырывалась из этого подавленного состояния, когда разворачивалось подлинное классовое рабочее и массовое крестьянское движение, жизнь шла не по Троцкому, а по Ленину. Вот почему Троцкому по-

надобилось извращать факты; вот почему Троцкий обрек себя на то, чтобы во всей дальнейшей истории партии, на всяком более или менее крутом ее повороте, всякий раз, когда он хотел сказать „свое“ слово, неизбежно попадать впросак.

Ленинизм целостно и полностью, без поправок, есть теория пролетарской революции. А фраза „Я пришел к Ленину с боями“ есть просто фраза, лицемерная дань ленинизму, маскирующая подлинную мысль Троцкого. Скитавшийся полтора десятилетия по меньшевистским литературным предприятиям, политик, прибитый волнами народной революции к большевистским берегам, вошел в большевистскую партию с тайной мыслью, что правто был и остался он, вошел не с тем, чтобы учиться у партии, а с тем, чтобы партию учить, не с тем, чтобы вложиться всеми своими силами в общую, коллективную, массовую работу годами и десятилетиями складывавшейся рабочей организации, а с тем, чтобы парадировать перед ней в роли провиденциального спасителя. Его снедала мысль „отроцкистить большевизм“. Перед партией по отношению к Троцкому, как по отношению к каждому своему новому члену, стояла прямо противоположная задача—„обольшевичить Троцкого“. Удалась ли она?

3. Троцкий в партии. Наша ошибка. Октябрь по Троцкому.

Рассмотрев „надежный“ и „прочный путь“ тов. Троцкого к большевикам, перехожу к пребыванию тов. Троцкого в партии. В этой его деятельности мы должны отличать две струи. Первая,— когда тов. Троцкий точно и строго выполнял директивы партии, когда он на ряду с другими, опираясь на весь коллективный политический опыт партии, на всю партийную массовую организацию, выполнял те или иные задания и поручения партии. Тогда тов. Троцкий делал славные дела, тогда он, на ряду с другими, вписывал в свою личную историю и в историю партии славные страницы. Но именно потому, что тов. Троцкий вошел в нашу партию, как индивидуалист, который думал и думает, что в основных вопросах революции права не партия, а прав он, тов. Троцкий, что партия должна троцкизмом подправлять ленинизм,—рядом с этой первой струей идет у тов. Троцкого другая струя, та струя, которая доказывает, что тов. Троцкий не большевик.

Четыре попытки тов. Троцкого поправить партию.

Партия помнит четыре момента, когда тов. Троцкий хотел научить партию, дать ее политике свой, троцкистский уклон.

В первый раз это сказалось через несколько месяцев после того, как тов. Троцкий вступил в партию. Это было во время Брестского мира. Партия знает с достаточной степенью точности и ясности, чем на самом деле была подсказана тогда позиция тов. Троцкого. Это была недооценка роли крестьянства, прикрытая революционной фразой. Тов. Троцкий хотел поправить и направить партию, исходя из недооценки роли крестьянства. Это был путь поражения пролетариата и революции. Если вспомнить те аргументы, которые тов. Ленин выставил тогда против тов. Троцкого, то легко убедиться, что тов Ленину не пришлось искать новых аргументов сверх тех, которыми он опровергал общую позицию тов. Троцкого в течение десятка предшествующих лет. Тов. Ленин упрекал его в двух политических грехах: непонимании соотношения между пролетариатом и крестьянством, и увлечении, якобы левой, якобы революционной фразой. Эти два аргумента в устах тов. Ленина против тов. Троцкого не новы, но не новы они только потому, что недооценка крестьянства и увлечение революционной фразой в эпоху Бреста были не новыми грехами тов. Троцкого. Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917 года, другой после 1917 года. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии партии отказаться от своей собственной идеологии в основных принципиальных вопросах русской революции. Именно поэтому тов. Троцкий в партии систематически повторяет *тип* своих ошибок того времени, когда он был вне партии.

Тов. Ленин на VII с'езде партии утверждал, что политика тов. Троцкого фактически под прикрытием эффектной фразы ведет дело к поражению революции. Тов. Троцкий на самом же с'езде подал заявление о выходе из ЦК. Но тов. Ленин не дал тов. Троцкому „поправить“ партию. Наступила гражданская война, эпоха военного коммунизма Тов. Троцкий делал порученное ему дело. В направлении общей политики партии его участие было меньшим, чем когда-либо. Но вот революция подходит к новому повороту. В соотношении классов произошла передвижка. В форме дискуссии о профсоюзах партийная мысль предвосхищает вопрос, который через несколько недель был поставлен Кронштадтом, вопрос о переходе от военного коммунизма к эпохе новой экономической политики. Чего искал тогда тов. Ленин? Он искал новых форм союза пролетариата с крестьянством, новых форм руководства партией широких рабочих масс путем применения в более широком размере взамен методов принуждения методов убеждения. Именно на этом

пути искала—и нашла—партия под руководством т Ленина способы укрепить диктатуру пролетариата в новую эпоху. В чем видел тогда спасение тов. Троцкий? Он советовал потуже завинтить гайки военного коммунизма. Это была опять и опять недооценка крестьянства, увлечение внешними формами, методами „подтягивания“ и „администрирования сверху“. Лишенный возможности понять изменение соотношения между пролетариатом и крестьянством и значение этого изменения, т. Троцкий вновь рекомендовал партии такие пути и такие методы, усвоив которые, диктатура пролетариата неизбежно крахнула бы, запнувшись о деревню. Партия и тов. Ленин опять не дали тов. Троцкому себя „поправить“. Ну, а дельнейшие—еще при жизни Владимира Ильича—попытки тов. Троцкого поставить вопрос о „плане“—в его своеобразном понимании, свойственном тов. Троцкому, его „формулы“ о „диктатуре промышленности“, разве это не были опять-таки попытки увязать мелко-буржуазную стихию сверху надетыми железными обручами, разве в этом опять-таки не сказывалось непонимание конкретных условий, при которых только и возможно осуществление диктатуры в аграрной стране с подорванной промышленностью в момент, когда международная революция затянулась? Не было ли и здесь попытки *обойти* реальные трудности осуществления диктатуры пролетариата в данных условиях при помощи эффектных формул, которые на самом деле реальных трудностей во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства не облегчали, а обостряли? И здесь под эффектными формулами тов. Троцкого не трудно нащупать неизбежно связанные с его оригинальной теорией: с одной стороны—отчаяние, пессимизм, неверие и с другой стороны—преувеличенные надежды на методы переадминистрирования (ленинское словечко!), властного преодоления сверху реальных экономических трудностей.

Последняя дискуссия у всех еще в памяти. Она наглядно демонстрировала перед партией всю сумму ошибок тов. Троцкого, которые мы рассмотрели выше. Но она выявила с особой наглядностью—сверх уже ранее демонстрированных ошибок—еще одну черту троцкизма, тоже, впрочем, далеко не новую. Это—попытка подорвать и ослабить основной костяк диктатуры в виде партии. Сюда вело и дискредитирование „кадров“, и возрожденное меньшевистское представление о партии, как о сумме „групп и течений“, и ликвидаторский по сути дела подрыв авторитета руководящих учреждений („ведут страну к гибели“!). И разве под флагом тов. Троцкого не шло тогда представление о большей свободе внепартийных организаций от влияния партии? Разве все это в сумме не вело на деле к ослаблению дик-

татуры пролетариата, не основано было на недооценке тех условий, в которых мы—в крестьянской стране—должны осуществлять диктатуру, не демонстрировало мелко-буржуазный уклон?

У тов. Троцкого в тот момент, когда он входил в партию, осталось глубокое убеждение, что в основных вопросах революции и диктатуры пролетариата прав он, а не Ленин. Партия этого не думает. В этом разгадка внутрипартийной позиции т. Троцкого. Когда партия здорова, когда все идет хорошо, т. Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается, но как только партия натыкается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только т. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах остался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму. Именно поэтому и Ленину, и партии всякий раз приходилось давать решительный отпор попыткам т. Троцкого поправить партию. Партия знала и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому, значит подменить большевизм троцкизмом, что во всяком его предложении более или менее широкого характера, касающемся основных вопросов пролетарской диктатуры, сказывается та основная фальшь, что он вошел в партию с убеждением, что прав-то оказался он, что „целиком оправдалась“ его, а не ленинская, оценка основных сил революции, что он должен ленинскую партию „подправить“.

Наша ошибка.

У т. Троцкого есть еще один козырь в борьбе против большевизма. Этот козырь—ошибки некоторых большевиков (моя и Зиновьева в первую голову, затем Рыкова, Ногина) в октябре 1917 года. Конечно, ошибки большевиков всегда используются врагами нашей партии против большевизма. Тов. Троцкий не прибегал к этому козырю, который известен партии, известен самому т. Троцкому столько же лет, сколько мы живем после Октябрьской революции, но он не прибегал к нему, пока надеялся заставить партию пойти по своему, троцкистскому, пути путем обсуждения тех или других практических вопросов. Но когда четыре попытки—Брест, профсоюзы, дискуссия о плане и последняя дискуссия—показали ему, что большевистскую партию свернуть с ее пути путем открытого обсуждения очередных практических вопросов невозможно, когда на XIII с‘езде он увидел партию, которая ему сказала, что мы, ленинцы, не нуждаемся в том,

чтобы наша теория поправлялась в сторону троцкизма, он пустил в ход этот последний козырь. Не он первый, конечно. Эта ошибка была уже неоднократно использована нашими врагами: чем больше ошибка большевика,—а ошибка была громадной, хотя острые разногласия и продолжались только несколько дней,—и чем более ответственные большевики ее сделали,—а сделали ее очень ответственные большевики,—тем, конечно, соблазнительнее для каждого противника большевизма этими ошибками дискредитировать большевизм. Эту ошибку, как только она была сделана, использовали против большевизма наши тогдашние враги.

Но так же, как и сама ошибка, это использование было тогда просто похоронено в грохоте пролетарской революции. Ни сама ошибка, ни ее использование врагами не имели никаких реальных последствий: движение пролетарских масс буквально в несколько дней „поправило" колебавшихся большевиков, сняло разногласия и смело со сцены наших врагов. Ее затем злостно „использовали" против большевизма все, кто уходил от коммунизма: Леви, Фроссар, Балабанова. Не один из них, порывая с коммунизмом, не упустил этой возможности, надеясь ошибкой большевиков дискредитировать большевизм. Теперь после Леви и Фроссара—тов. Троцкий.

Колебания были недопустимы. Против них Ленин ополчился со всей силой и страстью вождя, заметившего, что в решительный момент его сотрудники своими колебаниями способны внести смущение в ряды. Он обличал колебания беспощадно и в горячую, решающую минуту не останавливался ни перед одним самым „свирепым" словом и предложением. И он был прав, прав до конца и безоговорочно. Тов. Ленин не был бы Лениным, если бы в такой момент остановился на полдороге, если бы позволил каким бы то ни было соображениям удержать себя от предложения самых крайних, до конца идущих мер. А мы не были бы „ленинцами" и учениками тов. Ленина, если бы хоть на минуту усомнились, что эти меры тогда действительно вытекали из обстановки момента.

Но когда наступил момент для спокойного обсуждения и именно для того, чтобы предупредить повторение подобных ошибок в других коммунистических партиях, Ленин дал точную характеристику этой ошибки. Именно тогда, когда Серрати попытался этой ошибкой Каменева и Зиновьева прикрыть свой уход от коммунизма, тов. Ленин писал: „Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности

неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены". Я прошу прислушаться к тому, как Ленин формулирует наши ошибки: „Они проявили колебания в указанный мною период, в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части „меньшевиков" и „социалистов-революционеров". Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель, самое большое через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты"*).

Вот точное, ясное, четкое, Лениным данное определение пределов наших колебаний и наших разногласий с ЦК.

Похоже ли это ленинское описание на злопыхательскую— и смешную по своему злопыхательству—попытку Троцкого создать из этого „правое", чуть ли не меньшевистское „крыло" в нашей, большевистской, партии. Троцкому обязательно надо, ради всей своей теории об „анти-революционных чертах" ленинизма, для дискредитирования идей ленинизма—создать *внутри большевизма* „правое крыло" с чуть ли не меньшевистским уклоном! Как бы это хорошо увязывалось с „перевооружением" большевизма! Как бы это хорошо доказывало необ-

---

*) Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 373. Я не могу здесь останавливаться на восстановлении действительной картины октябрьских и предоктябрьских дней и извращении моей роли, в них сделанных Троцким. Я вернусь к этому в подготовляемом к печати сборнике моих статей и речей за 1917 год. Пока ограничусь парой фактов: в апреле я открыто, согласно постановления ЦК, на страницах „Правды" дискуссирую с Лениным, дискуссия продолжается на заседаниях петроградской и всероссийской апрельских конференций. Ленин в апреле же—после дискуссии—ставит, поддерживает и проводит мою кандидатуру в ЦК. После июльских дней Ленин письменно поручает мне, в случае какого-либо несчастия с ним отредактировать и издать незаконченную его рукопись: „Государство и Революция (для чего вряд ли годится представитель „правого крыла"). 10-го октября ЦК решает вопрос о восстании. Несмотря на разногласия, и я, и Зиновьев выбираемся —вместе с Лениным, Сталиным и др.—в созданное на этом заседании политическое бюро для руководства восстанием. 11-го мы с Зиновьевым пишем свое письмо. 16-го октября на заседании ЦК мы совместно обсуждаем вновь вопросы восстания. 24-го октября на заседании ЦК я докладываю ЦК о некоторых технических сторонах подготовки восстания. 25-го и 26-го октября я, по поручению ЦК, конечно, председательствую на II С'езде Советов, об'явившем советскую власть. 27-го октября—опять-таки согласно постановления ЦК—избираюсь председателем ВЦИК. 2-го и 3-го ноября по поручению ЦК веду переговоры от имени ЦК с представителями других партий. 4-го ноября—в связи с разногласиями ЦК по поводу этих переговоров—я вместе с Зиновьевым, Рыковым Ногиным и др. выходим из ЦК. 7-го ноября передаю председательствование в ВЦИК Я. М. Свердлову, а 18 ноября получаю поручение от ЦК войти в состав брестской делегации для переговоров о мире с Германией. Таковы факты.

ходимость лечить ленинизм и ленинцев—троцкизмом! Как бы это облегчало распространение дорогих для Троцкого идей о „перерождении кадров“! Как же ради этих „достойных“ целей не использовать ошибок Каменева и Зиновьева? Правда, и тут Ленин и его сочинения несколько мешают. Но такова уж судьба т. Троцкого: для достижения своих целей он всякий раз должен „преодолевать“ *Ленина, ленинизм и ленинцев.*

Троцкий еще раз о себе и о Ленине.

Одни ли мы ошибались, на взгляд Троцкого, в момент Октябрьской революции? Нет, не одни мы. Был еще один большевик, который глубоко ошибался в момент Октября. Действительно ли задача этой книги т. Троцкого только в том, чтобы предостеречь от ошибок Каменева и Зиновьева? Увы, т. Троцкий целит дальше, или, чтобы придать наиболее выгодное для тов. Троцкого освещение: он попадает дальше. Как описывает Октябрь Троцкий?

В этой книжке очень много сенсаций. Но, пожалуй, самым сенсационным является в этой книжке фраза, которая касается именно Октябрьской революции. На стр. 50 своих „Уроков“ Троцкий пишет: „Восстание 25-го октября имело только дополнительный характер“. Тут много, вероятно, участников октябрьских событий, и я думаю, что все они с удивлением узнают через 8 лет после 25-го октября 1917 г., что восстание 25-го октября носило „только дополнительный характер“. К чему? Оно, оказывается, носит „дополнительный“ характер к событиям, которые разыгрались 9-го октября. Мы знаем основные даты революции. Но если я говорю: „события 9-го октября“, то многие себя спросят, какое же такое событие было 9-го октября, по отношению к которому октябрьское восстание было только дополнением. 9-го октября—об этом напечатано в книге Троцкого—по предложению тов. Троцкого в Петроградском Совете, под председательством тов. Троцкого, была принята резолюция, которая кончалась такой фразой: „Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не может брать перед армией никакой ответственности за такого рода стратегию Временного Правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда“.

Конечно, это важная резолюция; она связала гарнизон, не желавший итти на фронт, с Петроградским Советом. В том деле, которое Ленин, вслед за Марксом, называет „искусством восстания“, установление связи между Советом и петроградским

гарнизоном играло большую роль. Но послушайте, как этот момент, 9-го октября, описывает и оценивает Троцкий: „С этого момента (9 го октября) мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания... Исход восстания 25-го октября был уже на три четверти предопределен в тот момент... По существу дела мы имели здесь вооруженное восстание... Мы имели *здесь „тихое“, почти „легальное“* вооруженное восстание, которое было на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом... Мы имели с этого момента в столице победоносное восстание“. (Л Троцкий. „Уроки Октября,“ „1917 г.“, стр 59—60). Оказывается, 25 октября действительно является только небольшой дополнительной черточкой к тому, что произошло 9-го октября, когда „мы имели“ не только предрешенный на три четверти исход, но и фактическое состояние вооруженного восстания, при чем восстания „тихого“ и почти „легального“, но зато—победоносного. Но тогда возникает вопрос: если 9-го октября на 9/10 „победоносное“ восстание было уже совершившимся фактом, то как оценить умственные способности тех, кто сидел в ЦК большевиков и 10-го октября в горячих спорах решал, итти ли на восстание, или нет, и если итти, то когда? Что сказать о людях, которые собирались 16-го октября под именем ЦК с местными работниками, с работниками Военной Организации и еще и еще судили о шансах восстания, о силах восстания, о сроках восстания. Да ведь оказывается, оно было устроено еще 9-го октября „тихо“ и „легально“. И настолько тихо, что ни партия, ни ЦК этого не узнали. Но это еще туда-сюда: что такое партия, ПК, ЦК, когда Троцкий умудрился написать историю Октябрьской революции, в которой вообще ни ЦК, ни ПК нет, как живых действительных сил, как коллективных организаторов массового движения. А уж о том, что было в Москве, что не только в Петрограде, но и в Москве и в Иваново-Вознесенске был пролетариат, что он тут кое-что делал,—об этом никто ничего не узнает из „Уроков Октября“. Конечно, надо суметь так написать историю Октября, но Троцкий очень ловкий, блестящий публицист, он может и так написать. Оставим поэтому в стороне ЦК, ПК, Военную Организацию. Ну, а Ленин? О Ленине тов. Троцкий сообщает тут же, на этой же странице так: „Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем значении... Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренной перелом...“ и т. д. (Л. Троцкий, „1917 г.“ „Уроки Октября“, стр. 59—60). Видите, какие мы с вами невежды на счет Октябрьской революции. Мы до сих пор представляли себе, что именно

Ленин вел Октябрьскую революцию, а организовали ее ЦК, ПК, Военная Организация партии... Оказывается, ни ЦК, ни ПК не играли тут никакой роли. Их нет на сцене. Может быть, Троцкий, проводя резолюцию 9-го октября, действовал по директивам руководящего центра, который подготавливал восстание? Такой центр был, но из „Уроков" Троцкого об этом узнать ничего нельзя. Есть на сцене Троцкий, который „легально" и „тихо" решает победоносное восстание 9-го числа, в то время как состоящий, видимо, из не очень сообразительных людей ЦК обсуждает еще вопрос, нужно ли это восстание. Оказывается, вместе с тем, что Ленин сидел в подполье, обстановки не учел, соотношения сил не знал... Но мало того: не учтя и не зная обстановки, Ленин,—сообщает Троцкий,—давал советы: советы начать революцию в Москве.

Чтобы вполне выяснить роль Ленина, Троцкий сообщает следующее: „если бы восстание началось (по совету Ленина. *Л. К.*) в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом, а неудача в Москве тяжело отразилась бы и на Петрограде". (Л. Троцкий. „Уроки Октября", стр. 60).

Пока Ленин подает подобного рода „советы", Троцкий, имея уже у себя в кармане „тихое", но „победоносное восстание", производит „широкий обволакивающий маневр": „нам удалось,—пишет он с торжеством,—завлечь в ловушку советской легальности наших врагов..." „Наша „хитрость" удалась на сто процентов..." „Соглашатели оказались... целиком и полностью пойманы"... Троцким.

Правда, Ленин, имея в виду именно это увлечение тов. Троцкого „широким обволакивающим маневром" и рассчитывая гораздо больше на рабочих, матросов и солдат, чем на „хитрость" тов. Троцкого, писал тогда: „Медлить—преступление, ждать с'езда советов—ребяческая игра в формальность, предательство революции". Но Троцкий, заканчивая описание роли своей и Ленина в октябрьские дни, победоносно отражает эти слова Ленина: „Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией—это одно,—поучает Троцкий Ленина,—а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав с'езда советов—это совсем другое".

Вот расстановка фигур: Ленин сидит в подполье, не оценивает обстановки, не учитывает того, что 9/10 восстания уже сделано, дает совет начать восстание в Москве, явно обрекая революцию на неуспех, нервничает, ведет дело под явно нелепым простецким „голым лозунгом захвата власти партией" (в

чем, впрочем, исстари обвиняли Ленина буквально все меньшевики и Троцкий), а, с другой стороны, Троцкий уже 9 октября устраивает „победоносное восстание“, твердо, но выдержанно проводит „широкий обволакивающий маневр“, „завлекает врагов в ловушку“, „подготовляет и потом осуществляет“ победу под широким массам понятным лозунгом „защиты прав с‘езда советов“. Кто же сделал восстание, кто им руководил, кто определил его ход, благодаря кому спасена Октябрьская революция?—Троцкий очень хороший литератор, но, как ни искусно перо тов. Троцкого, смысла его рассказа об Октябре нельзя не видеть. ЦК сидел в трясине, ПК не существовал на свете, тов. Троцкий в качестве председателя Совета своей политикой связывает гарнизон с Советом, умно маневрирует и оставляет 25-му Октября сделать лишь несколько дополнительных шагов, чтобы вручить пролетариату умно и тонко подготовленную победу. А Ленин в это время сидит в подполье, не знает обстановки, дает советы устроить восстание в Москве, горячится и кипятится, что оттягивается уже совершонное, собственно, восстание, и сбивается в сторону голого „захвата власти партией“.

О чем же говорят эти „Уроки Октября“? О том, что *весною* Ленин должен был перевооружиться идейно, отбросить старую теорию и взять оружие из арсенала Троцкого, а в *октябре* неудачно пытался руководить восстанием, привести которое к победе суждено было тов. Троцкому.

Вот и надо выбирать, чему нужно учиться и учить: этой ли истории Октября, или же какой-то другой, истории ли Троцкого, или же той, которая имеется в сочинениях тов. Ленина.

Я уже сказал вначале, что не могу разбирать отдельных ошибок Троцкого. Достаточно сказанного. Я не стану говорить об извращении событий в связи с апрельской конференцией, об извращении событий в связи с демократическим совещанием, но еще два места я укажу для того, чтобы показать, что—опытный политик и литератор—тов. Троцкий действительно попадает своими стрелами дальше... видимой цели.

Вот вопрос об учредительном собрании. Тов. Троцкий цитирует письмо мое и Зиновьева от 11 октября. Мы пишем так: „Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы—вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем“.

Это мы писали 11-го октября. Троцкий комментирует так: „Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии пра-

вых, что теория „комбинированной“ государственности, сочетающей Учредительное Собрание с Советами, была 1½—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом“. (Л. Троцкий. „1917 г.“ „Уроки Октября“, стр. 37).

Ну, что может быть убедительнее? Мы писали о „комбинированном типе Учредительного Собрания и Советов,—а через полтора года Гильфердинг повторяет это,—и вот тов. Троцкий пользуется случаем сказать, что эти, мол, люди похожи на Гильфердинга и „также борются против захвата власти пролетариатом“. Но прием, употребленный здесь автором, прямо позорен.

Мое и Зиновьева письмо было написано 11 октября; я беру статью Ленина, написанную 6 октября, т.-е. за 5 дней до нашего письма. Вот, что пишет Ленин: „Возможны при переходе от старого к новому, временные „комбинированные типы“ (как справедливо указал „Рабочий Путь“ на-днях), например, и Республика Советов и Учредительное Собрание“. (Собр. соч. Ленина, т. XIV, стр. 167) *).

Что же выходит? Выходит, что в данном случае и Ленин был похож на этого Гильфердинга. Или нас надо развести с Гильфердингом или Ленина повенчать с Гильфердингом. Но Ленина повенчать на Гильфердинге—это не выйдет, а вот Каменева с Зиновьевым повенчать на Гильфердинге—авось найдутся дурачки, которые этому поверят. Но оставим Каменева и Зиновьева, а как быть с Лениным? Ведь остается, что социал-предателя Гильфердинга Троцкий, чтобы побольнее ударить того, кого он хотел, но не умел ударить,—поместил где-то около Ленина. Троцкому не важна историческая правда. Изменение тактики в моменты, когда ситуация менялась изо дня в день, его не интересует,—его интересует дискредитировать всеми средствами большевизм.

Последний пример, тоже в двух словах. Все в том же письме мы в октябре 1917 года говорили: „Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира. . Если мы, взявши власть сейчас, одни придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет“. (Л. Троцкий. „1917 г.“. „Уроки Октября“, стр. 38). Пускай историк разберется, сколько тут было неправильной оценки. Но что делает тов. Троцкий? „Мы видим здесь,—говорит он,—ос-

*) Статья, на которую сослался Ленин, написана тов. Зиновьевым.

новные доводы в пользу подписания Брест Литовского мира“. Итак, при Брест-Литовском мире, подписанном партией по настоянию и под железным давлением Ленина и против Троцкого, оказывается, „основные доводы“ были даны нами „правыми“, „гильфердинговцами“. Так излагается история Брест-Литовского мира. Но это попадает не только в нас, но и в Ленина. Можно ли после этого удивляться, что наши враги, у которых на гнилье очень тонкий нюх, по поводу некоторых книжек о Ленине пишут, что трудно сказать, написаны ли они „сотрудником или соперником Ленина“.

Ленинизм против троцкизма.

Теперь можно подвести итоги. Какой общий смысл этого выступления тов. Троцкого? Оно есть, конечно, продолжение всех его предыдущих выступлений. Партия дала решительный отпор его попыткам повернуть партию с линии большевизма на линию троцкизма, и Троцкий прибегнул к своему последнему отравленному оружию.

Мы—партия монопольная в стране. Мы в своих рядах собираем все, что есть в стране организованного, но мы не должны ни на минуту забывать, что мы окружены стихией нам классово чуждой, что эта стихия не будет падать, она будет расти, будет становиться политически осмысленнее. Формы легальной организации у нее нет. На почве развития промышленности, фабрик, заводов и торговли будет расти и мелкобуржуазная интеллигенция. Все эти мелкобуржуазные элементы, не находя себе открытого выражения в какой-либо общественной организации, неизбежно стремятся прорваться, проявить свои стремления через саму нашу партию. И, конечно, при этом нажиме мелкобуржуазной стихии на нашу партию она ищет в ней самого слабого звена, а самое слабое звено, конечно, там, где люди, вошедшие в партию, не ассимилировались с ней, затаили как тайну, не дающую им покоя, мысль, что они более правы, чем партия, что партия только по своему узколобию, по своему консерватизму, по традициям, потому что во главе ее стоит тот или другой кружок,—не хочет учиться у настоящих спасителей партии, в роде Троцкого.

Я говорю это с горечью, и вся партия скажет это с горечью, но это надо сказать: тов. Троцкий стал тем каналом, по которому мелкобуржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии. Весь характер его выступлений, все его историческое прошлое показывают, что это так. В своей борьбе с партией он

стал уже в стране символом для всего, что направлено против нашей партии. Это нужно понять прежде всего тов. Троцкому. Если он поймет это и сделает из этого необходимые выводы, все поправимо. Хочет он этого или не хочет (наверное, *этого* он *не* хочет), но он для всех, кто видит в коммунизме своего главного врага, является символом высвобождения из-под ферулы коммунистической партии. Это печальный, но совершенно неизбежный вывод для того, кто привык рассматривать политические явления не с точки зрения сплетен, а с точки зрения действительного анализа классовых соотношений. Перед нами товарищ с историей 20-летней, не очень давно явившийся в партию, который вошел в партию, не отказавшись от своих заблуждений, который пытался внутри партии на каждом повороте провести свою точку зрения, который создал в партии такое отношение к себе, которое заставляло партию неоднократно призывать его к порядку, и неизбежно, что для мелкобуржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции к партии, систематически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящих центров, авторитет Ленина,—становится мало-по-малу символом и надеждой.

Вот та идейная опасность, перед которой ставит нас тов. Троцкий, и мимо которой мы пройти не можем. Я знаю, что в Москве, в городе специальном в смысле особой падкости до всяких слухов, уже передаются „вполне достоверные“ сведения, во-первых, о том, что книжка тов. Троцкого запрещена, что тов. Троцкий уже исключен из партии, что Троцкого собираются исключить из партии, и что Троцкого даже уже нет в Москве. Это, конечно, все сплетни. Никому в голову не приходило запрещать книжку тов. Троцкого, ни один из членов ЦК не поднимал и не подымает вопроса о каких-либо партийных репрессиях против тов. Троцкого. Репрессии, исключение и т. п. не помогли бы раз'яснению, а, наоборот, затруднили бы раз'яснение и в то же время дали бы возможность смутьянам, которые хотели бы внести раскол в партию, помешать выяснению истинных основ большевизма в отличие от троцкизма; а это именно сейчас основное. Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно рассчитывает, именно—нашу молодежь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода раз'яснений о неправильности позиции тов. Троцкого, о том, что надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя сочетать того и другого,

—это должно быть очередной задачей нашей партии. Должно быть ясно для каждого сознательного члена партии, что есть троцкизм и есть ленинизм, что для нас, большевиков, и для международного пролетариата, идущего к своей победе, достаточно ленинизма, и нам не нужно ленинизм ни подменять, ни подправлять троцкизмом. (Бурные аплодисменты).

И. СТАЛИН.

ТРОЦКИЗМ или ЛЕНИНИЗМ? *)

Товарищи! После обстоятельного доклада тов. Каменева мне остается сказать немного. Я ограничусь поэтому разоблачением некоторых легенд, распространяемых тов. Троцким и его единомышленниками об октябрьском восстании, о роли т. Троцкого в восстании, о партии и подготовке Октября и т. д Тут же я коснусь троцкизма, как своеобразной идеологии, не совместимой с ленинизмом, и задач партии в связи с последними литературными выступлениями т. Троцкого.

Факты об октябрьском восстании.

Прежде всего об октябрьском восстании. Среди членов партии усиленно распространяют слухи о том, что ЦК в целом был будто бы против восстания в октябре 1917 г. Рассказывают обычно, что 10 октября, когда ЦК принял решение об организации восстания, ЦК в своем большинстве высказался сначала против восстания, но в это время ворвался будто бы на заседание ЦК один рабочий и сказал: „Вы решаете вопрос против восстания, а я вам говорю, что восстание все-таки будет, несмотря ни на что". И вот, после этих угроз, ЦК, будто бы струсив, вновь поставил вопрос о восстании и принял решение об организации восстания. Это не простой слух, товарищи. Об этом пишет известный Джон Рид в своей книге „Десять дней", который стоял далеко от нашей партии и, конечно, не мог знать истории нашего конспиративного собрания от 10 октября, попадая, в виду этого, на удочку сплетен, идущих от господ Сухановых. Этот рассказ передается и повторяется потом в ряде брошюр, принадлежащих перу троцкистов, между прочим, в одной из последних брошюр об Октябре, писанной тов. Сыркиным. Эти слухи усиленно поддерживаются последними литературными выступлениями т. Троцкого. Едва ли нужно доказывать, что все эти и подобные им арабские сказки не соответствуют действительности, что ничего подобного на самом деле не было на заседании ЦК, да и не могло быть. Мы могли бы в виду этого пройти мимо этих нелепых слухов: мало ли вообще слухов фабрикуется в кабинетах оппозиционеров или

*) Речь на пленуме фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г.

стоящих вдали от партии людей. Мы, действительно, так и поступали до сего времени, не обращая внимания, например, на ошибки Джона Рида и не заботясь об исправлении этих ошибок. Но после последних выступлений т. Троцкого пройти мимо таких легенд уже нельзя, ибо на таких легендах стараются теперь воспитывать молодежь и, к несчастью, кой-каких результатов уже добились в этом отношении. Я должен в виду этого противопоставить этим нелепым слухам действительные факты.

Я беру протоколы заседания ЦК нашей партии от 10 (23) октября 17 г. Присутствуют: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов. Обсуждается вопрос о текущем моменте и восстании. После прений голосуется резолюция т. Ленина о восстании. Резолюция принимается большинством 10 против 2. Кажется, ясно: ЦК большинством 10 против 2 постановил перейти к непосредственной практической работе по организации восстания. ЦК выбирает на этом же заседании *политический* центр по руководству восстанием под названием политического бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольникова и Бубнова.

Таковы факты.

Эти протоколы сразу разрушают несколько легенд. Они разрушают легенду о том, что ЦК в своем большинстве стоял будто бы против восстания. Они разрушают также легенду о том, что ЦК в вопросе о восстании стоял будто бы перед расколом. Из протоколов ясно, что противники немедленного восстания—т.т. Каменев и Зиновьев—вошли в орган политического руководства восстанием наравне со сторонниками восстания. Ни о каком расколе не было и не могло быть речи.

Тов. Троцкий уверяет, что в лице т.т. Каменева и Зиновьева мы имели в октябре правое крыло нашей партии, почти что социал-демократов. Непонятно только: как могло случиться, что партия обошлась в таком случае без раскола; как могло случиться, что разногласия с т.т. Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней; как могло случиться, что эти товарищи, несмотря на разногласия, ставились партией на важнейшие посты, выбирались в политический центр восстания и пр? В партии достаточно известна беспощадность Ленина в отношении социал-демократов; партия знает, что Ленин ни на одну минуту не согласился бы иметь в партии, да еще на важнейших постах, социал-демократически настроенных товарищей. Чем об'яснить, что партия обошлась без раскола? Об'ясняется это тем, что, несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей старых большевиков, стоящих на общей почве боль-

шевизма. В чем состояла эта общая почва? В единстве взглядов на основные вопросы: о характере русской революции, о движущих силах революции, о роли крестьянства, об основах партийного руководства и т. д. Без такой общей почвы раскол был бы неминуем. Раскола не было, а разногласия длились всего несколько дней потому и только потому, что мы имели в лице т.т. Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков.

Перейдем теперь к легенде об особой роли т. Троцкого в октябрьском восстании. Троцкисты усиленно распространяют слухи о том, что вдохновителем и единственным руководителем октябрьского восстания являлся тов. Троцкий. Эти слухи особенно усиленно распространяются, так называемым, редактором сочинений т. Троцкого, т. Ленцнером. Сам тов. Троцкий, систематически обходя партию, ЦК партии и ленинградский комитет партии, замалчивая руководящую роль этих организаций в деле восстания и усиленно выдвигая себя, как центральную фигуру октябрьского восстания, вольно или невольно, способствует распространению слухов об особой роли тов. Троцкого в восстании. Я далек от того, чтобы отрицать несомненно важную роль тов. Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в октябрьском восстании т. Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом т. Троцкого. Обывателям, в роде Суханова, все это может показаться странным, но факты, действительные факты, целиком и полностью подтверждают это мое утверждение.

Возьмем протоколы следующего заседания ЦК от 16 октября 1917 г. Присутствуют члены ЦК, плюс представители ленинградского комитета, плюс представители военной организации, фабзавкомов, профсоюзов, железнодорожников. В числе присутствующих, кроме членов ЦК, имеются: Крыленко, Шотман, Калинин, Володарский, Шляпников, Лацис и др. Всего 25 человек. Обсуждается вопрос о восстании с чисто практически-организационной стороны. Принимается резолюция Ленина о восстании большинством 20 против 2, при 3 воздержавшихся. Избирается *практический* центр по организационному руководству восстанием. Кто же попадает в этот центр? В этот центр выбираются пятеро: Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий. Задачи практического центра: руководить всеми практическими органами восстания согласно директив ЦК. Таким образом, на этом заседании ЦК произошло, как видите, нечто „ужасное", т.-е. в состав практического центра, призванного руководить восстанием, „странным образом" не попал „вдохно-

витель“, „главная фигура“, „единственный руководитель“ восстания, тов. Троцкий. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли тов. Троцкого? Не правда ли, несколько „странно“ все это, как сказал бы Суханов, или как сказали бы троцкисты. Между тем, тут нет, собственно говоря, ничего странного, ибо никакой *особой* роли ни в партии, ни в октябрьском восстании не играл и не мог играть тов. Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября. Он, как и все ответственные работники, являлся лишь исполнителем воли ЦК и его органов. Кто знаком с механикой партийного руководства большевиков, тот поймет без особого труда, что иначе и не могло быть: стоило тов. Троцкому нарушить волю ЦК, чтобы лишиться влияния на ход дел. Разговоры об особой роли тов. Троцкого есть легенда, распространяемая услужливыми „партийными“ кумушками.

Это не значит, конечно, что октябрьское восстание не имело своего вдохновителя. Нет, у него был свой вдохновитель и руководитель. Но это был Ленин, а не кто-либо другой, тот самый Ленин, чьи резолюции принимались Центральным Комитетом при решении вопроса о восстании, тот самый Ленин, которому подполье не помешало быть действительным вдохновителем восстания, вопреки утверждению тов. Троцкого. Глупо и смешно пытаться теперь болтовней о подполье замазать тот несомненный факт, что вдохновителем восстания был вождь партии В. И. Ленин.

Таковы факты.

Допустим, говорят нам, но нельзя отрицать того, что тов. Троцкий хорошо дрался в период Октября. Да, это верно, тов. Троцкий действительно хорошо дрался в Октябре. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий, недурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок-о-бок с большевиками. Вообще я должен сказать, что в период победоносного восстания, когда враг изолирован, а восстание нарастает, не трудно драться хорошо. В такие моменты даже отсталые становятся героями. Но борьба пролетариата не представляет сплошного наступления, сплошной цепи успехов. Борьба пролетариата имеет также свои испытания, свои поражения. Настоящим революционером является не тот, кто проявляет мужество в период победоносного восстания, но тот, кто, умея драться хорошо при победоносном наступлении революции, умеет вместе с тем проявить мужество в период отступления революции, в период поражения пролетариата, кто не теряет голову и не дрейфит при неудачах революции, при успехах врага, кто не ударяется в панику и не впадает в отчаяние в период от-

ступления революции. Недурно дрались левые эсеры в период Октября, поддерживая большевиков. Но кому не известно, что эти „храбрые" бойцы ударились в панику в период Бреста, когда наступление германского империализма бросило их в отчаяние и в истерику. Крайне печально, но факт несомненный, что у т. Троцкого, хорошо дравшегося в период Октября, не хватило мужества в период Бреста, в период временных неудач революции, для того, чтобы проявить достаточную стойкость в эту трудную минуту и не пойти по стопам левых эсеров. Бесспорно, что момент был трудный, нужно было проявить особое мужество и железное спокойствие для того, чтобы не растеряться, во-время отступить, во-время принять мир, вывести пролетарскую армию из-под удара германского империализма, сохранить крестьянские резервы и, получив таким образом передышку, ударить потом на врага с новыми силами. Но такого мужества и такой революционной стойкости, к сожалению, не оказалось у тов. Троцкого в эту трудную минуту. По мнению т. Троцкого, основной урок пролетарской революции состоит в том, чтобы „не сдрейфить" во время Октября. Это неверно, ибо это утверждение т. Троцкого содержит лишь *частицу* правды об уроках революции. *Вся* правда об уроках пролетарской революции состоит в том, чтобы „не сдрейфить" не только в дни наступления революции, но и в дни ее отступления, когда враг берет верх, а революция терпит неудачи. Революция не исчерпывается Октябрем. Октябрь есть лишь начало пролетарской революции. Плохо, если дрейфят при подымающемся восстании. Еще хуже, если дрейфят при тяжелых испытаниях революции, после взятия власти. Удержание власти на другой день революции не менее важно, чем взятие власти. Если тов. Троцкий сдрейфил в период Бреста, в период тяжелых испытаний нашей революции, когда дело чуть было не дошло до сдачи власти, то он должен понять, что октябрьские ошибки Каменева и Зиновьева тут совершенно не при чем.

Так обстоит дело с легендами об октябрьском восстании.

Партия и подготовка Октября.

Перейдем теперь к вопросу о подготовке Октября.

Послушав тов. Троцкого, можно подумать, что партия большевиков весь подготовительный период от марта до октября только и делала, что топталась на месте, раз'едалась внутренними противоречиями и всячески мешала Ленину, и если бы не тов. Троцкий, то неизвестно, чем кончилось бы дело Октябрьской революции. Несколько забавно слышать эти странные речи

о партии от т. Троцкого, об'явившего в том же „предисловии“ к III тому, что „основным инструментом пролетарского переворота служит партия“, что „без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может“, при чем сам Аллах не поймет, как могла победить наша революция, если „основной ее инструмент“ оказался негодным, а „в обход партии“ нет, оказывается, никакой возможности победить. Но странностями угощает нас тов. Троцкий не впервые. Надо думать, что забавные речи о нашей партии относятся к числу обычных странностей т. Троцкого.

Рассмотрим вкратце историю подготовки Октября по периодам:

1) *Период новой ориентировки партии (март—апрель).* Основные факты этого периода: а) свержение царизма, б) образование Временного Правительства (диктатура буржуазии), в) появление советов рабочих и солдатских депутатов (диктатура пролетариата и крестьянства), г) двоевластие, д) апрельская демонстрация, е) первый кризис власти.

Характерной чертой этого периода является тот факт, что существуют рядом, вместе, в одно и то же время и диктатура буржуазии, и диктатура пролетариата и крестьянства, при чем последняя доверчиво относится к первой, верит в ее мирные стремления, добровольно отдает власть буржуазии и превращает себя, таким образом, в ее придаток. Серьезных конфликтов между двумя диктатурами нет еще. Но есть зато „контактная комиссия“.

Это был величайший перелом в истории России и небывалый поворот в истории нашей партии. Старая, до-революционная платформа прямого свержения правительства была ясна и определенна, но она уже не подходила к новым условиям борьбы. Теперь уже нельзя было итти прямо на свержение правительства, ибо оно было связано с советами, находящимися под влиянием оборонцев, и партии пришлось бы вести непосильную войну и против правительства, и против советов. Но нельзя было также вести политику поддержки Временного Правительства, ибо оно являлось правительством империализма. Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы. Партия (ее большинство) шла к этой новой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления советов на Временное Правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного Правительства и тем оторвать их от послед-

него. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина*). Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых апрельских тезисах. Я не распространяюсь об этих тезисах, так как они известны всем и каждому. Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были. Как долго длились эти разногласия? Не более двух недель. Общегородская конференция ленинградской организации (вторая половина апреля), принявшая тезисы Ленина, была поворотным пунктом в развитии нашей партии. Всероссийская апрельская конференция (конец апреля) лишь довершила в общероссийском масштабе дело ленинградской конференции, сплотив вокруг единой партийной позиции девять десятых партии.

Теперь, спустя семь лет, тов. Троцкий злорадствует по поводу былых разногласий у большевиков, изображая эти разногласия, как борьбу чуть ли не двух партий внутри большевизма. Но, во-первых, тов. Троцкий тут безбожно преувеличивает и раздувает дело, ибо партия большевиков пережила эти разногласия без малейшего потрясения. Во-вторых, наша партия была бы кастой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли, при чем известно, что разногласия бывали у нас и в прошлом, например, в период третьей Думы, что, однако, не мешало единству нашей партии. В третьих, не лишне будет спросить, какова была *тогда* позиция самого т. Троцкого, охотно злорадствующего *теперь* по поводу былых разногласий у большевиков? Так называемый редактор сочинений тов. Троцкого тов. Ленцнер уверяет, что американские письма тов. Троцкого (март) „целиком предвосхитили" ленинские „Письма из далека" (март), легшие в основу апрельских тезисов Ленина. Так и сказано: „целиком предвосхитили". Тов. Троцкий не возражает против такой аналогии, принимая ее, видимо, с благодарностью. Но, во-первых, письма тов. Троцкого „совсем не похожи" на письма Ленина ни по духу, ни по выводам, ибо они отражают целиком и полностью анти-большевистский лозунг тов. Троцкого: „без царя, а правительство рабочее", лозунг, означающий революцию *без* крестьянства. Стоит только просмотреть эти две группы писем, чтобы убедиться в этом. Во-вторых, чем об'яснить в таком случае, что Ленин счел

*) Известно, что тов. Зиновьев, которого тов. Троцкий готов превратить в „гильфердинговца", целиком и полностью разделял точку зрения Ленина.

нужным отмежеваться от тов. Троцкого на другой же день после своего приезда из-за границы? Кому неизвестны неоднократные заявления Ленина о том, что лозунг Троцкого: *„без царя, а правительство рабочее“*, является попыткой „перепрыгнуть через неизжившее себя крестьянское движение“, что этот лозунг означает „игру в захват власти рабочим правительством“*)? Что может быть общего между большевистскими тезисами Ленина и анти большевистской схемой т. Троцкого с ее „игрой в захват власти“? И откуда только берется у людей эта страсть сравнивать хибарочку с Монбланом? Для чего понадобилось т. Ленцнеру это рискованное присоединение к куче старых легенд о нашей революции еще одной легенды о „предвосхищении“ в американских письмах т. Троцкого известных „Писем из далека“ Ленина **)? Недаром говорится, что услужливый медведь опаснее врага.

2) *Период революционной мобилизации масс (май—август).* Основные факты этого периода: а) апрельская демонстрация в Ленинграде и образование коалиционного правительства с уча-

---

*) См. сочинения Ленина, т. XIV, стр. 31—32. См. также доклады на ленинградской общегородск й конференции и на общероссийской конференции РКП (середина и конец апреля 1917-го года).

**) К числу таких легенд нужно отнести очень распространенную версию о том, что тов. Троцкий является будто бы „единственным“ или „главным организатором“ побед на фронтах гражданской войны. Я должен заявить, товарищи, в интересах истины, что эта версия совершенно не соответствует действительности. Я далек от того, чтобы отрицать важную роль тов. Троцкого в гражданской войне. Но должен заявить со всею решительностью, что высокая честь организатора наших побед принадлежит не отдельным лицам, а великому коллективу передовых рабочих нашей страны—Российской Коммунистической Партии. Может быть не лишне будет привести несколько примеров. Вы знаете, что основными врагами Советской республики считались Колчак и Деникин. Вы знаете, что наша страна вздохнула свободно лишь после победы над этими врагами. И вот, история говорит, что обоих этих врагов, т.-е. и Колчака и Деникина, добили наши войска *вопреки* планьм тов. Троцкого. Судите сами.

1) **О Колчаке**. Дело происходит летом 1919 г. Наши войска наступают на Колчака и орудуют под Уфой. За едание ЦК. Тов. Троцкий предлагает задержать наступление по линии реки Белая (под Уфой) оставив Урал в руках Колчака, снять часть войск с востфронта и перебросить их на южный фронт Происходят жаркие прения. Ц. К. не соглашается с тов. Троцким, находя, что нельзя оставлять в руках Колчака Урал с его заводами, с его железнодорожной сетью, где он легко может оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги—нужно сначала прогнать Колчака за Уральский хребет, в сибирские степи, и только после этого заняться переброской сил на юг. ЦК отклоняет план тов Троцкого. Последний подает в отставку. ЦК не принимает отставки Главком Вацетис сторонник плана тов. Троцкого, уходит в отставку. Его место занимает новый главком, тов. Каменев. С этого момента тов. Троцкий отходит от прямого участия в делах востфронта.

2) **О Деникине**. Дело происходит осенью 1919 г. Наступление на Деникина не удается. „Стальное кольцо“ вокруг Мамонтова (рейд Мамонтова) явно проваливается Деникин берет Курск. Деникин подходит к Орлу. Тов. Троцкий вызывается с южного фронта на заседание ЦК. ЦК признает положение тревожным и постановляет направить на южфронт новых военных работников, отозвав тов. Троцкого. Новые военработники требуют „невмешательства“ тов. Троцкого в дела южфронта. Тов. Троцкий отходит от прямого участия в делах южфронта. Операции на южфронте, вплоть до взятия нами Ростова-на-Дону и Одессы, проходят без тов. Троцкого.

Пусть попытаются опровергнуть эти факты.

стием „социалистов“, б) первомайская демонстрация в основных центрах России с лозунгом „демократического мира“, в) июньская демонстрация в Ленинграде с основным лозунгом „долой министров-капиталистов“, г) июньское наступление на фронте и неудачи русской армии, д) июльская вооруженная демонстрация в Ленинграде, уход министров-кадетов из правительства, е) привод с фронта контр-революционных войск, разгром редакции „Правды“, борьба контр-революции с советами и образование нового коалиционного правительства во главе с Керенским, ж) VI с‘езд партии, давший лозунг подготовки вооруженного восстания, з) контр-революционное Государственное Совещание и общая забастовка в Москве, и) неудачное наступление Корнилова на Ленинград, оживление советов, отставка кадетов и образование „Директории“.

Характерной чертой этого периода нужно считать обострение кризиса и нарушение того неустойчивого равновесия между советами и Временным Правительством, которое,—плохо-ли, хорошо-ли,—существовало в предыдущий период. Двоевластие стало нестерпимым для обеих сторон. Хрупкое здание „контактной комиссии“ доживает последние дни. „Кризис власти“ и „министерская чехарда“ являлись тогда самыми модными словечками момента. Кризис на фронте и разруха в тылу делают свое дело, усиливая крайние фланги и сжимая с двух сторон соглашателей-оборонцев. Революция мобилизуется, вызывая мобилизацию контр-революции. Контр-революция, в свою очередь, подстегивает революцию, вызывая новые волны революционного прилива. Вопрос о переходе власти к новому классу становится очередным вопросом дня.

Были ли тогда разногласия в нашей партии? Да, были. Но они имели исключительно деловой характер, вопреки уверениям тов. Троцкого, пытающегося открыть „правое“ и „левое“ крыло партии. Т.-е. это были такие разногласия, без которых не бывает вообще живой партийной жизни и действительной партийной работы.

Неправ тов. Троцкий, уверяя, что апрельская демонстрация в Ленинграде вызвала разногласия внутри ЦК. ЦК был абсолютно един в этом вопросе, осуждая попытку группы товарищей арестовать Временное Правительство в момент, когда в советах и в армии большевики составляли меньшинство. Если бы тов. Троцкий писал „историю“ Октября не по Суханову, а по действительным документам, он без труда убедился бы в ошибочности своего утверждения.

Абсолютно неправ т. Троцкий, утверждая, что попытка, „по инициативе Ленина“, устроить демонстрацию 9 июня встре-

тила обвинение в „авантюризме" со стороны „правых" членов ЦК. Если бы т. Троцкий писал не по Суханову, он знал бы наверняка, что демонстрация 9 июня была отложена в полном согласии с Лениным, при чем отложение защищал Ленин в большой речи на известном заседании Ленинградского Комитета (см. протоколы Ленинградского Комитета).

Совершенно неправ т. Троцкий, говоря о „трагических" разногласиях внутри ЦК в связи с июльской вооруженной демонстрацией. Тов. Троцкий просто сочиняет, полагая, что некоторые члены руководящей группы ЦК „должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру". Тов. Троцкий, не входивший еще тогда в состав нашего ЦК и являвшийся лишь нашим советским парламентарием, мог, конечно, и не знать, что ЦК рассматривал июльскую демонстрацию лишь как средство прощупывания противника, что ЦК (и Ленин) не хотели и не думали превратить демонстрацию в восстание в момент, когда столичные советы стояли еще за оборонцев. Вполне возможно, что кое-кто из большевиков, действительно, хныкали в связи с июльским поражением. Мне известно, например, что кое-кто из арестованных тогда большевиков готовы были даже покинуть наши ряды. Но умозаключать отсюда против некоторых, будто бы „правых", будто бы членов ЦК,—значит безбожно искажать историю.

Неправ т. Троцкий, заявляя, что в корниловские дни обнаружилась в части верхов партии тенденция к блоку с оборонцами, к поддержке Временного Правительства. Речь идет, конечно, о тех самых будто бы „правых", которые не дают спать т. Троцкому. Тов. Троцкий неправ, так как есть на свете такие документы, как тогдашний Ц. О. партии, опрокидывающий заявления т. Троцкого. Тов. Троцкий ссылается на письмо Ленина в ЦК с предостережением против поддержки Керенского. Но т. Троцкий не понимает писем Ленина, их значения, их назначения. Ленин в своих письмах иногда нарочно забегает вперед, выдвигая на первый план те *возможные* ошибки, которые могут быть допущены, и критикуя их авансом с целью предупредить партию и застраховать ее от ошибок, или же иногда раздувает „мелочь" и делает „из мухи слона" с той же педагогической целью. Вождь партии, особенно, если он находится в подпольи, иначе и не может поступать, ибо он должен видеть дальше своих соратников и обязан бить тревогу по поводу каждой возможой ошибки, даже по поводу „мелочей". Но делать из таких писем Ленина (а таких писем у него не мало) вывод о „трагических" разногласиях и трубить по этому поводу,—значит не понимать писем Ленина, не знать Ленина.

Этим, должно быть, и об'ясняется, что т. Троцкий попадает иногда пальцем в небо. Короче: никаких, ровно никаких, разногласий не было в ЦК в дни корниловского выступления.

После июльского поражения между ЦК и Лениным действительно возникло разногласие по вопросу о судьбе советов. Известно, что Ленин, желая сосредоточить внимание партии на подготовке восстания вне советов, предостерегал от увлечения советами, считая, что советы, опоганенные оборонцами, превратились уже в пустое место. ЦК и VI с'езд партии взяли более осторожную линию, решив, что нет оснований считать исключенным оживление советов. Корниловское выступление показало, что решение было правильно. Впрочем, это разногласие не имело актуального значения для партии. Впоследствии Ленин признал, что линия VI с'езда была правильна. Интересно, что т. Троцкий не уцепился за это разногласие и не раздул его до „чудовищных" размеров.

Единая и сплоченная партия, стоящая в центре революционной мобилизации масс,—такова картина положения нашей партии в этот период.

3) *Период организации штурма* (*сентябрь—октябрь*). Основные факты этого периода: а) созыв Демократического Совещания и провал идеи блока с кадетами, б) переход Московского и Ленинградского Советов на сторону большевиков, в) с'езд советов Северной области и решение Ленинградского Совета против вывода войск, г) решение ЦК партии о восстании и образование Военно-Революционного Комитета Ленинградского Совета, д) решение ленинградского гарнизона о вооруженной поддержке Ленинградского Совета и организация системы Комиссаров Военно Революционного Комитета, е) выступление большевистских вооруженных сил и арест членов Временного Правительства, ж) взятие власти Военно-Революционным Комитетом Ленинградского Совета и создание Совета Народных Комиссаров 2-м С'ездом Советов.

Характерной чертой этого периода нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков. Следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она, эта особенность, в том, что каждый, или почти каждый шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск был серьезным шагом наступления революции, тем не менее, это наступление было проделано под лозунгом обороны Ленинграда от возможного наступления внешнего врага.

Несомненно, что образование Военно-Революционного Комитета было еще более серьезным шагом наступления на Временное Правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа. Несомненно, что открытый переход гарнизона на сторону Военно-Революционного Комитета и организация сети советских комиссаров знаменовали собой начало восстания, тем не менее эти шаги были проделаны революцией под лозунгом защиты Ленинградского Совета от возможных выступлений контр-революции. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы. Этим, должно быть, и об'ясняется внешне-оборонительный характер речей, статей и лозунгов этого периода, имеющих тем не менее глубоко наступательный характер по своему внутреннему содержанию.

Были ли разногласия в этот период внутри ЦК? Да, были, и немаловажные. О разногласиях по вопросу о восстании я уже говорил. Они полностью отразились в протоколах ЦК от 10 и 16 октября. Я не стану поэтому повторять уже сказанное раньше. Необходимо теперь остановиться на трех вопросах: об участии в Предпарламенте, о роли советов в восстании и о сроке восстания. Это тем более необходимо, что т. Троцкий, в своем рвении выдвинуть себя на видное место, „нечаянно" извратил позицию Ленина по двум последним вопросам.

Несомненно, что разногласия по вопросу о Предпарламенте имели серьезный характер. В чем состояла, так сказать, цель Предпарламента? В том, чтобы помочь буржуазии отодвинуть советы на задний план и заложить основы буржуазного парламентаризма. Мог ли Предпарламент выполнить такую задачу при сложившейся революционной обстановке,—это другой вопрос. События показали, что эта цель была неосуществима, а сам Предпарламент представлял выкидыш корниловщины. Но несомненно, что именно такую цель преследовали меньшевики и эсеры, создавая Предпарламент. Что могло означать при этих условиях участие большевиков в Предпарламенте? Не что иное, как введение в заблуждение пролетарских масс насчет подлинного лица Предпарламента. Этим, главным образом, и об'ясняется та страстность, с которой бичует Ленин в своих письмах сторонников участия в Предпарламенте. Участие в Предпарламенте было, несомненно, серьезной ошибкой. Но было бы ошибочно думать, как это делает т. Троцкий, что сторонники участия пошли в Предпарламент с целью органической работы, с целью „введения рабочего движения" „в русло со-

циал-демократии". Это совершенно неверно. Это неправда. Если бы это было верно, партии не удалось бы „в два счета" ликвидировать эту ошибку путем демонстративного ухода из Предпарламента. Жизненность и революционная мощь нашей партии в том, между прочим, и выразилась, что она мигом исправила эту ошибку. А затем, позвольте мне исправить маленькую неточность, вкравшуюся в сообщение „редактора" сочинений т. Троцкого—т. Ленцнера, о заседании большевистской фракции, решившем вопрос о Предпарламенте. Тов. Ленцнер сообщает, что докладчиков на этом заседании было двое—Каменев и Троцкий. Это неверно. На самом деле докладчиков было четверо: двое за бойкот Предпарламента (Троцкий и Сталин) и двое за участие (Каменев и Ногин).

Еще хуже обстоит дело с т. Троцким, когда он касается позиции Ленина по вопросу о форме восстания. У т. Троцкого выходит, что, по Ленину, в октябре партия должна была взять власть „независимо от совета и за спиной его". (См. „О Ленине", стр. 71). Критикуя потом эту чепуху, приписываемую Ленину, т Троцкий „скачет и играет", разрешаясь в результате снисходительной фразой: „Это было бы ошибкой". Тов. Троцкий говорит тут неправду о Ленине, он искажает взгляд Ленина на роль советов в восстании. Можно было бы привести целую груду документов, говорящих о том что Ленин предлагал взятие власти *через* Советы Ленинградский или Московский, а не *за спиной* советов. Для чего понадобилась т. Троцкому эта более чем странная легенда о Ленине?

Не лучше обстоит дело с тов. Троцким, когда он „разбирает" позицию ЦК и Ленина по вопросу о сроке восстания. Сообщая о знаменитом заседании ЦК от 10 октября, тов. Троцкий утверждает, что на этом заседании „была вынесена резолюция в том смысле, что восстание должно произойти не позже 15 октября". (См. „О Ленине", стр. 72). Выходит, что ЦК назначил срок восстания на 15 октября и потом сам же нарушил это постановление, оттянув срок восстачия на 25 октября. Верно ли это? Нет, неверно. ЦК вынес за этот период всего две резолюции о восстании—от 10 октября и от 16 октября. Зачтемте эти резолюции.

Резолюция ЦК от 10 октября:

„ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать

Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в советах,—все это, в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и проч.),—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (с'езда советов Северной области, вывода войск из Питера, выступление москвичей и минчан и т. д.)".

Резолюция совещания ЦК с ответственными работниками от 16 октября:

„Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления".

Вы видите, что тов. Троцкому изменила память насчет срока восстания и резолюции ЦК о восстании.

Совершенно неправ тов. Троцкий, утверждая, что Ленин недооценивал советскую легальность, что Ленин не понимал серьезного значения взятия власти Всероссийским С'ездом Советов 25 октября, что будто бы именно поэтому Ленин настаивал на взятии власти до 25 октября. Это неверно. Ленин предлагал взятие власти до 25 октября по двум причинам. Во-первых потому, что контр-революционеры могли в любой момент сдать Ленинград, что обескровило бы подымающееся восстание, и в виду чего дорог был каждый день. Во-вторых, потому, что ошибка Ленинградского Совета, *открыто* назначившего и распубликовавшего день восстания (25 октября), не могла быть исправлена иначе, как фактическим восстанием *до* этого легального срока восстания. Дело в том, что Ленин смотрел на восстание, как на искусство, и он не мог не знать, что враг, осведомленный (благодаря неосторожности Ленинградского Совета) насчет дня восстания, обязательно постарается подготовиться к этому дню, в виду чего необходимо было предупредить врага, т.-е. начать восстание обязательно *до* легального срока. Этим, главным образом, и об'ясняется та страстность, с которой бичевал Ленин в своих письмах фетишистов даты—25 октября. Со-

бытия показали, что Ленин был совершенно прав. Известно, что восстание было начато до Всероссийского С'езда Советов. Известно, что власть была взята фактически до открытия Всероссийского С'езда Советов, и была она взята не С'ездом Советов, а Ленинградским Советом, Военно-Революционным Комитетом. С'езд Советов лишь *принял* власть из рук Ленинградского Совета. Вот почему длинные рассуждения т. Троцкого о значении советской легальности являются совершенно излишними.

Живая и мощная партия, стоящая во главе революционных масс, штурмующих и свергающих буржуазную власть,—таково состояние нашей партии в этот период.

Так обстоит дело с легендами о подготовке Октября.

Троцкизм или ленинизм?

Мы говорили выше о легендах против партии и о Ленине, распространяемых тов. Троцким и его единомышленниками в связи с Октябрем и его подготовкой. Мы разоблачали и опровергали эти легенды. Но вот вопрос: для чего понадобились тов. Троцкому все эти легенды об Октябре и подготовке Октября, о Ленине и партии Ленина? Для чего понадобились новые литературные выступления тов. Троцкого против партии? В чем смысл, задача, цель этих выступлений теперь, когда партия не хочет дискуссировать, когда партия завалена кучей неотложных задач, когда партия нуждается в сплоченной работе по восстановлению хозяйства, а не в новой борьбе по старым вопросам? Для чего понадобилось тов. Троцкому тащить партию назад, к новым дискуссиям?

Тов. Троцкий уверяет, что все это необходимо для „изучения“ Октября. Но неужели нельзя изучать Октябрь без того, чтобы не лягнуть лишний раз партию и ее вождя Ленина? Что же это за „история“ Октября, которая начинается и кончается развенчиванием главного деятеля Октябрьского восстания, развенчиванием партии, организовавшей и проведшей это восстание? Нет, дело тут не в изучении Октября. *Так* Октябрь не изучают. *Так* историю Октября не пишут. Очевидно, „умысел“ другой тут есть. А „умысел“ этот состоит, по всем данным, в том, что тов. Троцкий в своих литературных выступлениях делает еще одну (еще одну!) попытку подготовить условия для подмена ленинизма троцкизмом. Тов. Троцкому „до зарезу“ нужно развенчать партию, ее кадры, проведшие восстание, для того, чтобы от развенчания партии перейти к развенчанию ленинизма. Развенчание же ленинизма необходимо для того, чтобы протащить троцкизм, как „единственную“, „пролетарскую“ (не шу-

тите!) идеологию. Все это, конечно, (о, конечно!) под флагом ленинизма, чтобы процедура протаскивания прошла „максимально безболезненно“.

В этом суть последних литературных выступлений тов. Троцкого.

Поэтому эти литературные выступления т. Троцкого ставят ребром вопрос о троцкизме.

Итак, что такое троцкизм?

Троцкизм представляет три особенности, ставящие его в непримиримое противоречие с ленинизмом. Что это за особенности?

Во-первых. Троцкизм есть теория перманентной (непрерывной) революции. А что такое перманентная революция в ее троцкистском понимании? Это есть революция без учета маломощного крестьянства, как революционной силы. Перманентная революция т. Троцкого есть, как говорит Ленин, „перепрыгивание через крестьянское движение“, „игра в захват власти“. В чем ее опасность? В том, что такая революция, если бы ее попытались осуществить, кончилась бы неминуемым крахом, ибо она оторвала бы от русского пролетариата его союзника, т.-е. маломощное крестьянство. Этим и об'ясняется та борьба, которую ведет ленинизм с троцкизмом еще с 1905 года. Как расценивает тов. Троцкий ленинизм с точки зрения этой борьбы? Он рассматривает его, как теорию, содержащую в себе „анти-революционные черты“ (см. „1905“, стр. 285). На чем основан такой сердитый отзыв о ленинизме? На том, что ленинизм отстаивал и отстоял в свое время идею диктатуры пролетариата и *крестьянства* (см. там же). Но тов. Троцкий не ограничивается этим сердитым отзывом. Он идет дальше, утверждая, что:

„Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения“ (см. письмо тов. Троцкого к Чхеидзе от 25 февраля 1913 года).

Как видите, перед нами две противоположные линии.

Во-вторых. Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности, к ее враждебности к оппортунистическим элементам. Троцкизм в организационной области есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии. Вам, должно быть, известна история с „Августовским блоком“ тов. Троцкого, где благополучно сотрудничали между собой мартовцы и отзовисты, ликвидаторы и троцкисты, изображая из себя „настоящую“ партию. Известно, что эта лоскутная „партия“ преследовала цели разрушения большевистской партии. В чем

состояли тогда „наши разногласия"? В том, что ленинизм видел залог развития пролетарской партии в разрушении „Августовского блока", тогда как троцкизм усматривал в этом блоке базу для создания „настоящей" партии.

Опять, как видите, две противоположные линии.

В-третьих. Троцкизм есть недоверие к лидерам большевизма, попытка к их дискредитированию, к их развенчиванию. Я не знаю ни одного течения в партии, которое могло бы сравниться с троцкизмом в деле дискредитирования лидеров ленинизма или центральных учреждений партии. Чего стоит, например, „любезный" отзыв тов. Троцкого о Ленине, характеризуемом им, как „профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении" (см. уже цитированное письмо к Чхеидзе). А ведь это далеко не самый „любезный" отзыв из всех существующих „любезных" отзывов тов. Троцкого.

Как могло случиться, что тов. Троцкий, имеющий за спиной такой неприятный груз, оказался все-таки в рядах большевиков во время октябрьского движения? А случилось это потому, что тов. Троцкий отказался тогда (фактически отказался) от своего груза, спрятал его в шкаф. Без этой „операции" серьезное сотрудничество с тов. Троцким было бы невозможно. Теория „Августовского блока", т. е. теория единства с меньшевиками, была уже разбита и выброшена вон революцией, ибо о каком единстве могла быть речь при вооруженной борьбе между большевиками и меньшевиками? Тов. Троцкому оставалось лишь признать факт негодности этой теории. С теорией перманентной революции „случилась" та же неприятная история, ибо никто из большевиков не помышлял о немедленном захвате власти на другой день после Февральской революции, при чем тов. Троцкий не мог не знать, что большевики не позволят ему, говоря словами Ленина, „играть в захват власти". Тов. Троцкому оставалось лишь признать политику большевиков о борьбе за влияние в советах, о борьбе за завоевание крестьянства. Что касается третьей особенности троцкизма (недоверие к большевистским лидерам), то она, естественно, должна была отойти на задний план в виду явного провала двух первых особенностей.

Мог ли т. Троцкий при таком положении дел не спрятать своего груза в шкаф и не пойти за большевиками, он, не имевший за собой сколько-нибудь серьезной группы и пришедший к большевикам, как лишенный армии, политический одиночка? Конечно, не мог!

Какой же из этого урок? Урок один: длительное сотрудничество ленинцев с тов. Троцким возможно лишь при полном отказе последнего от старого груза, при полном его присоеди-

нении к ленинизму. Тов. Троцкий пишет об уроках Октября, но он забывает, что, кроме всех прочих уроков, есть еще один урок Октября, только что рассказанный мной и имеющий для троцкизма первостепенное значение. Не мешало бы троцкизму учесть и этот урок Октября.

Но этот урок, как видно, не пошел впрок троцкизму. Дело в том, что старый груз троцкизма, спрятанный в шкаф в дни октябрьского движения, теперь вновь вытаскивают на свет в надежде на сбыт, благо, рынок у нас расширяется. Несомненно, что в новых литературных выступлениях тов. Троцкого мы имеем попытку вернуться к троцкизму, „преодолеть" ленинизм, протащить, насадить все особенности троцкизма. Новый троцкизм не есть простое повторение старого троцкизма, он довольно-таки общипан и потрепан, он несравненно мягче по духу и умереннее по форме, чем старый троцкизм, но он, несомненно, сохраняет, по сути дела, все особенности старого троцкизма. Новый троцкизм не решается выступать против ленинизма, как воинствующая сила, он предпочитает орудовать под общим флагом ленинизма, подвизаясь под лозунгом истолкования, улучшения ленинизма. Это потому, что он слаб. Нельзя считать случайностью тот факт, что выступление нового троцкизма совпало с моментом ухода Ленина. При Ленине он не решился бы на этот рискованный шаг.

В чем состоят характерные черты нового троцкизма?

1) *По вопросу о перманентной революции.* Новый троцкизм не считает нужным открыто отстаивать теорию перманентной революции. Он „просто" устанавливает, что Октябрьская революция целиком подтвердила идею перманентной революции. Из этого он делает следующий вывод: важно и приемлемо в ленинизме то, что имело место после войны, в период Октябрьской революции, и, наоборот, неправильно и неприемлемо в ленинизме то, что имело место до войны, до Октябрьской революции. Отсюда теория троцкистов о рассечении ленинизма на две части: на ленинизм довоенный, ленинизм „старый", „негодный", с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный, октябрьский, который рассчитывают они приспособить к требованиям троцкизма. Эта теория рассечения ленинизма нужна троцкизму, как первый более или менее „приемлемый" шаг, необходимый для того, чтобы облегчить ему следующие шаги по борьбе с ленинизмом. Но ленинизм не есть эклектическая теория, склеенная из разнообразных элементов и допускающая возможность своего рассечения. Ленинизм есть цельная теория, возникшая в 1903 г., прошедшая испытания трех революций и шествующая теперь

вперед, как боевое знамя всемирного пролетариата. „Большевизм,—говорит Ленин,—существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года. Только история большевизма *за весь период* его существования может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата". (См. „Детскую болезнь"). Большевизм и ленинизм—едино суть. Это два наименования одного и того же предмета. Поэтому теория рассечения ленинизма на две части есть теория разрушения ленинизма, теория подмена ленинизма троцкизмом.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной теорией.

2) *По вопросу о партийности.* Старый троцкизм подрывал большевистскую партийность при помощи теории (и практики) единства с меньшевиками. Но эта теория до того оскандалилась, что о ней теперь не хотят даже и вспоминать. Для подрыва партийности современный троцкизм придумал новую, менее скандальную и почти „демократическую" теорию противопоставления старых кадров партийному молодняку. Для троцкизма не существует единой и цельной истории нашей партии. Троцкизм делит историю нашей партии на две неравноценные части—на до-октябрьскую и по-октябрьскую. До-октябрьская часть истории нашей партии есть, собственно, не история, а „пред-история", не важный или, во всяком случае, не очень важный подготовительный период нашей партии. По-октябрьская же часть истории нашей партии есть настоящая, подлинная история. Там—„старые", „пред-исторические", неважные кадры нашей партии. Здесь—новая, настоящая, „историческая" партия. Едва ли нужно доказывать, что эта оригинальная схема истории партии есть схема подрыва единства между старыми и новыми кадрами нашей партии, схема разрушения большевистской партийности.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной схемой.

3) *По вопросу о лидерах большевизма.* Старый троцкизм старался развенчать Ленина более или менее открыто, не боясь последствий. Новый троцкизм поступает более осторожно. Он старается сделать дело старого троцкизма под видом восхваления Ленина, под видом его возвеличения. Я думаю, что стоит привести несколько примеров.

Партия знает Ленина, как беспощадного революционера. Но она знает также, что Ленин был осторожен, не любил зарывающихся и нередко пресекал твердой рукой увлекающихся террором, в том числе и самого тов. Троцкого. Тов. Троцкий

касается этой темы в своей книге „О Ленине“. Но из его характеристики выходит, что Ленин только и делал, что „вколачивал при каждом подходящем случае мысль о неизбежности террора“ (см. стр. 104). Получается впечатление, что Ленин был самым кровожадным из всех кровожадных большевиков. Для чего понадобилось тов. Троцкому это ненужное и ничем не оправдываемое сгущение красок?

Партия знает Ленина, как примерного партийца, не любящего решать вопросы единолично, без руководящей коллегии, наскоком, без тщательного прощупывания и проверки. Тов Троцкий касается в своей книге и этой стороны дела. Но у него получается не Ленин, а какой-то китайский мандарин, решающий важнейшие вопросы в тиши кабинета, по наитию.

Вы хотите знать, как был решен нашей партией вопрос о разгоне Учредительного Собрания? Послушайте тов. Троцкого:

„Надо, конечно, разогнать Учредительное Собрание,—говорил Ленин,—но вот, как насчет левых эсеров?

Нас, однако, очень утешил старик Натансон. Он зашел к нам „посоветоваться“ и с первых же слов сказал:

— А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное Собрание силой.

— Браво!—воскликнул Ленин,—что верно, то верно. А пойдут ли на это ваши?

— У нас некоторые колеблются, но я думаю, что, в конце-концов, согласятся—ответил Натансон“. (См. стр. 92).

Так пишется история.

Вы хотите знать, как был решен партией вопрос о Высшем Военном Совете? Послушайте тов. Троцкого:

„Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться,—говорил я Владимиру Ильичу каждый раз после посещений Штаба.

— Это, повидимому, верно. Да как бы не предали...

— Приставим к каждому комиссара.

— А то еще лучше двух,—воскликнул Ленин, - да рукастых. Не может же быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов

Так возникла конструкция Высшего Военного Совета“. (См. стр. 106).

Так пишет т. Троцкий историю.

Для чего понадобились тов. Троцкому эти компрометирующие Ленина арабские сказки? Неужели для возвеличения вождя партии—В. И. Ленина? Непохоже что-то.

Партия знает Ленина, как величайшего марксиста нашего времени, глубокого теоретика и опытнейшего революционера

чуждого тени бланкизма. Тов. Троцкий касается в своей книге и этой стороны дела. Но из его характеристики получается не великан—Ленин, а какой-то карлик—бланкист, советующий партии в октябрьские дни „взять власть собственной рукой, независимо от Совета и за его спиной". Я уже говорил, что эта характеристика не соответствует действительности ни на иоту.

Для чего понадобилась тов. Троцкому эта вопиющая... неточность? Не есть ли тут попытка „маленечко" развенчать Ленина?

Таковы характерные черты нового троцкизма.

В чем состоит опасность нового троцкизма? В том, что троцкизм по всему своему внутреннему содержанию имеет все шансы стать центром и сборным пунктом непролетарских элементов, стремящихся к ослаблению, к разложению диктатуры пролетариата.

Что же дальше, спросите вы. Каковы очередные задачи партии в связи с новыми литературными выступлениями тов. Троцкого?

Троцкизм выступает теперь для того, чтобы развенчать большевизм и подорвать его основы. Задача партии состоит в том, чтобы *похоронить троцкизм, как идейное течение.*

Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развернутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма.

Мы не хотели и не добивались этой литературной дискуссии. Троцкизм навязывает ее нам своими анти-ленинскими выступлениями. Что ж, мы готовы, товарищи!

Как не нужно писать историю Октября. *)

Недавно вышедшая книга тов. Троцкого („1917“), посвященная „Урокам Октября“, быстро делается „модной“ книгой. Это не мудрено, ибо она бьет на внутри-партийную сенсацию.

После того, как итоги истекшего года *доказали* всю неправоту нашей партийной оппозиции, после того, как *факты* доказали еще и еще раз правильность руководства в нашей партии, тов. Троцкий вновь поднимает дискуссию, но уже „иными средствами“. Предисловие к книге (а в этом предисловии, ровно как и в примечаниях к ней, ее „гвоздь“) написано полуэзоповским языком, так что для совсем неопытного читателя пройдут незамеченными намеки и полунамеки, которыми наполнено это предисловие. Этот своеобразный шифр (процветающий у тов. Троцкого, несмотря на требование „критической ясности“), необходимо все же расшифровать. Ибо работа тов. Троцкого, претендующая на роль спутника в деле „изучения Октября“, грозит превратиться в спутника „всякой настоящей и будущей дискуссии“. Она ведь берет на себя, по сути дела, ответственность за выступление против линии, взятой как партией, так и Коминтерном, при чем она вовсе не носит характера теоретического анализа, а больше похожа на политическую платформу, на базе которой можно будет вести подкоп против точных, принятых соответствующими с'ездами решений.

Книга тов. Троцкого написана не только для русского читателя—это без труда увидит всякий. В значительной мере она написана для „информации“ заграничных товарищей. Теперь, когда в целом ряде компартий на очереди дня стоит проблема их „большевизации“, когда, несомненно, интерес к истории нашей партии поднимается, книга тов. Троцкого может сослужить плохую службу. Она не только не научит большевизму, но в известной мере будет фактором „разбольшевичивания“ иностранных компартий—настолько однобоко, односторонне, а иногда и чудовищно неверно она излагает события, пытается их анализировать и сделать выводы, касающиеся современности.

Вот почему необходимо дать критический разбор этой новой работы тов. Троцкого. Ее нельзя оставить без ответа.

---

*) Из „Правды“ № 251, от 2-го ноября 1924 г.

Можно высказывать лишь сожаление, что тов. Троцкий, который делает неправильные выводы из „Уроков Октября“, не хочет сделать никаких выводов из более близко к нам лежащей „эпохи“ прошлогодних споров. Лучшей проверкой точек зрения, как это признает и сам тов. Троцкий, является опыт, сама жизнь. А жизнь показала, что руководящая и партийно-признанная линия политики не только не привела страну „на край гибели“, как это предрекала прошлогодняя оппозиция, пророчившая этой „стране“ все казни египетские, но сравнительно быстро двигает страну вперед, несмотря на такие независящие ни от какой „платформы“ явления, как неурожай и проч.

С другой стороны, накопилось громадное множество новых задач, в новой обстановке, трудностей, связанных с процессом *роста*. Вся партия хочет поэтому, раньше и прежде всего, деловой работы под таким руководством, которое проверено опытом, на „платформе“, этим опытом проконтролированной. Вот почему менее всего желательно было бы поднимать, хотя бы и в иной форме, старые споры.

Но тов. Троцкий счел уместным это сделать. На нем, конечно, лежит за это полная ответственность. Волей-неволей приходится отвечать на эту книгу, ибо партия не может допустить, чтобы без возражений оставалась пропаганда, направленная против решений, которые партия с такою дружностью и с таким единодушием принимала. Постараемся же посмотреть на тот идейный багаж, который тов. Троцкий представил теперь в распоряжение партии, на те „уроки“, которые он получил от Октября и любезно преподает сейчас нашим молодым и старым товарищам.

I. Вопрос об исторической проверке.

Осью рассуждений тов. Троцкого является представление о значении различных периодов в истории нашей партии. По существу у него дело обстоит так: весь период партийного развития до Октября—это нечто совершенно второстепенное; только момент захвата власти решает вопрос, только этот период выделяется из всех остальных, только тут мы имеем возможность проверить классы, партии, их руководящие кадры, отдельных лиц.

„Теперь заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г. значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах

разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции,—совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду" (XVI).

„Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. Здесь Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей..." (65).

В этих положениях—только *половина* правды, и поэтому из них можно сделать (а т. Троцкий это и делает) совсем уже *неправильные* выводы.

Тов. Троцкий говорит компартиям: изучайте Октябрь, чтобы победить: нельзя *обходить* Октябрь.

Конечно, нельзя. Точно так же, как нельзя забывать ни о 1905 годе, ни об особо поучительных годах реакции. Но кто, где и когда предлагает эту несуразность? Кто, где и когда мог отважиться на то, чтобы вынести такой вздор на свет божий?

Этого никто не предлагал. Но *именно* для того, чтобы *понять условия октябрьской победы,* нужно обязательно выйти *за пределы* непосредственной подготовки к восстанию. Ни в коем случае нельзя *отрывать* одно от другого. Ни в коем случае нельзя оценивать группы, лица, течения вне связи с тем периодом подготовки, который тов. Троцкий сопоставляет с упражнениями в споре „о системах плавания". Конечно, в „критический период", когда речь идет о решительном бое, все вопросы становятся ребром, и все оттенки, течения, группировки имеют тенденцию обнаруживать свои наиболее характерные, внутренние, им присущие свойства. Но, с другой стороны, далеко не всегда их положительная роль во время под'ема революции об'ясняется правильностью их „точки зрения".

„*Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась*"—так формулирует *эту* сторону дела тов. Ленин (Сочинения, том XVII, стр. 183).

В другом месте:

„Революционер не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции... отстаивает принципы и лозунги революции". (Ленин, соч. XII, 2,151).

Это—не совсем то, что у тов. Троцкого.

Поставим все точки на *i*. Чем определялась позиция *партии* большевиков в октябре? Она определялась всей предыдущей

историей партии, ее борьбой со всеми видами оппортунизма, от крайних меньшевиков до троцкистов включительно (напр., „августовский блок"). А можно ли сказать, что правильная (ибо совпавшая с большевистской) в октябрьские дни позиция тов. Троцкого вытекала из его позиции в подготовительный период? Очевидно, нельзя. Наоборот. *Если бы* случилось в свое время историческое чудо, и рабочие-большевики вняли бы проповедям тов. Троцкого (единство с ликвидаторами, борьба против ленинской „кружковщины" и „сектантства", меньшевистская политическая платформа, во время войны—борьба против циммервальдовской левой и т. д.), *то тогда не было бы и октябрьской победы.* Между тем тов. Троцкий всячески избегает касаться именно *этого* периода, хотя его-то обязанностью было бы поделиться с партией как раз *этим* „уроком".

Приведем еще пример. На октябрьских баррикадах бок-о бок с нами мужественно сражались и многие левые эс-эры. В решительный момент Октября они внесли и свою лепту в дело победы.

Но значило ли это, что они-то были раз навсегда „проверены" Октябрем? Увы, отнюдь нет, что и показал *после-октябрьский* опыт, который подтвердил в значительной мере *до-октябрьскую* оценку этих мелкобуржуазных революционеров.

Итак, одного Октября, изолированного, для „проверки" отнюдь не хватает. Скорее перевешивает другой мотив, тот, на который так категорически указывал тов. Ленин.

Итак, положение тов. Троцкого о том, что „большевизация" компартий состоит в таком воспитании их и в таком подборе „руководящего персонала", „чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября", это положение делается правильным, *поскольку в него включается усвоение опыта „подготовительного периода"*. Ибо даже *непосредственный* опыт русского Октября не может быть ни понят, ни усвоен, *если* не усвоить, как следует, уроков этого подготовительного периода.

Тов. Троцкий, который рассматривает дело так, что по сути у него партия большевиков начинает существовать „по-настоящему" лишь с октябрьских дней, не видит *преемственности* партийной линии вплоть до „текущего момента".

И точно также он поэтому не видит, что *после* взятия власти, даже после конца гражданской войны, история вовсе не кончилась. Равным образом не кончилась и история нашей партии, история, которая *тоже* есть „проверка линии", ибо она включает в себя не только разговоры о той или другой точке зрения, но и опыт *практической политики.*

„Дрейфить" нельзя было в Октябре. Но „дрейфить" нельзя было и во время Бреста (где дело, по признанию тов. Троцкого,

шло о „голове“, т. е. о жизни или смерти Советской власти). „Дрейфить“ нельзя было и в дискуссии 1921 г., ибо *без* ленинской линии мы и здесь рисковали почти всем. „Дрейфить“ не годилось и в прошлом году, ибо без денежной реформы, без проводимой партией экономической политики и т. д., мы тоже были бы в отчаянном положении. А во всех этих „критических“ пунктах тов. Троцкий „дрейфил“, при чем „дрейфил“-то он *по тому же типу*, что и в до-февральский период своего политического существования, когда он еще не порвал с прямыми противниками большевизма.

„Традиция революционной партии,—пишет тов. Троцкий (62),—создается не из недомолвок, а из критической ясности“. Очень хорошо. Но требование „критической ясности“ должно быть полностью сохранено не только по отношению к действиям, разыгравшимся в Октябре, но и к предыдущему, и к последующему периоду развития. Только так можно дать „действительную проверку“, ибо партия пролетариата *постоянно* действует, и „критический“ период у нее не один.

II. Уроки революции 1917 г. и борьба внутри партии.

Нужно ли замалчивать Октябрь и его пролог—февральскую революцию? Отнюдь нет. Это было бы или недобросовестно, или глупо. Но совершенно напрасно тов. Троцкий намеками, полунамеками, а также и открытыми возгласами хочет создать такое впечатление, что истории Октября „не повезло“, ибо тут был какой-то умысел (неверная „полусознательная оценка“). Вряд ли уместны такие, например, сентенции, что „еще недопустимее... было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах октябрьского переворота, имеющих международное значение“ (XII).

Конечно.

Но, во-первых, тов. Троцкий скрывает, что об Октябре было написано никак не меньше, чем о всяком другом периоде; в сочинениях Ленина этот период получил блестящую оценку, из которой все действительные уроки Октября партия может черпать еще долгое время.

Во-вторых, т. Троцкий замалчивает, что означенные „персоны“ неоднократно признавали свою ошибку, и она (эта ошибка) известна всей партии.

В своей „Истории РКП“ и в более ранних выступлениях об этом совершенно открыто говорил тов. Зиновьев, который не раз и перед партией, и перед Коминтерном заявлял о том же; об этом говорил тов. Ленин, который, однако, никогда и

нигде не ставил этой ошибки в связь с текущей после-октябрьской работой ошибавшихся в Октябре товарищей *).

Теперь же тов. Троцкий, используя эти ошибки, хочет ревизовать всю партийную линию и „исправлять“ всю партийную историю. *В этом* гвоздь рассуждений тов. Троцкого.

Весь анализ событий от апреля по октябрь ведется так, будто разногласия, „раздиравшие“ партию, все обострялись, пока не разразились конфликтом, чуть было не приведшим к краху. И только благодаря усилиям тов. Ленина, имевшего смелость итти против ЦК и поддержанного тов. Троцким, „предвосхитившим“ основные идеи Ленина, революция была спасена.

В этом анализе вряд ли есть что-либо, что соответствовало бы действительности.

Прежде всего, у тов. Троцкого исчезает партия. Ее нет, ее настроения не чувствуется, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой-то непонятливый анонимный Цека. Отсутствует целиком Петроградская организация, действительный коллективный организатор рабочего восстания. Вся историография тов. Троцкого скользит исключительно по „верхнему верху“ партийного здания. Что же касается всего партийного костяка, то напрасно мы стали бы рассматривать эту загадочную картинку: „Где партия?“, нарисованную искусной кистью товарища Троцкого. Разве марксисты могут так писать историю? Это карикатура на марксизм. Писать историю Октября и *проглядеть партию*—это значит обеими ногами стоять на индивидуалистической точке зрения, на точке зрения „героев и толпы“. На *ней* воспитывать членов партии нельзя.

Но и с точки зрения анализа *только руководящей верхушки* летопись тов. Троцкого не заслуживает одобрения, ибо она *искажает* действительность. Посмотрите, как изображает тов. Троцкий ход событий:

> „Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия на верху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло вместе с ходом событий принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в

---

*) Кстати, необходимо упомянуть о некоторых фактах. Несмотря на разногласия, Каменев был, по предложению *Ленина*, выбран на апрельской конференции в ЦК партии и председательствовал по поручению ЦК на II с‘езде советов в момент восстания; уже в ноябре 1917 г. Зиновьев, который расходился с ЦК вообще лишь на несколько дней, по поручению ЦК партии, выступал во ВЦИК с докладом за разгон учредилки; на VII с‘езде (начало марта 1918 г.) Зиновьев выступал по поручению ЦК с защитой ленинской линии против Троцкого и „левых“. Следовательно, вся партия отнюдь не рассматривала октябрьской ошибки названных товарищей иначе, как переходящее разногласие; наоборот, она поручала им ответственнейшие роли, несмотря на то, что она ни на одну минуту не оправдывала ошибок этих товарищей.

наиболее решающий момент революции—в дни Октября". (XXXI).

После июльских дней:

„Мобилизация правых элементов партии усилилась: критика их стала решительнее". (XXXII).

Наконец—перед Октябрем:

„Надобности в экстренном с'езде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции предпарламента". (XXXVI).

Все это крайне... „неточно". Ибо уже ко времени VI с'езда партии *произошла полная идейная консолидация партии.* Выбранный на VI с'езде Центральный Комитет безусловно стоял на платформе *восстания.* Колоссальное влияние Ленина на Цека имело место, ибо сам Ленин был руководящим цекистом, как это известно всем и каждому. Но изображать дело так, будто бы большинство Цека было чуть ли не против восстания,—это значит не знать ни партии, ни ее тогдашнего Цека, это значит грешить против истины. Разве 10 октября восстание не было решено подавляющим большинством Цека? При чем же тут необходимость в особой роли тов. Троцкого? Величайшая энергия, поистине неистовая революционная страсть, гениальный анализ событий и громадная гипнотизирующая сила писем тов. Ленина оформляли то, что было и мнением подавляющего большинства самого Центрального Комитета. Но тов. Троцкому обязательно хочется *отодрать Ленина от Цека, противопоставить* их, разорвать между ними ту неразрывную связь, которая на самом деле ни на минуту не прерывалась. Искажать историю нельзя.

Если бы это было не так, если бы верно было то, что говорит тов. Троцкий, то тогда было бы совершенно непонятно: 1) каким образом при конфликте партия не раскололась; 2) каким образом она могла победить; 3) *каким образом конфликт (выход из Цека нескольких его видных членов) мог быть ликвидирован буквально в несколько дней* возвращением этих товарищей на свои посты.

А это „чудо" (чудо с точки зрения предпосылок тов. Троцкого), как известно, совершилось и при том без особенного труда. Можно, конечно, сделать здесь намек на то, что после победы есть много охотников примкнуть к победителям, ибо оных победителей „не судят".

Однако, не следует забывать, что победа в Петербурге и в Москве означала лишь *начало* борьбы, начало громаднейших трудностей, что понимал решительно всякий член партии. Так

что эти соображения нисколько не помогут об'яснить то, что подлежит об'яснению.

А между тем все это становится весьма понятным, если только взглянуть на события не с такого эгоцентрического угла, с какого их рассматривает тов. Троцкий. Тогда получилась бы, примерно, такая картина: с апреля по октябрь остатки шатаний внутри партии все время исчезают. К октябрю они становятся минимальными; *партия* целиком, сомкнутым строем, идет в бой; наверху остается всего несколько несогласных с общей линией товарищей. Но именно потому, что *партия* (это очень немало, тов. Троцкий!) была *едина*, именно потому, что подавляющее большинство ЦК шло вместе с Лениным, и эти товарищи были увлечены общим партийно-классовым потоком и немедленно стали на свои посты. Они были „проверены“ гораздо более основательно, чем одними днями Октября...

III. Война, революция и позиция тов. Троцкого.

Но „летопись“ тов. Троцкого, равно как и примечания к ней, изображают неправильно не только пропорции внутри партии, но и подготовку „большевизации“ самого тов. Троцкого (нас интересует здесь, разумеется, *только* политическая *позиция*).

Из примечаний к книге тов. Троцкого мы узнаем, напр., что „статьи Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком „предвосхитили“ (!) политическую тактику революционной с.-д. Основные выводы этих статей почти до деталей (!) совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты тов. Лениным в знаменитых „Письмах из далека“ (370).

Мы узнаем, что „в ходе войны все уменьшались разногласия между точкой зрения „Нашего Слова“ и Лениным“ (377).

Мы узнаем, с другой стороны, целый ряд подробностей об ошибках „Правды“, ряда большевиков и т. д.

Но мы чрезвычайно мало будем осведомлены после прочтения книжки, в чем же *были* разногласия, которые „все уменьшались“; и мы прямо будем введены в заблуждение, если поверим, что тов. Троцкий „предвосхитил“, как выражается ужасно услужливый редактор книги и автор примечаний, тов. Ленцнер, ленинскую линию (Ленин и не знал, говоря языком тов. Троцкого, что он „совершает плагиат“).

Между тем, вопрос о позиции во время войны дает ключ и к ряду других вопросов, вводя нас в ту лабораторию, где формировались лозунги, сыгравшие вскоре исключительную, можно сказать, всемирно-историческую роль.

Постараемся напомнить кое-что из этой области.

1. „*Мир*“ или „*гражданская война*“. Это первое разногласие, разногласие очень принципиальное, ибо здесь как раз и видно, кто и как „предвосхищал“ и события, и „тактику революционной социал-демократии“. Лозунг гражданской войны, который был поставлен Лениным и большевистским ЦК еще в самом начале войны, был специфическим лозунгом большевизма, лозунгом, который проводил грань между действительными революционерами и всеми оттенками не только шовинистов, но и интернационалистов мещанского, пацифистского, „гуманитарного“, ищущего сближения с центристскими элементами, толка. Только резкая постановка вопроса о гражданской войне позволяла отобрать кадр таких революционеров, которые стали впоследствии ядром коммунистических партий.

Тов. Троцкий был самым решительным образом *против* этого лозунга, считая его узким, непригодным для массовой проповеди и т. д. Это ли „предвосхищение“ ленинской позиции?

2. *Пораженчество и борьба с ним.* Второй отличительной особенностью большевистской позиции было положение, что революционные соц.-демократы (теперь мы бы сказали „коммунисты“) должны в *империалистской* войне желать поражения, прежде всего, *своему* правительству. Тов Троцкий определял эту позицию, как национализм навыворот или национализм с отрицательным знаком. Однако, теперь совершенно ясен глубокий смысл этой ленинской позиции, корнями своими уходящий к основным истокам большевистской мысли. Именно, к основным истокам ее. Стоит только посмотреть, напр., на недавно опубликованную полемику Ленина с Плехановым по поводу проекта программы РСДРП („Ленинский Сборник“, № 2), чтобы понять это. В полемике с Плехановым В. И. упрекает плехановский проект в том, что это учебник, а не об‘явление войны; там говорится о капитализме вообще, а нам нужна *война* против *русского* капитализма — таков смысл этой полемики со стороны В. И. Почему настаивал на этом Ленин? Именно потому, что он был *борцом*, а не декламатором. Лозунг поражения *своего* правительства был *об‘явлением войны* всякому, хотя бы и скрытому под тюфяками благородных фраз, пацифизму, всякой хотя бы и скрытой искуснейшими масками, оборонческой позиции. Это был наиболее резкий разрыв, разрыв *на деле* всякой связи со „своим“ буржуазным государством. И именно *такой* позицией обусловливалась на деле, на живом примере, *интернационалистская* позиция большевизма. Это было второе принципиальное расхождение Троцкого с большевиками.

3. *Единство с меньшевистской фракцией Чхеидзе.* Уже во время войны тов. Троцкий продолжал стоять за единство с

такими элементами, как фракция Чхеидзе, не имея мужества пойти на решительный организационный разрыв, который был необходимой предпосылкой правильной политики. Недаром Ленин так боялся, что некоторые товарищи поддадутся на удочку троцкизма. Любопытно также и то, что тов Троцкий еще в *мае* 1917 г. не понимал своих прежних ошибок. Так, на стр. 380 разбираемой книги мы читаем:

„7 мая 1917 г. открылась общегородская конференция об'единенных с.-д. (большевиков и интернационалистов). Конференция приветствовала тов. Троцкого, присутствовавшего в качестве гостя. Отвечая на приветствие, тов. Троцкий заявил, что для него, *всегда стоявшего за необходимость единства с-д. сил* (курсив наш. *Ред.*), само по себе единство не является самоцелью, и в формулу эту должно быть вложено революционное содержание“ и т. д. (стр. 380)*).

Отсюда с полной ясностью вытекает, что тов. Троцкий не только *не проклинал* своей борьбы за единство с ликвидаторами и т. д, но эту свою громаднейшую ошибку, губительную ошибку, подводил чуть ли не как базис для об'единения с большевиками, на этот раз, к счастью, соглашаясь вложить в „формулу“ „революционное содержание“.

К сожалению, та же *недооценка* всей глубины ошибок в организационном вопросе (она целиком проявилась у тов. Троцкого в прошлогодней дискуссии) сквозит *даже теперь*. Тов. Троцкий оправдывается от упреков „какого-нибудь из глубокомысленных дьячков в роде тов. Сорина“, упреков в борьбе против большевистской „кружковщины“, методом более чем странным:

„Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование“ (66).

Итак, уже призывая к об'единению с большевиками, тов. Троцкий *порицал* большевистскую кружковщину, как злое наследие злого прошлого. Но „отказываемся ли мы от наследства“? *Ни капли.* Ибо эта так называемая кружковщина была на самом деле *методом создания нашей партии*, т е. организационным принципом большевизма. И если тов. Троцкий на 65 стр. своего „Предисловия“ пишет, что он признал „свои большие организационные ошибки“, а на 66 стр. оправдывает обвинение дореволюционного большевизма в „кружковщине“, то это значит, что он еще не свел концов с концами и не извлек еще всех уро-

---

*) Речь идет о так называемых „межрайонцах“, которые существовали параллельно большевикам и отстаивали в это время единство с „левыми“ меньшевиками. Вошли вместе с тов. Троцким после июльских дней в большевистскую партию.

ков из истории нашей партии. Но он и не сможет этого сделать, если днем рождения партии будет считать день ее об'единения с межрайонкой или даже славные дни Октября, когда сам тов. Троцкий в муках рождался как большевик.

4. *Борьба с циммервальдской левой.* Наконец, следует упомянуть и о позиции тов. Троцкого в „мировом масштабе". Ведя борьбу с шовинистами, социал-патриотами и т. д., тов. Троцкий был издевательски настроен по отношению к циммервальдской левой. Он считал ее тоже „кружковщиной" и большевистской дурью, которая уже совсем мало приспособлена к „заграничным условиям". Еще в Америке, где, по уверениям тов. Ленцнера, тов. Троцкий предвосхитил позицию тов. Ленина, он вел активную борьбу против солидаризации с циммервальдской левой. Этот „раскол" с „центристами от Циммервальда" тов. Троцкий одобрить не мог. Между тем товарищи-редакторы „Семнадцатого года" отнюдь не позаботились о том, чтобы осветить для международного пролетариата и этот пункт нашей партийной истории, который для Интернационала так же важен, как и вопрос о гражданской войне, о пораженчестве и т. д. Ибо речь шла ни больше ни меньше, как о выборе между Вторым и Третьим Интернационалом.

5. *Концепция „перманентной революции".* Тов. Троцкий, оказывается, не только „предвосхитил" ленинскую позицию, но и оказался прав по одному из существеннейших пунктов нашей революционной теории и одновременно нашей революционной стратегии, именно по вопросу о „перманентной революции". Тов Троцкий пишет по этому поводу следующее:

> „Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство" (XVII).

Что сей сон означает? В 1905 году была борьба между большевиками, выставившими лозунг: „Диктатура пролетариата и крестьянства"—с одной стороны, группой Троцкого—Парвуса, выставившей лозунг: „Долой царя, а правительство *рабочее*!"—с другой, и поляками во главе с Розой Люксембург, которые выставили формулу: „Пролетариат, опирающийся на крестьянство"—с третьей.

Кто же оказался *прав?* Тов Троцкий *уклоняется* от того, чтобы дать решительный ответ, ответ всеми словами. Но *косвенно* он „утверждает" именно *свою* правоту: ленинская формула могла быть „лишь" (!) этапом к формуле Троцкого.

Но вот это то и неверно, что тов. Троцкий оказался правым. Он оказался именно неправ, и именно „дальнейшее развитие“ доказало его неправоту. Ибо специфичность позиции тов. Троцкого как раз в том и заключалась, что он *хотел перескочить через такой „этап“, через который перескочить было нельзя* (забывал „мелочь“: крестьянство).

> „Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще,—писал *тов. Ленин*,—надо уметь найти в каждый момент то *особое* звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и *подготовить прочно переход к следующему звену*“. (Сочин. XV, 223).

Но именно этого и не давали лозунги тов. Троцкого. Он „перемахивал“ *через* то „особое звено“, за которое нужно было всеми силами уцепиться, он недооценивал роли крестьянства, а поэтому *практически* изолировался и от рабочих:

> „Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,—почвы под ними нет,—вот суть революционной фразы“ (Ленин. XV, 100).

Из того, что через много лет и *после* того, как мы перешагнули через определенный этап, началась социалистическая революция, отнюдь не следует, что тов. Троцкий был прав. Такое утверждение одновременно противоречило бы действительности и опиралось бы на непонимание сути тактики большевизма, всей его, если так можно выразиться, политической методологии, которая соединяет упорное движение к одной великой цели, с суровой трезвенностью, отбрасывающей прочь все предрассудки и все лишнее в оценке каждой конкретной ситуации. И здесь тов. Троцкий оказался *неправ*. И здесь его книга *совершенно неверно ориентирует читателя*. Мы уже не говорим о том, что тов. Троцкий умалчивает, как его „перманентная“ и ультралевая *фраза* сочеталась с весьма правой политикой и с ожесточенной борьбой против большевиков.

IV. „Уроки Октября“ и Коминтерн.

Одним из практических стержней, на которых построено „Предисловие“ тов. Троцкого, является стремление, мягко выражаясь, „оспорить“ политику Исполкома Коминтерна. Дана задача: взять реванш за проигранную в 1923 г. дискуссию, выступив уже не только против линии ЦК, но и против линии Коминтерна в целом. Для этого можно исказить и смысл важнейших эпизодов классовой борьбы пролетариата в Германии и в Болгарии. Здесь можно намекнуть и на то, что ошибки отдельных наших

товарищей в 1917 г. предопределили неуспехи коммунистов в Германии и в Болгарии в 1923 г. Схема рассуждений, если ее освободить от облекающих словесных одежд вуалеобразного типа, здесь довольно проста. X, Y, Z ошибались в Октябре *русском*. X, Y, Z руководят тепер Коминтерном. Коминтерн проиграл сражения a, b, c. Следовательно, в этом виноваты X, Y, Z, которые продолжают здесь свои русско-октябрьские традиции. В этом der langen Rede kurzer Sinn (короткий смысл длинной речи).

Рамка этого совершенно смехотворного силлогизма наполнена конкретным содержанием. Нужно поэтому критически осветить это содержание, и тогда сама собой рушится и вся затейливая постройка тов. Троцкого.

Пункт I. Болгария. Тов. Троцкий пишет:

„Мы имеем в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям *доктринерски-фаталистического* (наш курсив. *Ред.*) характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июльского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических ни организационных предпосылок". (XII).

Как легко увидит читатель, здесь за основу поражения берется: 1) меньшевистский фатализм, 2) бесшабашный оптимизм („без подготовки" etc). Обе эти черты даны также при характеристике типов октябрьского оппортунизма. Итак, „смычка" с русским Октябрем и теперешним коминтерновским руководством дана полностью и целиком.

Однако, присмотримся поближе к *фактам*. Первое поражение было в результате того, что болгарская партия совершенно неправильно подходила к *крестьянству*, не сумела оценить ни его движения, ни роли Земледельческого Союза в его целом, ни его левого крыла. Она стояла скорее на позиции: „Долой короля, а правительство—рабочее". В решительную минуту, когда нужно было взять руководство и подняться на гребне громадной крестьянской волны, партия заявила, что она нейтральна, ибо борьба идет между буржуазией города и буржуазией деревни, а пролетариат здесь не при чем. *Таковы* были „соображения" болгарской компартии. Они зафиксированы, все это можно проверить документально. Если брать аналогии с нашим Октябрем (кстати сказать, теперь-то мы уж должны, казалось бы, научиться более осторожному обращению с аналогиями), то скорее нужно было бы брать *корниловские дни* (Керенский=Стамбулийский, Корнилов=Цанков). Но здесь, если судить даже

по изложению самого же тов. Троцкого, *слишком* заступались за Керенского, не понимая „грани“ между борьбой *против Корнилова и защитой Керенского.* В Болгарии же была сделана *противоположная* ошибка.

В чем же тут „Уроки Октября“?

К тому же, товарищи, сидящие в ИККИ, в корниловские дни занимали совершенно правильную позицию, а весь ИККИ в целом совершенно правильно критиковал и подгонял болгарскую компартию.

Второе поражение в Болгарии—факт, и тов. Троцкий описывает условия, при которых оно разразилось. Но, скажите на милость, тов. Троцкий, что же вы поддерживаете здесь старую формулу Плеханова времен его меньшевистского упадка: „Не надо было браться за оружие“?

Надо или не надо было болгарским коммунистам браться за оружие?

Да или нет?

Тов. Троцкий не отвечает. По-нашему, браться за оружие было надо, так как только такой ценой можно было удержать связи со стихийно шедшим в бой крестьянством. Времени же на подготовку не было. Вот *действительная* картина событий. „Уроки“ тов. Троцкого здесь не при чем.

Пункт II. Германия. Еще интереснее вопрос о прошлогоднем октябрьском поражении германского пролетариата:

> „Мы наблюдали там во второй половине прошлого года *классическую* (наш курсив. *Ред.*) демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения“ (XII).

Итак, по тов. Троцкому, ошибка состояла в том, что был упущен „классический“ момент. Нужно было во что бы то ни стало вести на решающую битву, и тогда победа была бы за нами. Тут тов. Троцкий проводит полную аналогию с Октябрем в России: там тянули—и здесь тянули; там под давлением Ленина,—*решились*, выступили и победили; здес—*без* давления Ленина—не решились и упустили момент, а теперь—под влиянием русско-октябрьских традиций—расписывают, что силы были недостаточны для решающего боя. Такова схема „германских событий“ у тов. Троцкого.

Однако и здесь перед нами налицо „царство схематизации“ и скучное царство серой абстракции. Тов. Троцкий изображает, как писалась бы история, если бы в русском ЦК противники восстания очутились в большинстве: оказалось бы, что и сил было мало, и враг был ужасно страшен и т. д.

Все это лишь внешне убедительно. Да, так, вероятно, писалась бы история. Но это вовсе *не доказательство того, что силы немецкой революции не были переоценены в октябре 1923 г.*

Неверно именно то, что момент был „классическим". Ибо *гораздо сильнее, чем мы думали, оказалась социал демократия.* Аналогия с русским Октябрем здесь вообще мало уместна. В Германии не было вооруженных солдат, стоящих за революцию; не было в наших руках лозунга мира; не было аграрно-крестьянского движения; не было *такой* партии, как у нас. Но, кроме всего этого, оказалось, что социал-демократия еще не изжила себя. Вот эти *конкретные* факты нужно было опровергнуть. *Во время решающих событий ИККИ стоял именно за октябрьскую линию.* Когда она провалилась в силу об'ективных условий и когда она провалилась *„более чем следует"*, в силу правого руководства, тогда т. Троцкий, *на деле поддерживавший именно правое, оппортунистическое, капитулянтское крыло и неоднократно боровшийся против левых* *), подводит „глубокий" теоретический базис под свою концепцию и замахивается ею на руководящие круги Коминтерна. *Так* извлекать уроки не годится ни из русского, ни из немецкого „Октября".

И совсем уж не годится настаивать на некоторых своих ошибках, на которых еще и посейчас настаивает т. Троцкий.

Одним из уроков (действительных уроков) германского Октября является тот урок, что перед выступлением нужна величайшая раскачка масс. Между тем, эта работа очень отставала. В Гамбурге, напр., во время восстания не было ни стачек, ни советов. По всей Германии советы отсутствовали, ибо, по мнению т. Троцкого, так и следовало делать,—их „заменяли" фабзавкомы. На самом же деле фабзавкомы не могли заменить советов, ибо не сплачивали всей массы, вплоть до самых отсталых и индифферентных, *так,* как это делают советы в критические и острые моменты классовой борьбы.

* * *

Книга т. Троцкого призывает к изучению Октября. Сам по себе этот лозунг не представляет ничего нового. Он уместен и для наших партийных рядов, он уместен и для наших иностранных товарищей. Но книга т. Троцкого, вернее, ее предисловие, претендует на роль *спутника* в деле этого изучения. И тут мы должны решительно сказать: *этой* роли она выпол-

*) Здесь—такой же „метод" политики, как и в до-революционное время: „левая позиция на словах, правая—*в делах*".

нить *не может*. Она лишь собьет с толку тех товарищей, которые за внешней стройностью изложения проглядят полное смещение пропорций, искажение действительной партийной истории. Это—не зеркало партии. Это—ее *кривое* зеркало.

Но появление этого „кривого зеркала“ отнюдь не случайно. После всего вышесказанного нетрудно видеть, куда, как выражался Ленин, „растут“ намеченные т. Троцким выводы.

В самом деле. Если, как неправильно изображает дело т. Троцкий, в октябре 1917 г. что-либо путное можно было сделать только против ЦК, то не может ли повториться и теперь такая ситуация? Где гарантия того, что руководство будет правильно? И правильно ли оно сейчас? Ведь, „единственная“ проверка, это—октябрь 1917 г. Так можно ли доверять тем, кто этой проверки не выдержал? И не благодаря ли руководству этих вождей Коминтерн терпит поражение и в Болгарии, и в Германии? Не *нужно ли* „изучать Октябрь“ так, чтобы прощупать именно *эти* вопросы?

Вот комплекс тех „проблем“, к которым исподволь подводит читателя т. Троцкий после неудавшейся лобовой атаки прошлого года. Но т. Троцкий может быть вполне уверен, что партия сумеет во-время оценить эту тихую сапу. Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства.

Г. СОКОЛЬНИКОВ.

Как подходить к истории Октября?

Число исторических работ, воспоминаний, сборников, документов, посвященных 1917 году и октябрьскому перевороту, быстро растет. Тем не менее и 1917 год и Октябрь еще ждут своего историка. Нельзя не согласиться с т. Троцким в том, что „до сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала бы общую картину октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты". („Уроки Октября", вводная статья в недавно вышедшем III томе сочинений). Нельзя не согласиться с т. Троцким, что нужно усилить изучение Октября. Но никак нельзя согласиться с теми методами „изучения Октября", которые применяет т. Троцкий, равно как и с выводами, которые он извлекает из этого изучения. Именно потому, что история подготовки Октября и история октябрьского переворота существуют только в фрагментах, что документы не собраны, не систематизированы, что ряд важнейших фактов вообще не зафиксирован документально, всякий пишущий о событиях 1917 года, если для него имеет цену близость к исторической правде, если он сознает ответственность перед иным верящим ему на слово читателем, обязан с величайшей тщательностью собирать и проверять факты, на которых он строит свои обобщения. История Октября написана т. Троцким не в этом стиле и этого нельзя не поставить ему в укор. В самом деле, взяв с определенным „умыслом" стержнем своей работы разногласия в руководящей верхушке большевиков в 1917 году, он сбивается (несмотря на повторные, очень декоративные, но тем не менее убедительные, оговорки о „мизерности" попыток делать из октябрьских ошибок некоторых большевиков орудие борьбы против них теперь) с позиции, якобы, об'ективного „летописца" и „педагога" на позицию пристрастного прокурора, по заданию лихо сочиняющего обвинительный акт, на позицию „разоблачителя", подходящего к истории партии „со стороны". Но от этого прокурорски-разоблачительского подхода безнадежно пострадали методы „изучения" Октября, ибо прокурор неизбежно сбивается на доказательство при помощи чтения в сердцах косвенных улик, ссылок на „благонадежных", но уже не могущих взять слово свидетелей и т. п., т.-е. прибегает к способам не столько выясняющим,

сколько запутывающим дело. Начнем с примера, имеющего значение второстепенное, но тем не менее рельефно показывающего, как т. Троцкий „переворачивает“ историю октябрьского переворота. Этот пример—история апрельской демонстрации. „Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками „завершения демократической революции“ началась с первого же дня. Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг: „Долой временное правительство“. Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение Временного Правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма... Апрельская манифестация, взявшая „левее“, чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством... Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного Правительства“... Так пишет т. Троцкий. В его изложении: 1) вооруженная апрельская демонстрация является предметом острого столкновения Ленина со многими руководителями партии; 2) Ленин был за вооруженную апрельскую демонстрацию, бравшую „левее“ под лозунгом „долой Временное Правительство“, как за разведку, после которой снял этот лозунг; 3) позиция Ленина по отношению к апрельской демонстрации дала повод к обвинениям его „правым крылом“ в бланкизме.

Заглянем в документы. Вот статья Ленина в „Правде“ от 23 апреля—„Уроки кризиса“. Ленин заканчивает статью так: „Урок ясен, товарищи-рабочие. Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. *Все* силы отдайте делу просвещения отсталых... *Все* силы на собственное сплочение... *Не* давайте сбить себя ни мелкобуржуазным „соглашателям“ с капиталистами-оборонцами, сторонникам „поддержки“, *ни одиночкам, склонным торопиться и, раньше прочного сплочения большинства народа, восклицать: „Долой Временное Правительство!“. Кризиса нельзя изжить насилиями отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками „захвата власти“, „ареста“ Временного Правительства и т. д.* (Курсив наш). Лозунг дня: раз‘ясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата,

его путь к окончанию войны... Сплачивайтесь вокруг своих советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство".

В том же номере „Правды", в статье „Как запутывают ясный вопрос", Ленин, высмеивая искажение банковской газетой „День" истинной позиции большевиков, пишет: „Попытка взять власть была бы авантюрой или бланкизмом („Правда" особо, специально, точно, ясно, недвусмысленно предостерегала против этого), пока нет поддержки большинства народа. В России теперь такая свобода, что волю большинства можно определить составом советов раб. и солдатских деп.; значит, чтобы серьезно, не по-бланкистски, итти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри советов". Наконец, 25 апреля Ленин выступает со статьей „Неумное злорадство". „Рабочая газета" (меньшевистская),—пишет он,—злорадствует и пляшет по поводу последней резолюции ЦК (содержание резолюции совпадает с содержанием цитированной статьи Ленина—„Уроки кризиса". *Г. Сок.*), обнаружившей (в связи, между прочим, с напечатанным уже заявлением представителей большевистской фракции совета*) известные несогласия внутри нашей партии. Пусть злорадствуют и пляшут меньшевики. Нас это не смутит... Убедительно ли, что люди без организации, без партии с легким сердцем пляшут и играют по поводу обнаруженного недостатка в чужой организации... Нам нечего бояться правды.. Кризис обнаружил очень слабые попытки взять „чуточку полевее" нашего ЦК. Наш ЦК не согласился, и мы ни на минуту не сомневаемся, что согласие в нашей партии уже восстанавливается и притом добровольное, сознательное, самое полное". Итак, Ленин в апреле 1) против одиночек, склонных торопиться и восклицать „Долой временное правительство" раньше проч-

---

*) Это заявление, равно как и примечание к нему редакции, были напечатаны в „Правде" № 39. Приводим их полностью:

Вниманию товарищей.

Товарищи Лангевич (Лашевич? *Г. С.)*, Крымов и Марвин, уполномоченные большевистской фракции сов. раб. и солд. деп., просят нас заявить, что подавляющее большинство рабочих, участвовавших в манифестациях 20 и 21 апреля и несших плакаты: „Долой временное правительство", понимали этот лозунг исключительно в том смысле, что вся власть должна перейти к советам, и что рабочие хотят взять власть, лишь завоевав большинство в советах раб. и солд. деп. Данный состав совета выражает не вполне точно волю большинства рабочих и солдатских масс. Поэтому фракция большевиков считает резолюцию ЦК от 22 апреля неточно характеризующей положение дела в данный момент.

От редакции. Само собой разумеется, что вовсе не против организаторов массовых демонстраций направлена резолюция ЦК, и что при таком понимании указанного лозунга исключена всякая мысль о легкомыслии или авантюризме. Во всяком случае, громадной заслугой названных товарищей, как представителей организаторов манифестации, является мирный и внушительный массовый характер их. Они единственно организовали достойный отпор буржуазии, демонстрировавшей в пользу *своего* временного правительства.

ного сплочения большинства народа; 2) против бланкистских попыток и частичных выступлений маленьких групп вооруженных людей; 3) осуждает очень слабые попытки взять „чуточку левее“ ЦК, а раздувание меньшевиками этого очень слабого несогласия внутри нашей партии клеймит как „неумное злорадство“. Но с кем же было раздутое т. Троцким загадочное „острое столкновение“ по поводу апрельской демонстрации? Оно было, вопреки т. Троцкому, не с „правым крылом“ руководителей партии, а с небольшой группой питерских работников во главе с тогдашним секретарем ЦК тов. Богдатьевым. Эти товарищи взяли „чуточку полевее“ ЦК, и именно их осуждали и резолюция ЦК и статья Ленина, отвергавшая их выступление, как бланкистскую попытку „захвата власти“, „ареста“ Временного Правительства и т. д. Итак, тов. Троцкий, претендующий на „глубокий“ анализ, спутал все: 1) апрельская демонстрация не была предметом ни острого, ни какого-либо иного столкновения между Лениным и другими членами ЦК, 2) Ленин не был за направление демонстрации левее линии ЦК, 3) не Ленин был по случаю апрельской демонстрации обвинен „правым крылом“ в бланкизме, а Ленин; в связи с ошибками маленькой группки при проведении апрельской демонстрации, выступил против бланкистской тактики (прения на апрельской конференции ничего не меняют в этой картине). Как могла приключиться такая ошибка у тов. Троцкого, ошибка, соответствующая „истории“, как она писалась газетой „День“ и как она записана меньшевиком Сухановым, но стоящая в противоречии с действительной историей нашей партии? Именно потому, что он увлекается прокурорскими методами доказательства для заранее поставленной цели, что вместо точного анализа разногласий, колебаний, ошибок, вместо установления их подлинных пределов, изображения их в исторической связи с развитием ленинской линии, как отклонений в ту или другую сторону, но отклонений, тем или другим концом всегда примыкающих, при всей остроте расхождения, к основному стержню, большевизма, он пытается изобразить историю большевизма перед Октябрем, как борьбу двух партий, борющихся внутри одной партии.

Именно поэтому тов. Троцкому вопреки истории и приходится утверждать, что „расстановка фигур“ при октябрьском восстании была за несколько месяцев до того дана „расстановкой фигур“ во время апрельского похода т. Богдатьева и „индивидуалиста“ Линде на Мариинский дворец. Тов. Троцкому дозарезу нужно показать всю „закономерность“ разногласий, имевших место в Октябре. Именно поэтому у него „апрель“ предвосхищает „Октябрь“. В этой ошибке тов. Троцкого, и это

особенно важно, полностью отразились все специфические черты его „исследования“: очень плохая осведомленность, очень большое „злорадство“ и поход враждебно-настроенного „разоблачителя“.

Обратимся теперь к периоду сентябрь—октябрь. Излагая позицию Ленина и позицию ЦК партии со времени Демократического Совещания по день восстания, тов. Троцкий „искусно“ делит имевшие место расхождения между ЦК и Лениным на две категории: 1) те, где тов. Троцкий разделял предложения Ленина—в этих случаях по нынешнему изложению тов. Троцкого ЦК уклонялся на позицию правого крыла и впадал в „социал-демократизм“; 2) те, где тов. Троцкий разделял позицию ЦК и расходился с Лениным—в этих случаях тов. Троцкий готов „оправдать“ ЦК. Так, по поводу опротестования Петроградским Советом приказа Керенского о выводе части гарнизона на фронт, тов. Троцкий замечает: „Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении“. И там же: „Он (Ленин) не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после „тихого“ восстания столичного гарнизона к середине Октября“...

Искусное маневрирование разногласиями между ЦК и Лениным,—при чем дело представляется так, что ЦК прав тогда, когда согласен с тов. Троцким, а Ленин неправ тогда, когда не согласен с тов. Троцким,—имеет в виду представить ЦК партии перед Октябрем как учреждение, находящееся в плену у правого крыла и „принимающее“ восстание только после „настойчивого, неутомимого, непрерывного напора“ Ленина. Это не изложение, а искажение истории Октября. Конечно, „настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральный Комитет в течение сентября—октября“ напрягал энергию ЦК, ни на минуту не позволял забыть о задаче восстания, буквально электризовал ЦК и организации партии. Так именно действовал и не мог не действовать Ленин. Но ЦК, как непосредственный организатор восстания, ни на минуту не расходясь с боевыми директивами Ленина, должен был в то же время, точно оценивая ситуацию, выбирать формы, место, сроки восстания, обеспечивающего его победу. И участие в Демократическом Совещании и участие в Предпарламенте были проведены в значительной мере благодаря предостережениям Ленина против опасных уклонов так, что не дали тех отрицательных результатов, которые, конечно, были возможны и которых справедливо опасался Ленин, а позволили большевикам политически и организационно придвинуться к восстанию. Именно историк теперь может сказать это спокойно и беспристрастно.

Но если участие в Демократическом Совещании и Предпарламенте *) вызывало осуждение со стороны Ленина, то еще более резко характеризовал он политику ЦК с конца сентября до дня восстания—связывание восстания с созывом С‘езда Советов, что представлялось ему политикой ненужных „оттяжек“. Тов. Троцкий приводит эти отзывы Ленина: „У нас в ЦК и в верхах партии,—пишет Ленин 29 сентября,—есть течение или мнение за ожидание С‘езда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение“. В начале октября Ленин пишет: „*Медлить — преступление, ждать С‘езда Советов — ребяческая игра в формальность, вздорная игра в формальность, предательство революции*“ (курсив наш). В тезисах для петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: „Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на С‘езд Советов...“ Что же говорит т. Троцкий по поводу *такой* характеристики Лениным подготовки С‘езда Советов? Тов. Троцкий, с таким „злорадством“ ловящий всякое гневное замечание Ленина, брошенное по адресу того или иного большевика, „наивно“ игнорирующий в этих случаях тактический умысел Ленина, который скрыт за тем или иным выражением, и сознательный „перегиб палки“, если он может раздуть его в указание на „кризис партии“, как он оценивает тут ленинскую оценку, попадающую в план ЦК, с которым был согласен и т. Троцкий? Тов Троцкий на этот раз не принимается за вдохновенные доказательства того, что „предательство революции“ и „конституционные иллюзии“ ведут прямо к буржуазному парламентаризму и т. п. Тов. Троцкий не спешит, ухватившись крючкотворски за буквальный смысл ленинской фразы, „записаться“ сам в социал-демократы: обвинения, попадающие *в него* самого, он расценивает уже *не как злопыхательствующий разоблачитель, а как политик.* В других случаях он находит этот метод „излишним“. Он начинает со скромного замечания: „Все

*) По поводу Демократического Совещания Ленин в статье „О героях подлога“, напечатанной в „Рабочем Пути“ 24 сент., писал: „Участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое же оправдание, как участие наше в III думе: и в „хлеву“ надо отстаивать наше дело, и из „хлева“ давать разоблачающий материал в поучение народа“. Иначе оценивает он участие в письме, датированном 22 сент., но писанном, повидимому, позднее статьи: „Надо было бойкотировать Демокр. Сов., *мы все ошиблись, не сделав этого, ошибка в фальшь не ставится. Ошибку мы поправим, было бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс*“... Таковы были два варианта Ленина по поводу участия в Демокр. Совещании. Это не мешает бесцеремонному автору примечаний к книге тов Троцкого утверждать „Ленин в разногласиях по вопросу об участии в демократическом совещании и бойкоте Предпарламента самым категорическим образом поддерживал бойкотистов“. Послушайте, тов. примечатель: можно.. „примечать“, но все же надо знать и меру! И за такие-то „примечания“ берет на себя ответственность тов. Троцкий! Под таким „соусом“ подается история Октября! Впрочем, все это неудивительно, поскольку сам тов. Троцкий взял совершенно ложный, *не-ленинский тон* по вопросу об октябрьских ошибках нескольких большевиков.

эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента". После чего основательно доказывает, что конкретный план восстания, проводившийся ЦК, был далеко не плох. Впрочем, т. Троцкий несомненно впадает в преувеличение, когда изображает гибельные последствия, которые мог бы иметь план начала восстания в Москве, о котором говаривал Ленин. Напрасно, совершенно напрасно, т. Троцкий изображает дело так, как будто *Ленин чуть не погубил успех восстания* неудачным планом назначения начала восстания в Москве! К чему это? Вряд ли имеет смысл гадать теперь о том, как вел бы подготовку восстания Ленин, если бы не должен был скрываться от ищеек Керенского. Вряд ли имеет смысл разбирать теперь вопрос о том, могло ли восстание успешно быть проведено месяцем раньше.*)

Бесспорно только одно: ленинская критика участия большевиков в Демократическом Совещании и Предпарламенте полностью увязана с рисовавшимся им планом восстания, осуществляемым вне зависимости от С'езда Советов; тактика Центр. Комитета в отношении Демокр. Совещания, и не столько „вхождения", сколько „прохождения" через Предпарламент (вхождение для действительного „участия" в Предпарламенте, конечно, было бы опасной ошибкой, но эта ошибка вовсе не была сделана), увязана с планом провозглашения советской власти на С'езде Советов и обеспечения этой власти одновременно путем вооруженного свержения правительства Керенского (конечно, весь „нажим" Ленина против возможной опасности „конституционных иллюзий" и подмены задачи захвата власти задачей получения большинства на С'езде Советов был архи-нужен и полезен); тов. Троцкий в свое время поместился посредине между этими двумя вариантами повстанческой стратегии, конечно, не заключавшими в себе ничего, кроме чисто деловых, не прин-

*) И опять-таки тов. Троцкий неточно передает ленинскую постановку вопроса о сроках восстания. Тов. Троцкий пишет: „В сентябре, в дни Демократического Совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию". Нет, Ленин гораздо осторожнее формулировал свое „требование". Как, в самом деле, заканчивает Ленин знаменитый абзац об окружении Александрийки, занятии Петропавловки, ареста генер. штаба и правительства и т. д. в письме в ЦК, писанном в дни Демокр. Совещания? Предлагал ли он в самом деле немедленный захват Александрийки и т. д.? Ленин заканчивает свою „деловую программу" восстания следующей фразой: „Это все примерно конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, но относясь к восстанию, как к искусству". В другом письме в ЦК, писанном в те же дни, Ленин говорит уже вполне ясно: „Вопрос идет не о „дне" восстания, не о „моменте" его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массой... Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати".

ципиальных расхождений. Тов. Троцкий пытается теперь использовать выгоды этого среднего положения, *представляя в двусмысленном виде и ЦК и Ленина.* На самом деле именно сочетание ленинского принципиального руководства партией и конкретного руководства по подготовке восстания со стороны ЦК и петроградского и московского комитетов обеспечило победу Октября, несмотря на ошибки отдельных виднейших большевиков. Еще и еще раз: ЦК и Ленин были едины, буквоедские попытки противопоставить их—смешны; ЦК не имел иной „линии“, кроме „линии“ Ленина. Но именно это глубочайшее единство, которое выражало собой единство Ленина и партии, позволяло ЦК вовсе не рассматривать Ленина, как противостоящую ЦК инстанцию, каждое „распоряжение“ которой подлежит буквальному исполнению. Именно в порядке этого глубочайшего *единства и сотрудничества* ЦК претворял политическое руководство Ленина в практическую работу партии. Не было бы подлинного единства, если бы не было этого сотрудничества внутри ЦК между Лениным и прочими членами ЦК (в том числе и тов. Троцким, который в те дни умел работать, как член коллектива).

Здесь полезно восстановить для истории и для правильной характеристики отношений ЦК и Ленина ряд „расхождений“, имевших место между Лениным и ЦК в период между июлем и октябрем. Ленин после июльских дней предложил совершенно снять лозунг „власть советам“ до захвата власти и создания *тогда* новых, революционных советов. В этой категорической форме предложение Ленина не было принято. Корниловский заговор, давший вновь возможность большевикам начать с успехом работу за завоевание большинства в советах, подтвердили справедливость более осторожной линии ЦК, с которой затем согласился и Ленин. В связи с этим было и другое расхождение: Ленин советовал переводить партийный аппарат на нелегальное положение, готовиться к изданию нелегальной газеты, не верил в возможность дальнейшего сохранения легального органа ЦК в Петрограде. Между тем, ЦК решил сохранять открытую организацию и легальную печать, конечно, во всех нужных случаях комбинируя „легальность“ и „конспирацию“. VI с‘езд партии удалось провести вскоре после июльских дней в Петрограде с минимальными, конспиративными предосторожностями. Контр революция не была еще настолько организована и сплочена, чтобы иметь возможность в самом деле раздавить нашу прессу и организацию. Орган ЦК запрещался под одним заглавием, но вновь начинал выходить под другим и т. д. В корниловские дни Ленин выступил со статьей

„О компромиссах“. Редакция Ц. О. высказалась против помещения статьи, считая, что обстановка не дает оснований для предложения „компромисса“. Ленин настоял на помещении статьи—она была напечатана в „Рабочем Пути“ через два дня; конечно, в этом случае прав был Ленин, а не редакция Ц. О, желавшая взять „чуточку левее“ Ленина. В чем же состоял бы компромисс, условно предлагавшийся Лениным? Ленин писал: „Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), *отказались бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование* (курсив наш). Условием, само собой разумеющимся, и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы *полная свобода агитации и созыва учредительного собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок*“. Это предлагал Ленин. Этот тактический ход он делал 3-го сентября 1917 года. Обо всем этом у тов. Троцкого—ни словечка. Между тем, тот, кто хочет дать подлинную картину большевизма перед Октябрем и в дни Октября, не может пройти мимо статьи „О компромиссах“. Без ее учета—нет картины ленинской тактики, без ее учета—непонятен истинный характер колебания Зиновьева—Каменева, непонятно отношение Ленина к партии, к их колебаниям. Тот, кто хочет не раз‘яснения, а запутывания, действительно должен замалчивать статью Ленина „О компромиссах“. К сожалению, так и поступил тов. Троцкий.

Эти беглые замечания не претендуют, конечно, ни в какой мере на то, чтобы осветить „общую картину Октябрьского переворота“. Их задачей является—показать всю придуманность „схемы“ тов. Троцкого, наметить действительные отношения в партии перед Октябрем, такими, какими они были. У т. Троцкого все идет по прямой линии, проведенной по линейке: но факты нельзя выстроить в шеренгу, как солдат на параде. Отсюда явные ошибки, противоречия, крупные искажения, которыми пестрит „исследование“ тов. Троцкого. В живой действительности все было иначе: Ленин вместе с ЦК, вместе с основными большевистскими кадрами, маневрировал в сложнейшей и круто меняющейся обстановке; и Ленину и другим случалось ошибаться (конечно, ленинские „ошибки“ были особого характера), нащупывая путь, и признавать свои ошибки; *на крутых поворотах: одни отставали, другие забегали вперед; но фронт неизменно выравнивался в короткий срок.* Пройти без разно-

гласий, без уклонений, без ошибок путь от Февраля до Октября никакая политическая партия не могла бы. Большевистская партия прошла этот путь дружнее, чем прошла бы его всякая иная партия. Конечно, партия не действовала в безвоздушном пространстве. Она претерпевала давление смежных классов и слоев. В известной мере она обязательно должна была с ними считаться, к ним приспособлять свою тактику. В свою очередь, она стремилась подчинить их своему руководству. Когда уступить и выждать, до каких пор выжидать, до каких пределов уступать? Эти вопросы не существовали и не существуют только для тех, кто воображает, что в политике, как в геометрии, прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Ленин, в противоположность подобным политикам, маневрировал, шел в обход, отступал—и бросался в бешеное наступление. Разногласия среди большевиков в 1917 году могут быть представлены как борьба двух партий в одной партии только при нарочитом подходе, естественном только для „историка", судящего о партии „со стороны". Если бы был прав тов. Троцкий в своем суждении о внутренних разногласиях среди большевиков, если бы были две партии в одной партии, то разногласия обязательно приводили бы к кризисам внутри партии, т.-е. к таким кризисам, в которых организации раскалывались бы между собой или с ЦК. Но именно этого-то и не было в 1917 году. Разногласия весной 1918 года в связи с Брестским миром гораздо сильнее задели партию, чем октябрьские разногласия, промелькнувшие на верхах. Если теперь тов. Троцкий поставил октябрьские ошибки нескольких большевиков *в центре* своего „изучения Октября", *то он тем самым* осудил свою попытку „изучения" на полную неудачу.

Но, наконец, в чем состоят „уроки", извлеченные тов. Троцким из „изучения Октября"? Увы, он не формулирует выводов. Почему же? Да потому, что эти „выводы" таковы, что автору, пожалуй, даже самому неловко их „формулировать"! Поэтому все сводится к намекам на необходимость такого „руководящего персонала", который бы не „дрейфил", и к усиленному обстрелу „химическими" снарядами нынешнего партийного руководства под прикрытием белого флага „изучения Октября". Но это вовсе не новый урок, а „повторение пройденного", зады прошлогодней „дискуссии". И так как это „пройденное" у всех еще вполне свежо в памяти и ни у кого нет охоты еще раз „повторять пройденное", то поистине напрасно тов. Троцкий поддается „неведомой силе", которая вновь и вновь влечет его к „грустным берегам" дискуссионных потоков!

Комсомол и Октябрь*).

Основой большевистского воспитания молодежи является изучение истории партии. Молодое поколение нашей партии только в том случае станет подлинно большевистским, комсомол только в том случае оправдает название ленинского, если сумеет правильно, т.-е. в духе ленинского учения, понять и усвоить боевой опыт прошлой революционной борьбы. История ценна для нас именно тем, что она служит арсеналом, откуда берется оружие для будущей борьбы. Ложное изображение партийного прошлого, извлечение неправильных уроков из прежнего опыта может повлечь за собой—и неминуемо повлечет—ложные выводы для настоящего и будущего. Чем важнее эпоха, о которой идет речь, тем большее значение приобретает правильный, т.-е. большевистский, подход к ней.

В „Уроках Октября",—введении, которым тов. Троцкий снабдил свою недавно вышедшую в свет книгу „1917", —дается, по нашему мнению, неправильный и политически глубоко-вредный подход к одному из важнейших моментов в истории нашей партии—к октябрьскому перевороту. Но „Уроки Октября" является продолжением целой цепи ошибок и извращений, которыми сопровождается у тов. Троцкого в ряде его прежних книг, статей и устных выступлений изложение и других этапов в борьбе нашей партии. С другой стороны, тов. Троцкий в своем последнем произведении подошел к вопросу не только с исторической стороны, но и наметил в вопросах международного коммунистического движения свою политическую платформу, резко расходящуюся с позицией руководящих учреждений партии и последнего конгресса Коминтерна. Поэтому центральный комитет РЛКСМ не может пройти мимо указанного выступления тов. Троцкого и считает долгом открыто высказать свое отношение к нему.

Мы привыкли считать основой всех основ для каждого большевика уважение и преданность к партии, как к целому как к боевому коллективу. Ленин, имя которого с гордостью носит наш союз, и партия сливаются для нас воедино. Ленин никогда не ставил себя над партией. Он шел впереди. Он ви-

*) Центральный Комитет, Московский Комитет и Ленинградский Комитет РЛКСМ по поводу „Уроков Октября" тов. Троцкого.

дел дальше всех. Но Ленин был именно вождем партии, ее первым и лучшим солдатом, ее знаменосцем. Ленина нельзя отделить от партии и партию нельзя отделить от Ленина.

В этом духе под руководством Ленина воспитывался комсомол. И поэтому мы не можем не выступить с протестом против того изображения большевистской партии и ее роли в октябрьском восстании, которое тов. Троцкий дает в своих „Уроках Октября".

Большевистская партия, руководительница октябрьского переворота, отсутствует в картине, нарисованной тов. Троцким. Где Центральный Комитет, руководивший борьбой против Корнилова, подготовивший и организовавший восстание? Где Петербургский Комитет? Где районы Питера, проведение агитационной, организационной, боевой работы на фабриках, на заводах, в воинских частях? Где московская организация? Где партийная масса, сплотившаяся вокруг Ленина, поддержавшая его линию без тени сомнений и колебаний? Всего этого нет, либо все это стоит на третьем плане. Вместо партии на авансцене отдельные вожди.

Зато тщательно вспоминаются, перебираются, нанизываются одна на другую и выстраиваются в стройные колонны, чтобы создать картину „правой фракции", борющейся против Ленина, все ошибки, сделанные когда-либо на протяжении 8 месяцев революции кем-либо из ближайших учеников Ленина, кем-либо из старого большевистского ядра.

Зато старательно выпячиваются и подчеркиваются моменты, могущие уронить партию, как целое, в глазах читателя, не пережившего Октября и недостаточно знакомого с литературой о нем. Большинство большевистской фракции в демократическом совещании стало на ложную позицию, высказавшись за участие в Предпарламенте. Тов. Троцкий так повествует об этом факте: „Фракция демократического совещания, насчитывавшая свыше 100 человек, ничем не отличалась, особенно по тем временам, от партийного с'езда". Зачем понадобилось тов. Троцкому приравнивать фракцию демократического совещания к партийному с'езду? Это противоречит истине, потому что подлинные с'езды партий, имевшие право говорить от ее имени (апрельская конференция, VI с'езд), целиком и полностью встали на позицию Ленина. Это может иметь только тот смысл, что роняет партию в целом, возвеличивая отдельных „спасителей".

Партии нет, вместо партии действуют вожди. Ленин издалека дает советы и то не без ошибок в практических вопросах (о сроке восстания, о „советской легальности", о начале восстания в Москве). А борьбой руководят, помимо партии и

иногда вопреки ей, отдельные вожди, и в первую голову сам тов. Троцкий.

Тов. Троцкий сбрасывает партию со счетов борьбы и доходит до прямого поклепа на большевистскую партию. Комсомол, в котором еще сохранилось ядро, принимавшее участие в октябрьских боях, должен отвергнуть такое изображение Октября, ибо Октябрь был делом всей партии с Лениным во главе.

Тов. Троцкий выступает в чрезвычайно резкой форме против ошибок т.т. Зиновьева и Каменева, сделанных ими в Октябре. Ошибки эти всем известны и давно уже признаны и исправлены самими ошибавшимися товарищами. Всякому, кто сколько-нибудь знает историю большевистской партии, очевидно, что временные октябрьские ошибки этих товарищей тонут в их работе и заслугах в течение двух десятков лет и до, и после Октября. Общеизвестно также и то, что тов. Ленин оценивал работу этих товарищей и значение совершенных ими ошибок. В своем письме к итальянским коммунистам в 1920 г. он писал:

„Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свои ошибки и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты".

Само собой разумеется, что этих ошибок и колебаний нельзя выбросить из истории Октябрьского переворота. Однако, достаточно прочесть „Уроки Октября", чтобы убедиться, что здесь дело идет не об об'ективном изложении прошлых ошибок, а об архирезкой полемике против двух занимающих в нашей партии руководящие посты товарищей—полемике, которую тов. Троцкий ведет сейчас в связи со *старыми*, давно исправленными ошибками, и которая по существу является не чем иным, как попыткой после поражения в партийной дискуссии использовать старые споры для того, чтобы добиваться изменения политики нынешнего дня.

Тов. Троцкий не только находит резкое выражение для квалификации действительных ошибок. Он преувеличивает и раздувает ошибки. Так, например, приведя из октябрьского письма т.т. Каменева и Зиновьева фразу: „Учредительное собрание и советы—вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем", он замечает:

„Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правых, что теория „комбинированной" государствен-

ности, сочетающей учредительное собрание с советами, была $1^1/_2$—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат".

Мы не знаем большего оскорбления для членов коммунистической партии, чем сравнение с прожженным социал-прохвостом Гильфердингом. Но т. Троцкий позабыл о том, что писал Ленин 6 октября 1917 года:

„Возможны при переходе от старого к новому временные „комбинированные типы" (как справедливо указал „Рабочий Путь" *) на-днях), например и республика советов и учредительное собрание" (XIV, 2 ч., 167).

Отсюда следует, во-первых, что еще накануне восстания и Ленин, и весь Центральный Комитет партии („Рабочий Путь") еще признавали возможным временное сочетание учредительного собрания с советами, во вторых, что говорить о „комбинированном типе" государства до нашего Октябрьского переворота совсем не то же, что говорить о нем после опыта пролетарской диктатуры в России и, в-третьих, что следует быть .. поосторожнее в сравнениях.

Ошибки, признанные и исправленные, для партии не опасны. Вот почему Ленин и писал, что о них „неправильно вспоминать". Но прошлые ошибки превращаются в опасность для сегодняшней борьбы, если на них настаивают или если их затушевывают.

Тов. Троцкий призывает к изучению Октября. Но Октябрь неразрывно связан со всей предшествующей и последующей историей партии. Тов. Троцкий в своих различных выступлениях не освещает пути своих неоднократных разногласий с Лениным и даже прямой борьбы против Ленина, а либо отрицает, либо прикрывает свои старые ошибки. Тов. Троцкий расходился с Лениным в вопросе о роли крестьянства в первой русской революции 1905 г. и в вопросе „перманентной революции". Признал ли тов. Троцкий правоту Ленина? Нет, напротив, он говорил об „идейном перевооружении", якобы совершенном большевизмом в 1917 г., т.-е. о том, что Ленин пришел к позиции Троцкого, а не наоборот. В „Уроках Октября" он, по сути дела, повторяет и развивает те же взгляды. Тов. Троцкий расходился с Лениным во время войны в ряде коренных вопросов. Признал ли он в этом правоту Ленина? Нет, он нигде, ни одним словом не заикается об отказе

*) „Рабочий Путь", выходивший вместо закрытой „Правды", был в то время центральным органом партии. А статья-то, на которую ссылается тов. Ленин, к неудовольствию тов. Троцкого, принадлежала тов. Зиновьеву.

от прежних взглядов, ограничиваясь утверждением, что февральская революция ликвидировала старые разногласия. А между тем как раз по основному вопросу—о единстве с социал-шовинистами и центристами— Ленин в своих недавно опубликованных письмах из-за границы, написанных после февральского переворота, особо предостерегал партию от позиции тов. Троцкого. Тов. Троцкий совершил крупнейшую ошибку во время брест-литовских переговоров. В своей книге „О Ленине" он вместо того, чтобы с большевистским мужеством признать ошибку, пытается задрапировать и смягчить ее рассуждениями о том, что в варшавском походе Ленин сделал ту же ошибку, только „с меньшей степенью риска". Тов. Троцкий крупнейшим образом разошелся с Лениным в 1921 г. по вопросу о профсоюзах и выступил с дискуссией против Ленина и всего ленинского ядра, Центрального Комитета и профсоюзов. Всякий, кто прочтет протоколы X и XI с'ездов партии, увидит, что тов. Троцкий и эту свою ошибку прикрывает и обходит. Наконец, тов. Троцкий выступил в конце 1923 г. и начале 1924 г. в роли вождя мелкобуржуазной, анти-ленинской оппозиции внутри РКП. У всех еще в памяти его заявление на XIII с'езде партии с отказом признать свою ошибку, несмотря на то, что целый ряд фактов опроверг все основные утверждения оппозиции.

Тов. Троцкий, оправдывает и затушевывает свои прежние ошибки, т. Троцкий искажает историю и уроки Октября. Поэтому мы вынуждены заявить: тов. Троцкий мешает молодежи правильно понять историю партии. Статьи и выступления тов. Троцкого, посвященные прошлому нашей партии,—препятствие в деле большевистского воспитания молодежи.

Каков же политический смысл выступления тов. Троцкого? Он выявляется в той платформе по международным вопросам, которую тов. Троцкий развивает и в своих последних речах, и в „Уроках Октября". По сути дела, это правая платформа. Расчет на длительную и относительно прочную демократически пацифистскую эру, отодвигание германской революции и пр. сближают тов. Троцкого с правым крылом Коминтерна. Но оппортунистические элементы внутри Коммунистического Интернационала совместно с мелкобуржуазной „оппозицией" внутри самой нашей партии ведут атаку против старой гвардии большевизма, против ее руководства в рядах РКП и Коминтерна. И тов. Троцкий приходит им на помощь, обеляя свои прошлые ошибки и оппортунистические уклоны, искажая прошлое партии и подрывая доверие к старым кадрам большевизма в своих „Уроках Октября". Тов. Троцкий использует левую позицию 1917 г. для того, чтобы протянуть руку оппортунистам в 1924 году.

Мы принимаем призыв тов. Троцкого „изучайте Октябрь“. Этот призыв относится, естественно, в первую очередь к тому поколению, котсрое через Октябрь не прошло, но которому суждено довести дело Октября до конца. Но коммунистическая молодежь должна изучать Октябрь во всем об‘еме: в его подготовке, совершении и продолжении. Она должна изучать опыт Октября, в тесной связи со всей историей большевистской партии. История октября нуждается, конечно, в дальнейшей разработке. Но лучшим источником для его понимания является и останется все то, что написано тов. Лениным.

И мы вместе с тем против такого „изучения Октября“, которое приводит к его искажению и к подготовке правой политической платформы против линии, взятой нашей партией и всем Коминтерном. *По-ленински* понять всю нашу партийную историю и, в частности, ее октябрьские страницы—вот наша задача. Но ни прежние выступления тов. Троцкого, ни его новая книга не могут служить нам проводником на этом пути.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

РЕЗОЛЮЦИИ

(по поводу выступления тов. Троцкого).

МК с активными работниками.

Заслушав доклад тов. Каменева, собрание МК и активных работников, обсудив выступление тов. Троцкого со статьей „Уроки Октября“, считает своим партийным долгом заявить свое убеждение, что это выступление является грубым извращением истории большевизма и истории Октябрьской революции. Собрание не может не выдержать своего негодования, в особенности по поводу извращения тов. Троцким истинных отношений между тов. Лениным, с одной стороны, и партией и ЦК—с другой. Этого извращения тов. Троцкий добивается не только неправильным, противоречащим фактам партийной истории изложением событий, но и извращением идейного содержания большевизма, вводя в заблуждение партию, Коминтерн и всю страну насчет отношений Ленина и ЦК в период Октября.

Будучи по своему идейному содержанию попыткой подменить ленинизм троцкизмом (который является не чем иным, как одним из видов меньшевизма), статья тов. Троцкого является продолжением зимней дискуссии, продолжением начатой тов. Троцким борьбы против руководящих учреждений партии и Коминтерна.

Собрание не может не видеть в этом выступлении—и по содержанию и по форме—нарушения со стороны тов. Троцкого обещаний, данных им XIII с‘езду, и подрыва единства партии.

Своим выступлением тов. Троцкий вновь ставит партию перед опасностью дискуссии, которую совещание считает абсолютно нежелательной и вредной в данный момент.

Партия не хочет дискуссий, но она, несомненно, хочет и добьется того, чтобы извращению большевизма был дан решительный отпор.

Собрание, поэтому, обращается к ЦК с просьбой обсудить весь вопрос на ближайшем пленуме ЦК и

а) принять решительные и исчерпывающие меры к тому, чтобы под флагом партии не извращались основные идеи большевизма, история партии и история революции,

б) принять меры к широкому распространению среди членов партии правильных сведений об истории нашей партии, ее борьбы с троцкизмом, действительной истории Октября и пр.

Ленинградского губкома РКП(б).

Прошлогодняя дискуссия, вызванная нападением тов. Троцкого на ЦК партии, закончилась единодушным голосованием XIII партс'езда, которому тов. Троцкий обещал лойяльно подчиниться.

Прошло самое короткое время и тов. Троцкий выступает не только против решений РКП, но и против решений Коминтерна, заняв свою особую, оппортунистическую позицию в коренных вопросах международной политики.

Вслед за тем тов. Троцкий выступил с книгой, посвященной тов. Ленину, в которой ревизия ленинизма проводится под флагом „ленинизма".

И, наконец, теперь тов. Троцкий выступил с „Уроками Октября"—книгой, которую ленинградский губком оценивает следующим образом:

Поскольку книга эта излагает историю борьбы внутри партии вообще, она стремится подменить ленинизм троцкизмом, который всегда расценивался тов. Лениным и всеми большевиками, как разновидность меньшевизма. Поскольку книга трактует непосредственно октябрьское восстание, она подменяет роль партии ролью личностей, искажает действительные взаимоотношения ЦК с тов. Лениным, пытается поставить тов. Троцкого (который ко времени октября был в партии большевиков только 2 месяца) над партией. Действительное же назначение книги, ее актуальная цель—возобновить прошлогоднее трясение партии во имя личных или фракционных взглядов тов. Троцкого, ослабить авторитет ЦК партии и ее основных кадров вообще.

Ленинградский губком полагает, что возобновление дискуссии в ее прошлогодних формах и размерах *недопустимо*. Перед партией непочатый край положительной работы. Рабочие не хотят таких дискуссий.

Отвергая такую дискуссию, партия, однако, сумеет дать отпор тем, кто посягает на основы ленинизма, сумеет обеспечить подлинный ленинский характер нашей партии.

Ленинградский губком просит ЦК партии:

1) поставить вопрос о новом дезорганизаторском выступлении тов. Троцкого на ближайшем пленуме ЦК и принять все те меры, которые, наконец, гарантировали бы партии подчинение тов. Троцкого решениям партии не на словах, а на деле;

2) провести всюду, где это необходимо, широкую раз'яснительно-пропагандистскую работу по выяснению анти-большевистских сторон троцкизма вообще, последних выступлений тов. Троцкого в частности.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Л. ТРОЦКИЙ.

УРОКИ ОКТЯБРЯ*)

(Вместо введения).

Нужно изучать Октябрь.

Если нам повезло в Октябрьской революции, то Октябрьской Революции не повезло в нашей печати. До сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты. Более того, даже сырые материалы, непосредственно характеризующие отдельные стороны подготовки переворота, или самого переворота—и притом важнейшие документы,—не изданы до сих пор. Мы много издаем историко-революционных и историко-партийных документов и материалов, относящихся к до-октябрьскому периоду, мы немало издаем материалов по-октябрьской эпохе. Но Октябрю уделяется гораздо меньшее внимание. Совершив переворот, мы как бы решили, что повторять его нам все равно не придется. От изучения Октября, условий его непосредственной подготовки, его совершения, первых недель его закрепления мы как бы не ждали прямой и непосредственной пользы для неотложных задач дальнейшего строительства.

Однако, такая оценка, хотя бы и полусознательная, представляется глубоко ошибочной, да к тому же еще и национально-ограниченной. Если нам не предстоит более повторять опыт Октябрьской Революции, то это вовсе не значит, что нам нечему учиться на этом опыте. Мы—часть Интернационала, а пролетариат всех других стран только еще стоит перед разрешением своей „октябрьской“ задачи. И мы имели за последний год достаточно убедительные доказательства того, что наш октябрьский опыт не только не вошел в плоть и кровь хотя бы только наиболее зрелых коммунистических партий Запада, но и прямо-таки неизвестен им с фактической стороны.

Можно, правда, указать на то, что нельзя изучать Октябрь и даже издавать октябрьские материалы, не вороша при этом старые разногласия. Но такой подход к вопросу был бы

*) Из книги „1917 г.“ III том собр. соч. Л. Троцкого.

слишком уж ничтожным. Разумеется, разногласия 1917 г. были очень глубоки и отнюдь не случайны. Но было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался. Еще недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение.

Мы имели в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям доктринерски-фаталистического характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июньского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок. Болгарская революция должна была явиться вступлением к немецкой революции. К несчастью, дурное болгарское вступление нашло еще худшее развитие в самой Германии. Мы наблюдали там во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения. Опять-таки, ни болгарский, ни даже германский опыты прошлого года до сих пор не нашли достаточно полной и конкретной оценки. Автор этих строк дал общую схему развития немецких событий в прошлом году (см. книжку „Восток и Запад", в главах „На повороте" и „Через какой этап мы проходим"). Все, что произошло с того времени, целиком и полностью подтвердило эту схему. Никакого другого об'яснения никто другой не пытался представить. Но схемы нам мало, нам необходима конкретная, насыщенная фактическим материалом картина развития прошлогодних немецких событий, которая выяснила бы во всей конкретности причины жесточайшего исторического поражения.

Но трудно говорить об анализе событий в Болгарии и в Германии, когда мы до сих пор не дали политически и тактически проработанной картины Октябрьского переворота. Мы сами для себя не уяснили того, что совершили и как совершили. После Октября казалось сгоряча, что события в Европе развернутся сами собой и притом в такой короткий срок, который не оставит времени для теоретического усвоения октябрьских уроков. Но оказалось, что при отсутствии партии, способной руководить пролетарским переворотом, самый этот переворот становится невозможным. Стихийным восстанием пролетариат не может взять власть: даже в высоко-индустриальной и высоко-культурной Германии стихийное восстание трудящихся

(в ноябре 1918 года) оказалось способно лишь передать власть в руки буржуазии. Имущий класс способен овладеть властью, выбитой из рук другого имущего класса, опираясь на свои богатства, на свою „культурность", на свои неисчислимые связи со старым государственным аппаратом. Пролетариату же ничто не может заменить его партии. С середины 1921 года только и начинается по-настоящему период оформленного строительства коммунистических партий (борьба за „массы", „единый фронт" и пр.). „Октябрьские" задачи отодвинулись. Вместе с тем отодвинулось и изучение Октября. Прошлый год снова поставил нас лицом к лицу с задачами пролетарского переворота. Пора собрать все документы, издать все материалы и приступить к их изучению!

Разумеется, мы знаем, что каждый народ, каждый класс и даже каждая партия учатся, главным образом, на собственной спине. Но это вовсе не значит, что опыт других стран, классов и партий имеет маловажное значение. Без изучения Великой Французской Революции, революции 48 года и Парижской Коммуны мы никогда бы не совершили Октябрьского переворота, даже имея опыт 1905 года: ведь и этот наш „национальный" опыт мы проделывали, опираясь на выводы прежних революций и продолжая их историческую линию. А затем весь период контр-революции был заполнен изучением уроков и выводов 1905 года. Между тем, в отношении победоносной революции 1917 года нами не проделано такой работы, хотя бы и в одной десятой части. Конечно, мы живем не в годы реакции и не в эмиграции. Зато и силы и средства, какими мы располагаем ныне, не идут ни в какое сравнение с теми тяжкими годами. Надо лишь ясно и отчетливо поставить задачу изучения Октябрьской Революции как в партийном масштабе, так и в масштабе всего Интернационала. Надо, чтобы вся партия и особенно ее молодые поколения проработали шаг за шагом опыт Октября, который дал величайшую, неоспоримую, безапелляционную проверку прошлого и открыл широкие двери будущему. Прошлогодний немецкий урок является не только серьезным напоминанием, но и грозным предостережением.

Можно, правда, сказать, что и самое серьезное знакомство с ходом Октябрьского переворота еще не давало бы гарантий победы нашей немецкой партии. Но такого рода огульное и по существу филистерское резонерство не способно ни на шаг подвинуть нас вперед. Конечно, одного изучения Октябрьской Революции недостаточно для победы в других странах; но могут быть условия, когда все предпосылки для революции налицо, кроме дальнозоркого и решительного партийного руководства, основанного

на понимании законов и методов революции. Таково именно было положение в прошлом году в Германии. Оно может повториться и в других странах. Для изучения же законов и методов пролетарской революции нет до настоящего времени более важного и глубокого источника, как наш октябрьский опыт. Руководители европейских коммунистических партий, которые не проработали бы критически и притом во всей конкретности историю Октябрьского переворота, походили бы на военачальника, который, готовясь в нынешних условиях к новым войнам, не изучал бы стратегического, тактического и технического опыта последней империалистской войны. Такой военачальник неизбежно обрек бы в будущем свои армии на поражение.

Основным инструментом пролетарского переворота служит партия. На основании нашего опыта, взятого хотя бы только на протяжении года (от февраля 1917 до февраля 1918), и на основании дополнительного опыта в Финляндии, Венгрии, Италии, Болгарии, Германии можно установить, почти что в качестве непреложного закона, неизбежность партийного кризиса при переходе от подготовительной революционной работы к непосредственной борьбе за власть. Кризисы внутри партии, вообще говоря, возникают на каждом серьезном повороте партийного пути, как преддверие поворота или как его последствие. Об'ясняется это тем, что каждый период в развитии партии имеет свои особые черты и пред'являет спрос на определенные навыки и методы работы. Тактический поворот означает большую или меньшую ломку этих навыков и методов: здесь непосредственный и ближайший корень внутрипартийных трений и кризисов. „Слишком часто бывало, писал Ленин в июле 1917 г.,—что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл „внезапно" настолько же, насколько „внезапен" был крутой поворот истории" (т. XIV, ч. 2, стр. 12). Отсюда вырастает опасность: если поворот слишком крут или слишком внезапен, а предшествующий период накопил слишком много элементов инерции и консерватизма в руководящих органах партии, партия оказывается неспособной осуществить свое руководство в наиболее ответственный момент, к которому она готовилась в течение годов или десятилетий. Партия раз'едается кризисом, а движение идет мимо нее—к поражению.

Революционная партия находится под давлением других политических сил. В каждый данный период своего развития она вырабатывает свои способы противодействия и отпора им. При тактическом повороте и связанных с этим внутренних пере-

группировках и трениях, сила сопротивляемости партии ослабевает. Отсюда постоянная возможность того, что внутренние группировки в партии, вырастающие из необходимости тактического поворота, могут далеко перерасти свои исходные пункты и послужить опорой для различных классовых тенденций. Проще сказать: партия, которая не идет в ногу с историческими задачами своего класса, становится или рискует стать косвенным орудием других классов.

Если сказанное выше верно в отношении каждого серьезного тактического поворота, то оно тем более верно в отношении больших стратегических поворотов. Под тактикой в политике, по аналогии с военным делом, мы понимаем искусство ведения отдельных операций; под стратегией—искусство побеждать, т.-е. овладеть властью. Этого различения мы не делали обыкновенно до войны, в эпоху Второго Интернационала, ограничиваясь только понятием социал-демократической тактики. И это не случайно: у социал-демократии была парламентская тактика, профессиональная, муниципальная, кооперативная и пр. Вопрос же о сочетании всех сил и средств—всех родов войск—для одержания победы над врагом, по существу, и не ставился в эпоху Второго Интернационала, поскольку не ставилась практически задача борьбы за власть. Только революция 1905 г. выдвинула впервые, после большого перерыва, основные или стратегические вопросы пролетарской борьбы. Этим самым она обеспечила огромные преимущества за русскими революционными социал-демократами, т. е. за большевиками. Большая эпоха революционной стратегии начинается с 1917 г., сперва для России, а затем и для всей Европы. Стратегия, разумеется, не устраняет тактики: вопросы профессионального движения, парламентской деятельности и пр. не сходят с нашего поля зрения, но получают ныне новое значение, как подчиненные методы комбинированной борьбы за власть. Тактика подчиняется стратегии.

Если тактические повороты ведут обыкновенно к внутренним трениям в партии, то насколько же сильнее и глубже должны быть трения, вызываемые стратегическим поворотом! А самый крутой поворот—это тот, когда партия пролетариата от подготовки, от пропаганды, от организации и агитации переходит к непосредственной борьбе за власть, к вооруженному восстанию против буржуазии. Все, что в партии остается нерешительного, скептического, соглашательского, капитулянтского—меньшевистского,—поднимается против восстания, ищет для своей оппозиции теоретических формул и находит их готовыми у вчерашних противников—оппортунистов. Это явление мы будем еще наблюдать не раз.

В период от февраля до октября, на основе широчайшей агитационной и организационной работы в массах, шел последний осмотр и отбор оружия партии перед решающим боем. В октябре и после октября это оружие было проверено в гигантском историческом действии. Теперь, несколько лет после Октября, заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г., значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции,—совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду.

„Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“. Февраль и Октябрь.

Октябрьская Революция ходом и исходом своим нанесла беспощадный удар той схоластической пародии на марксизм, которая весьма широко распространена была в русских социал-демократических кругах, начиная, отчасти, еще с Группы „Освобождение Труда“, и которая наиболее законченное свое выражение нашла у меньшевиков. Сущность этого лже марксизма состояла в том, что он условную и ограниченную мысль Маркса,— „передовые страны показывают отсталым образ их будущего развития“,—превратил в некоторый абсолютный, сверх-исторический, по выражению Маркса, закон, и на этом законе пытался обосновать тактику партии рабочего класса. При такой постановке вопроса не могло, разумеется, быть и речи о борьбе русского пролетариата за власть до тех пор, пока экономически более развитые страны не создали для этого „прецедента“. Не подлежит, разумеется, спору, что каждая отсталая страна находит *некоторые* черты своего будущего в истории передовых стран, но о повторении развития в целом не может быть и речи. Наоборот, чем больше капиталистическое хозяйство принимало мировой характер, тем своеобразнее становилась судьба отсталых стран, которые сочетали элементы своей отсталости с последним словом капиталистического развития. Энгельс писал в предисловии к своей „Крестьянской войне“: „На известном этапе —*который не везде должен наступить одновременно или на*

одинаковой ступени развития—буржуазия начинает замечать, что ее пролетарский спутник перерастает через ее голову". Ходом исторического развития русской буржуазии пришлось сделать это наблюдение раньше и полнее всякой другой. Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство. Ленинская постановка вопроса, насквозь революционная, динамическая, была целиком и полностью противопоставлена меньшевистской схеме, согласно которой Россия могла претендовать лишь на повторение истории передовых народов, с буржуазией у власти, с социал-демократией в оппозиции. Но у известных кругов нашей партии ударение в ленинской формуле ставилось не на *диктатуре* пролетариата и крестьянства, а на ее *демократическом* характере, который противопоставлялся социалистическому характеру. Это опять-таки означало: в России, как отсталой стране, мыслима только демократическая революция. Социалистический переворот должен начаться на Западе. Мы сможем стать на путь социализма лишь вслед за Англией, Францией и Германией. Но такая постановка вопроса неизбежно сбивалась на меньшевизм, и это обнаружилось полностью в 1917 году, когда задачи революции встали не как вопросы прогноза, а как вопросы действия.

Становиться в реальных условиях революции на позицию доведенной до конца демократии *против* социализма, как „преждевременного", означало политически сдвигаться с пролетарской позиции на мелко-буржуазную, переходить на положение левого фланга национальной революции.

Февральская революция, если ее брать, как самостоятельную революцию, была буржуазной. Но, как буржуазная революция, она явилась слишком поздно и не заключала в себе никакой устойчивости. Раздираясь противоречиями, сразу же нашедшими себе выражение в двоевластии, она должна была либо превратиться в непосредственное вступление к пролетарской революции—что и произошло,—либо, под тем или другим буржуазно-олигархическим режимом, отбросить Россию в полуколониальное существование. Наступивший после февральского переворота период можно было, следовательно, рассматривать двояко: либо как период закрепления, развития или завершения „демократической" революции, либо как период подготовки пролетарской революции. На первой точке зрения стояли не только

меньшевики и эсеры, но и известная часть руководящих элементов нашей собственной партии. Разница была та, что они действительно стремились толкнуть демократическую революцию как можно дальше влево. Но метод, по существу, был тот же: „давление“ на правящую буржуазию—с таким расчетом, чтобы это давление не выходило за рамки буржуазно-демократического режима. Если бы эта политика воспреобладала, развитие революции пошло бы в обход нашей партии, и мы получили бы, в конце концов, восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами—июльские дни гигантского масштаба, т.-е. уже не как эпизод, а как катастрофу.

Совершенно очевидно, что непосредственным последствием такой катастрофы явился бы разгром партии. Этим дается мера всей глубине разногласий.

Влияние меньшевиков и эсеров в первый период революции не было, разумеется, случайным: оно отражало собою обилие мелко-буржуазных, т.-е прежде всего крестьянских, масс в народе и незрелость самой революции. Именно незрелость революции, при совершенно своеобразных условиях, созданных войною, вручала мелко-буржуазным революционерам руководство, или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. Но это вовсе не значит, что русская революция могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 года. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война. Благодаря войне крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде, чем пролетариат успел организоваться под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелко-буржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войною крестьянской армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелко-буржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне. В июле 1914 года Петроград сотрясался революционными стачками. Дело доходило до открытых уличных столкновений. В этом движении безусловное руководство принадлежало подпольной организации и легальной печати нашей партии. Большевизм укреплял свое влияние в прямой борьбе против ликвидаторства и мелко-буржуазных партий вообще. Дальнейший рост движения означал бы прежде всего рост большевистской партии. Советы рабочих депутатов 1914 года,—если бы дело

дошло до Советов,—были бы, по всей вероятности, уже на первых порах большевистскими. Пробуждение деревни пошло бы под прямым и косвенным руководством городских Советов, руководимых большевиками. Это не значит непременно, что эсеры сразу были бы обречены в деревне на исчезновение; нет, по всей вероятности, первый этап крестьянской революции прошел бы под народническим знаменем. Но при намеченном нами развитии событий сами народники оказались бы вынуждены выдвинуть вперед свое левое крыло, ища смычки с большевистскими Советами в городах. Непосредственный исход восстания зависел бы, разумеется, и в этом случае прежде всего от настроения и поведения армии, связанной с крестьянством. Невозможно, да и нет нужды гадать задним числом, привело ли бы движение 1914—1915 гг. к победе, если бы не грянула война, включившая в цепь развития новое гигантское звено. Но многое говорит за то, что, если бы победоносная революция развернулась по тому пути, началом которого были июльские события 1914 г., низвержение царизма означало бы, по всей вероятности, непосредственный приход к власти революционных рабочих Советов, которые, через посредство (на первых порах!) левых народников, вовлекали бы в свою орбиту крестьянские массы.

Война прервала развертывавшееся революционное движение, отсрочила, а затем чрезвычайно ускорила его. Через посредство многомиллионной армии война создала для мелко-буржуазных партий совершенно исключительную, не только социальную, но и организационную базу: ведь особенность крестьянства в том и состоит, что его, при всей его многочисленности, даже когда оно революционно, трудно превратить в организационную базу! Встав на плечи готовой организации, армии, мелко-буржуазные партии импонировали пролетариату, обволакивая и его оборончеством. Вот почему Ленин сразу неистово выступает против старого лозунга „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“, означавшего в новых условиях превращение большевистской партии в левый фланг оборонческого блока. Ленин видел главную задачу в том, чтобы вывести пролетарский авангард из оборонческого болота на чистое место. Лишь при этом условии пролетариат мог стать—на следующем этапе—стержнем группировки трудящихся масс деревни. Но как же быть при этом с демократической революцией, или, точнее, с демократической диктатурой пролетариата и крестьянства? Ленин дает беспощадный отпор тем „старым большевикам“, которые „не раз уже,—говорит он,—играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу, вместо *изучения* своеобразия новой, живой действитель-

ности". „Надо равняться не по старым формулам, а по новой действительности" *). Ленин спрашивает: „Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: „буржуазно-демократическая революция не закончена"? „Нет,— отвечает он,—формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее" *).

Правда, Ленин иногда говорил, что Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов в первую эпоху февральской революции осуществляли собою *до известной степени* революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. И это верно постольку, поскольку эти Советы вообще осуществляли власть. Но, как неоднократно раз'яснял Ленин, Советы февральского периода осуществляли лишь полувласть. Они поддерживали власть буржуазии, оказывая на нее полуоппозиционное „давление". Именно это их межеумочное положение и позволяло им не выходить из рамок демократической коалиции рабочих, крестьян и солдат. По формам властвования, эта коалиция, поскольку она опиралась не на урегулированные государственные отношения, а на вооруженную силу и непосредственное революционное усмотрение, тяготела к диктатуре, недорастая, однако, до нее на несколько голов. Именно в этой демократической неоформленности полувластной коалиции рабочих, крестьян и солдат заключалась неустойчивость соглашательских Советов. Они должны были либо сойти на-нет, либо взять в свои руки власть по-настоящему. А взять власть они могли не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимого единой партией и ведущего за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слоев. Другими словами, демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднявшаяся до подлинной власти форма,—как тенденция, но не как факт. Дальнейшее движение в сторону власти должно было неизбежно взорвать демократическую оболочку, поставить большинство крестьянства перед необходимостью следовать за рабочими, дать пролетариату возможность осуществлять классовую диктатуру и тем самым поставить в порядок дня, на ряду с полной и беспощадно-радикальной демократизацией общественных отношений, чисто социалистическое вторжение рабочего государства в права капиталистической собственности. Кто продолжал в этих условиях держаться за формулу „демократической диктатуры", тот на деле отказывался от власти и вел революцию в тупик.

---

*) *Н. Ленин.* Собрание сочинений, том XIV, ч. 1, стр. 28 и 33.

Основной спорный вопрос, вокруг которого группировались все остальные, был таков: бороться за власть или нет? брать ее или не брать? Уже одно это показывает, что мы имели перед собой не эпизодические расхождения взглядов, а две тенденции исключительного принципиального значения. Одна из этих тенденций, основная, была пролетарской и выводила на дорогу мировой революции; другая была „демократической", т.-е. мелко-буржуазной, и вела в последнем счете к подчинению пролетарской политики потребностям реформирующегося буржуазного общества. Тенденции эти сталкивались враждебно на всех сколько-нибудь существенных вопросах всего 1917 года. Именно революционная эпоха, т.-е. такое время, когда накопленный капитал партии пускается в непосредственный оборот, должна была неизбежно вскрыть и обнаружить на деле такого рода разногласия. В большей или меньшей степени, с теми или другими отклонениями, эти две тенденции будут еще не раз проявляться в революционный период во всех странах. Если под большевизмом, выделяя самое в нем существенное, понимать такое воспитание, такой закал, такую организацию пролетарского авангарда, при которых он становится способен вооруженною рукой захватить власть; если социал-демократизм понимать в смысле реформистски-оппозиционной деятельности в рамках буржуазного общества и приспособления к его легальности, т.-е. фактического воспитания масс в духе признания незыблемости буржуазного государства,— то совершенно ясно, что даже и внутри коммунистической партии, которая ведь не выходит сразу готовой из печи истории, борьба между социал-демократическими тенденциями и большевизмом должна ярче, открытее, незамаскированнее всего обнаружиться в непосредственно-революционный период, когда вопрос о власти становится ребром.

* * *

Задача завоевания власти поставлена была перед партией только 4 апреля, т.-е. после прибытия Ленина в Петроград. Но и с этого момента линия партии отнюдь еще не имеет целостного, неразрывного, для всех бесспорного характера. Несмотря на решения апрельской конференции 1917 года, сопротивление революционному курсу—то глухое, то открытое—проходит через весь подготовительный период.

Изучение хода разногласий между февралем и закреплением Октябрьского переворота представляет не только исключительный теоретический интерес, но и неизмеримое практическое значение. Разногласия, вскрывшиеся на II с'езде, в 1903 г., Ленин назвал в 1910 году „антиципацией", т.-е. предвосхи-

щением. Очень важно прослеживать эти разногласия, начиная с их истоков, т.-е. с 1903 г., и даже ранее того, например, с „экономизма“. Но это изучение получает смысл лишь в том случае, если оно доводится до конца и проводится через тот период, когда разногласия подверглись решающему испытанию, т.-е. через Октябрь.

Мы не можем ставить себе задачей, в пределах настоящих страниц, исчерпать все стадии этой борьбы. Но мы считаем необходимым, хоть отчасти, заполнить тот вопиющий пробел, который имеется в нашей литературе по отношению к наиболее важному периоду в развитии нашей партии.

В центре разногласий стоит, как уже сказано, вопрос о власти. Это вообще оселок, на котором определяется характер революционной (и не только революционной) партии. В тесной зависимости от вопроса о власти ставится и разрешается в этот период вопрос о войне. Мы рассмотрим оба эти вопроса по главнейшим хронологическим вехам: позиция партии и партийной печати в первый период после низвержения царизма, до прибытия Ленина; борьба вокруг тезисов Ленина; апрельская конференция; последствия июльских дней; корниловщина; Демократическое Совещание и Предпарламент; вопрос о вооруженном восстании и захвате власти (сентябрь — октябрь); вопрос об „однородном“ социалистическом правительстве.

Изучение этих разногласий позволит нам, как мы надеемся, сделать выводы, могущие иметь значение и для других партий Коммунистического Интернационала.

Борьба с войной и оборончеством.

Низвержение царизма в феврале 1917 года знаменовало, конечно, гигантский прыжок вперед. Но если взять Февраль только в рамках Февраля, т.-е. не как ступень к Октябрю, он означал лишь, что Россия приблизилась к типу, скажем, буржуазно-республиканской Франции. Мелко-буржуазные революционные партии, как им и полагается, взяли февральскую революцию не как буржуазную, но и не как ступень к социалистической, а как некоторую „демократическую“ самоценность. На этом они и построили идеологию революционного оборончества. Они защищали не господство того или другого класса, а „революцию“ и „демократию“. Но и в нашей собственной партии революционный февральский сдвиг породил на первых порах чрезвычайное нарушение политических перспектив. По существу дела, „Правда“ в дни марта была гораздо ближе к позиции революционного оборончества, чем к позиции Ленина.

„Когда армия стоит против армии,—читаем мы в одной из редакционных статей,—самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика не была бы политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд—снарядом. Это непреложно. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции“ („Правда“, № 9, 15 марта 1917 г., статья: „Без тайной дипломатии“). Речь идет не о классах, господствующих и угнетенных, а о „свободном народе“; не классы борются за власть, а свободный народ стоит „на своем посту“. Идеи, как и формулировки, насквозь оборонческие! И далее в той же статье: „Не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное „долой войну“—наш лозунг. Наш лозунг—давление (!) на Временное Правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией (!), непременно выступить с попыткой (!) склонить (!) все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор каждый (!) остается на своем боевом посту (!)“. Программа давления на империалистическое правительство с целью „склонить“ его к благочестивому образу действий была программой Каутского—Ледебура в Германии, Жана Лонгэ во Франции, Макдональда в Англии, но никак не программой большевизма. Статья заканчивается не только „горячим приветствием“ пресловутому манифесту Петроградского Совета „К народам всего мира“ (манифест этот полностью продиктован духом революционного оборончества), но и „с удовольствием“ отмечает солидарность редакции с явно оборонческими резолюциями двух петроградских митингов. Достаточно указать, что одна из этих резолюций заявляет: „Если германская и австрийская демократии не услышат нашего голоса (т.-е. „голоса“ Временного Правительства и соглашательского Совета. *Л. Т.*), мы будем защищать нашу родину до последней капли крови („Правда“, № 9, 15 марта 1917 г.).

Цитированная статья—не исключение. Наоборот, она вполне точно выражает позицию „Правды“—до возвращения Ленина в Россию. Так, в следующем номере газеты, в статье „О войне“, хоть и имеются кое-какие критические замечания по поводу „манифеста к народам“, но в то же время заявляется: „Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства пре-

кратить бойню“ („Правда“, № 10, 16 марта 1917 г.). На каком же пути искать выхода из войны? На этот счет дается ответ: „Выход—путь давления на Временное Правительство с требованием заявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры“ (там же).

Таких и подобных цитат—скрыто-оборонческих, замаскированно-соглашательских—можно было бы привести немало. А в то же самое время, даже неделей ранее, Ленин, еще не вырвавшийся из своей цюрихской клетки, громил в своих „Письмах из далека“ (большинство их так и не дошло до „Правды“) всякий намек на уступку оборончеству и соглашательству. „Абсолютно недопустимо,—писал он 8 (21) марта, улавливая облик революционных событий через кривое зеркало капиталистической информации,—скрывать от себя и от народа, что это правительство хочет продолжения империалистской войны, что оно—агент английского капитала, что оно хочет восстановления монархии и укрепления господства помещиков и капиталистов“ („Пролетарская Революция“, № 7 (30), стр. 299). И затем, 12 марта: „Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели“ (там же, стр. 243). В то время, как „Правда“ призывает к „давлению“ на Временное Правительство с целью заставить его выступить в пользу мира „перед всей мировой демократией“, Ленин пишет: „Обращение к Гучковско-Милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского „батюшки“ к помещикам и купцам с предложением жить „по-божески“, любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой“ (там же, стр. 244—245).

4 апреля, на другой день после приезда в Петроград, Ленин решительно выступил против позиции „Правды“ в вопросе о войне и мире: „Никакой поддержки Временному Правительству,—писал он,—раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии „требования“, чтобы *это* правительство, правительство капиталистов *перестало* быть империалистским“ (том XIV, ч. 1, стр. 18). Незачем говорить, что воззвание соглашателей от 14 марта, вызвавшее столь приветственные отзывы со стороны „Правды“, Ленин называет не иначе, как „пресловутым“ и „путаным“. Величайшее лицемерие—призывать другие народы, рвать со своими банкирами и в то же время создавать с собственными

банкирами коалиционное правительство. «„Центр" весь клянется и божится,—говорит Ленин в проекте платформы,—что они —марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие „давления" на правительство, за всяческие „требования" к своему правительству о „выявлении им воли народа к миру"» (том XIV, ч. 1, стр. 52).

Но разве революционная партия—можно бы, на первый взгляд, возразить—отказывается от „давления" на буржуазию и ее правительство? Разумеется, нет. Давление на буржуазное правительство есть путь реформ. Марксистская революционная партия не отказывается от реформ. Но путь реформ пригоден в отношении к второстепенным, а не к основным вопросам. Нельзя путем реформ получить власть. Нельзя путем „давления" заставить буржуазию изменить свою политику в том вопросе, с которым связана вся ее судьба. Война тем именно и создала революционную ситуацию, что не оставила места для реформистского „давления": нужно было либо итти за буржуазией до конца, либо поднимать против нее массы с целью вырвать у нее власть. В первом случае можно было получать от буржуазии те или другие подачки во внутренней политике, под условием неограниченной поддержки внешней политики империализма. Именно поэтому социалистический реформизм с начала войны открыто превратился в социалистический империализм. Именно поэтому действительно революционные элементы оказались вынуждены приступить к созданию нового Интернационала.

Точка зрения „Правды" не пролетарски-революционная, а демократически-оборонческая, хотя и половинчатая в своем оборончестве. Мы низвергли царизм, мы оказываем давление на демократическую власть. Эта последняя должна предложить мир народам. Если германская демократия не сможет оказать надлежащее давление на свое правительство, мы будем защищать „родину" до последней капли крови. Перспектива мира не ставилась как самостоятельная задача рабочего класса, которую он призван осуществить через голову буржуазного Временного Правительства, потому что завоевание пролетариатом власти не ставилось как практическая революционная задача. Между тем, одно неотделимо от другого.

Апрельская конференция.

Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между

Лениным и сторонниками „завершения демократической революции“ началась с первого же дня.

Предметом острого столкновения явилась вооружённая апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг: „Долой Временное Правительство!“. Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение Временного Правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма. Весь вопрос состоял для него как раз в том, в какой мере Советы продолжают отражать действительное настроение масс, и не обманывается ли партия, ориентируясь по советскому большинству. Апрельская манифестация, взявшая „левее“, чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством. Разведка привела к выводу о необходимости длительной подготовительной работы. Мы видим, как Ленин в начале мая сурово одергивает кронштадцев, которые, зарвавшись, заявили о непризнании ими Временного Правительства... Совсем иначе подходили к вопросу противники борьбы за власть. На партийной конференции в апреле т. Каменев жаловался: „В 19 номере „Правды“ товарищами (речь идет, очевидно, о Ленине. *Л. Т.*) предложена была сперва резолюция о свержении Временного Правительства, напечатанная до последнего кризиса, а затем этот лозунг был отвергнут как дезорганизаторский, признан авантюристским. Это значит, что наши т.т. научились чему-то во время этого кризиса. Предложенная резолюция (т. е. резолюция, предложенная Лениным конференции. *Л. Т.*) повторяет эту ошибку“... Эта постановка вопроса в высшей степени знаменательна. Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного Правительства, но снял его на недели или на месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей. Оппозиция же считала самый этот лозунг ошибкой. Во временном отступлении Ленина не было и намека на изменение линии. Он исходил не из того, что демократическая революция еще не закончена, а исключительно из того, что масса сегодня оказалась еще неспособной свергнуть Временное Правительство, и что нужно поэтому сделать все, чтобы рабочий класс оказался способен опрокинуть Временное Правительство завтра.

Вся апрельская конференция партии была посвящена этому основному вопросу: идем-ли мы к завоеванию власти во имя

социалистического переворота или же помогаем (кому-то) завершить демократическую революцию. К сожалению, отчет об апрельской конференции не напечатан до сих пор, а между тем вряд ли в истории нашей партии были с'езды, которые имели бы столь исключительное и непосредственное значение для судьбы революции, как апрельская конференция 1917 года.

Позиция Ленина была: непримиримая борьба с оборончеством и оборонцами, овладение большинством в Советах, низвержение Временного Правительства, захват власти через Советы, революционная политика мира, программа социалистического переворота внутри и международной революции во вне. В противовес этому, как мы уже знаем, оппозиция стояла на точке зрения завершения демократической революции путем давления на Временное Правительство, при чем Советы остаются органами „контроля“ над буржуазной властью. Отсюда вытекает иное, несравненно более примирительное отношение к оборончеству.

Один из противников позиции Ленина возражал на апрельской конференции: „Мы говорим о Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, как об организующих центрах наших сил и власти... Одно название их показывает, что они представляют собой блок мелко-буржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи. Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать... а пролетариат вел бы революционную борьбу против блока... И однако, мы признаем эти Советы, как центры организации сил... Значит буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все мы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата“ (речь т. Каменева).

Безнадежный схематизм этого рассуждения совершенно ясен: в том-то и дело ведь, что „полного окончания этой революции“ никогда не наступит без перемены носителя власти. В приведенной речи игнорируется классовый стержень революции: задачи партии выводятся не из реальной группировки классовых сил, а из формального определения революции, как буржуазной или буржуазно-демократической. Мы должны итти в блоке с мелкой буржуазией и осуществлять контроль над буржуазной властью до тех пор, пока буржуазная революция не будет доведена до конца. Схема явно меньшевистская. Доктринерски ограничивая задачи революции ее наименованием („буржуазная“ революция), нельзя было не прийти к политике контроля

над Временным Правительством, к требованию, чтобы Временное Правительство выдвинуло программу мира без аннексий и пр. Под завершением демократической революции подразумевался ряд реформ через Учредительное Собрание, при чем большевистской партии отводилась в Учредительном Собрании роль левого фланга. Лозунг „вся власть Советам“ совершенно лишался при такой концепции реального содержания. Об этом лучше, последовательнее и продуманнее всех сказал на апрельской конференции покойный Ногин, также принадлежавший к оппозиции: „В процессе развития самые важные функции Советов отпадают. Целый ряд административных функций передается городским, земским и т. п. учреждениям. Если мы будем рассматривать дальнейшее развитие государственного строительства, мы не можем отрицать, что будет созвано Учредительное Собрание, а за ним Парламент... Таким образом выходит, что постепенно наиболее важные функции Советов отмирают; однако, это не значит, что Советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции. При этих же Советах республика-коммуна у нас не осуществится“.

Наконец, третий оппонент подошел к вопросу с той стороны, что Россия не готова для социализма: „Можем ли мы рассчитывать на поддержку масс, выкидывая лозунг пролетарской революции? Россия—самая мелкобуржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, и потому, поскольку партия будет стоять на точке зрения социалистической революции, постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада“. И далее: „Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, об'ективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма“.

Не все противники ленинской точки зрения доходили на апрельской конференции до выводов Ногина,—но все они логикой вещей оказались вынужденными принять эти выводы несколькими месяцами позже, накануне Октября. Либо руководство пролетарской революцией, либо оппозиционная роль в буржуазном парламенте—вот как встал вопрос внутри нашей партии. Совершенно очевидно, что эта вторая позиция была по существу меньшевистской или, вернее сказать, той позицией, которую меньшевики оказались вынуждены очистить после февральского переворота. В самом деле, в течение долгого ряда

лет меньшевистские дятлы долбили, что будущая революция будет буржуазной, что правительство буржуазной революции может выполнять только буржуазные задачи, что социал-демократия не может брать на себя задач буржуазной демократии и должна будет, „толкая буржуазию влево", оставаться на положении оппозиции. С особенно утомительным глубокомыслием эту тему развивал Мартынов. С наступлением буржуазной революции 1917 года меньшевики скоро оказались в составе правительства. От всей их „принципиальной" позиции остался только тот политический вывод, что пролетариат не смеет посягать на власть. Но совершенно очевидно, что те из большевиков, которые обличали меньшевистский министериализм и в то же время выступали против захвата пролетариатом власти, фактически сдвигались на до-революционные позиции меньшевиков.

Революция произвела политические сдвиги в двух направлениях: правые становятся кадетами, кадеты становятся республиканцами поневоле—формальный сдвиг влево; эсеры и меньшевики становятся правящей буржуазной партией—сдвиг вправо. Такими путями буржуазное общество пытается создать себе новый хребет власти, устойчивости и порядка. Но в то время, как меньшевики с формально-социалистической позиции переходят на вульгарно-демократическую, правое крыло большевиков сдвигается на формально-социалистическую, т.-е вчерашнюю меньшевистскую позицию.

Та же перегруппировка сил произошла в вопросе о войне. Буржуазия, за вычетом немногих доктринеров, уныло тянула ноту: без аннексий и контрибуций,—тем более, что на аннексии надежда была уже плоха. Меньшевики и эсеры-циммервальдцы, критиковавшие французских социалистов за защиту своего буржуазно-республиканского отечества, сами немедленно же стали оборонцами, как только почувствовали себя в буржуазной республике: с пассивно-интернационалистской позиции они передвинулись на активно-патриотическую. Одновременно с этим правое крыло большевиков заняло пассивно-интернационалистскую позицию—„давления" на Временное Правительство в целях демократического мира, „без аннексий и контрибуций". Таким образом, на апрельской конференции формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства теоретически и политически распалась и выделила две враждебные точки зрения: демократическую, прикрытую формальными социалистическими оговорками, и социально-революционную, или подлинно-большевистскую, ленинскую.

Июльские дни, корниловщина, Демократическое Совещание и Предпарламент.

Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия на верху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло, вместе с ходом событий, принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции,—в дни Октября.

Попытка, по инициативе Ленина, устроить демонстрацию 10 июня подверглась обвинениям в авантюризме со стороны тех же товарищей, которые были недовольны характером апрельского выступления. Демонстрация 10 июня не состоялась вследствие запрета со стороны С'езда Советов. Но 18 июня партия получила реванш: общая питерская демонстрация, назначенная по довольно-таки неосторожной инициативе соглашателей, прошла почти сплошь под большевистскими лозунгами. Однако, и правительство попыталось взять свое: началось идиотски-легкомысленное наступление на фронте. Момент решительный. Ленин предостерегает партию от неосторожных шагов. 21 июня он пишет в „Правде": „Товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразно. Нам приходится теперь исжить целый новый этап в нашей революции" (том XIV, ч. 1, стр. 276). Но наступили июльские дни, важная веха на пути революции, как и на пути внутрипартийных разногласий.

В июльском движении момент самочинного напора питерских масс играл решающую роль. Но несомненно, что Ленин в июле спрашивал себя: а не прошло ли уже время? не переросло ли настроение масс свою советскую надстройку? не рискуем ли мы, загипнотизированные советской легальностью, отстать от настроения масс и оторваться от них? Весьма вероятно, что отдельные чисто военные действия во время июльских дней происходили по инициативе товарищей, искренно считавших, что они не расходятся с ленинской оценкой обстановки. Ленин позже говорил: „В июле мы наделали достаточно глупостей". Но по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на новом более высоком этапе движения. Нам пришлось отступить, и жестоко. Партия, поскольку она готовилась к восстанию и захвату власти, видела, вместе с Лениным, в июльском выступлении лишь эпизод, в котором мы дорого заплатили за глубокое прощупывание своих и неприятельских сил, но который не мог отклонить общую линию наших действий. Наоборот, те товарищи, которые относились враждебно к политике, напра-

вленной на захват власти, должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру. Мобилизация правых элементов партии усилилась; критика их стала решительнее. В соответствии с этим изменился и тон отпора. Ленин писал: „Все эти хныканья, все эти рассуждения, что „не надо бы“ участвовать (в попытке придать „мирный и организованный“ характер архи-законному недовольству и возмущению масс!!),—либо сводятся к ренегатству, если исходят от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности“ (том XIV, ч. 2, стр. 28). Слово „ренегатство“, произнесенное в такой момент, освещало разногласия трагическим светом. В дальнейшем это зловещее слово встречается все чаще и чаще.

Оппортунистическое отношение к вопросу о власти и к войне определяло, разумеется, соответственное отношение к Интернационалу. Со стороны правых сделана была попытка привлечь партию к участию в Стокгольмской конференции социал-патриотов. Ленин писал 16 августа: „Речь т. Каменева в ЦИК 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков“ (том XIV, ч. 2, стр. 56). И далее, по поводу фразы о том, будто над Стокгольмом начинает развеваться широкое революционное знамя: „это—пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это—вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий,—вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом“ (там же, стр. 57).

Путь в Стокгольм был, по существу, путем во II Интернационал, как участие в Предпарламенте было путем к буржуазной республике. Ленин—за бойкот Стокгольмской конференции, как позже—за бойкот Предпарламента. В огне борьбы он ни на минуту не забывает задач создания нового, коммунистического Интернационала.

Уже 10 апреля Ленин выступает за перемену названия партии. Все возражения против нового названия он отметает: „Это довод рутины, довод спячки, довод косности“. Он настаивает: „Пора отбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье“. И тем не менее, сопротивление верхов партии так сильно, что понадобился год времени, в течение которого вся Россия сбросила с себя грязное белье буржуазного господства, прежде чем партия могла решиться обновить свое название, вернувшись к традиции Маркса и Энгельса. В этой истории с наименованием партии находит свое символическое выражение роль Ленина в течение всего 1917 года: на самом крутом повороте истории он все время ведет внутри

партии напряженную борьбу против вчерашнего дня во имя завтрашнего. И сопротивление вчерашнего дня, выступающее под флагом „традиции", достигает моментами чрезвычайной остроты.

События корниловщины, создавшие резкий сдвиг обстановки в нашу пользу, временно смягчили разногласия: смягчили, но не устранили. В правом крыле обнаружилась в эти дни тенденция к сближению с советским большинством на почве обороны революции, а отчасти и родины. Ленин реагировал на это в начале сентября письмом в Центральный Комитет: „По моему убеждению,—писал он,—в беспринципность впадают те, кто скатывается до оборончества *) или (подобно другим большевикам) до *блока* с эсерами, до *поддержки* Временного Правительства. Это архиневерно, это—беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату..." А затем далее: „Поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это—беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань, ее переходят иные большевики, впадая в „соглашательство", давая *увлечь* себя потоку событий" (том XIV, ч. 2, стр. 95).

Следующим этапом в развитии разногласий явились Демократическое Совещание (14—22 сентября) и выросший из него Предпарламент (7 октября). Задача меньшевиков и эсеров состояла в том, чтобы, связав большевиков советской легальностью, безболезненно перевести эту последнюю в буржуазно-парламентскую легальность. Правые шли этому навстречу. Мы уже слышали выше, как они рисовали себе дальнейшее развитие революции: Советы отдают постепенно свои функции соответственным учреждениям—думам, земствам, профессиональным союзам, наконец, Учредительному Собранию,—и тем самым сходят со сцены. Путь через Предпарламент и должен был направлять политическую мысль масс от Советов, как отживающих свое время „временных" учреждений, к Учредительному Собранию, как увенчанию демократической революции. Между тем, большевики в Петроградском и Московском Советах были уже в большинстве; наше влияние в армии росло не по дням, а по часам. Дело шло уже не о прогнозе, не о перспективах, а о выборе пути буквально на завтрашний день.

Поведение вконец износившихся соглашательских партий на Демократическом Совещании являлось воплощением жалкой подлости. Между тем, вносившееся нами предложение демонстративно покинуть Демократическое Совещание, как явно гиблое место, наталкивалось на решительное сопротивление еще влия-

*) Здесь опущена, очевидно, ссылка на имена, как явствует из дальнейшего построения фразы. *Л. Т.*

тельных в тот момент на верхах правых элементов фракции. Столкновения по этому вопросу были вступлением к борьбе по вопросу о бойкоте Предпарламента. 24 сентября, т.-е. после Демократического Совещания, Ленин писал: „Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов“ (том XIV, ч. 2, стр. 144).

Прения в большевистской фракции Демократического Совещания по вопросу о бойкоте Предпарламента имели, несмотря на сравнительную ограниченность своей темы, исключительное значение. В сущности, это была наиболее широкая и внешне-успешная попытка правых повернуть партию на путь „завершения демократической революции“. Стенограммы прений, по-видимому, не велось, во всяком случае, она не сохранилась; не обнаружено до сих пор, насколько знаю, и секретарской записи. Некоторые материалы, крайне скудные, найдены редакцией этого сборника в моих бумагах. Т. Каменев развил аргументацию, которая позже, в более резкой и отчетливой формулировке, составила содержание известного письма Каменева и Зиновьева к партийным организациям (от 11 октября). Наиболее принципиальную постановку придал вопросу Ногин: бойкот Предпарламента есть призыв к восстанию, т.-е. к повторению июльских дней. Некоторые товарищи исходили из общих оснований парламентской тактики социал-демократии: „Никто не посмел бы,—так приблизительно говорили они,—предложить бойкотировать парламент; однако, нам предлагают бойкотировать такое же учреждение только потому, что ему дано имя *Предпарламента*“.

Основное воззрение правых состояло в том, что революция ведет неизбежно от Советов к буржуазному парламентаризму, что „Предпарламент“ является естественным звеном на этом пути, и что незачем уклоняться от участия в Предпарламенте, раз мы собираемся занять левые скамьи в парламенте. Завершить демократическую революцию и „готовиться“ к социалистической. А как готовиться? Через школу буржуазного парламентаризма: ведь передовые страны показывают отсталым образ их будущего. Низвержение царизма мыслится революционно, как оно и произошло; но завоевание власти пролетариатом мыслится парламентарно, на основах законченной демократии. Между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти долгие годы демократического режима. Борьба за участие в Предпарламенте была борьбой за „европеизацию“ рабочего движения, за скорейшее его введение в русло демократической „борьбы за власть“, т.-е. в русло социал-демокра-

тии. Фракция Демократического Совещания, насчитывавшая свыше 100 человек, ничем не отличалась, особенно по тем временам, от партийного с'езда. Большая половина фракции высказалась за участие в Предпарламенте. Уже сам по себе этот факт должен был вызвать тревогу, и Ленин действительно бьет с этого момента тревогу непрерывно.

В дни Демократического Совещания Ленин писал: „Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно об'явило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает:* решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы" (том XIV, ч. 2, стр. 138). Как Ленин оценивал значение участия или неучастия в Предпарламенте, видно из многих его заявлений и, в частности, из его письма Центральному Комитету от 29 сентября, где он говорит о „таких вопиющих ошибках большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте". Для него это решение было проявлением тех же демократических иллюзий и мелко-буржуазных шатаний, в борьбе с которыми он развил и отточил свою концепцию пролетарской революции. Неправда, будто между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти многие годы. Неправда, будто единственной, или основной, или обязательной школой подготовки к завоеванию власти является школа парламентаризма. Неправда, будто путь к власти лежит непременно через буржуазную демократию. Это все голые абстракции, доктринерские схемы, политическая роль которых одна: связать пролетарский авангард по рукам и ногам, сделать его—через посредство „демократической" государственной механики—оппозиционной политической тенью буржуазии: это и есть социал-демократия. Политику пролетариата надо направлять не по школьным схемам, а по реальному руслу классовой борьбы. Не в Предпарламент итти, а организовать восстание и вырвать власть. Остальное приложится. Ленин предлагал даже созвать экстренный с'езд партии, выставив бойкот Предпарламента в качестве платформы. Отныне все его письма и статьи бьют в одну точку: не через Предпарламент, в качестве „революционного" хвоста соглашателей, а на улицы—для борьбы за власть!

Вокруг Октябрьского переворота.

Надобности в экстренном с'езде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в

Центральном Комитете, так и во фракции Предпарламента. Большевики выходят из него 10 октября. В Петрограде развертывается конфликт Совета с правительством вокруг вопроса о выводе на фронт большевистски настроенных частей гарнизона. 16 октября создан Военно-Революционный Комитет, легальный советский орган восстания. Правое крыло партии пытается задержать развитие событий. Борьба тенденций внутри партии, как и борьба классов в стране, входит в решающий фазис. Позиция правых полнее и принципиальнее всего освещается в письме „К текущему моменту“, за подписью Зиновьева и Каменева. Написанное 11 октября, т. е. за две недели до переворота, и разосланное важнейшим организациям партии, письмо это решительно выступает против вынесенного Центральным Комитетом решения о вооруженном восстании. Предостерегая против недооценки врага, а на самом деле чудовищно недооценивая силы революции и даже отрицая наличность боевого настроения масс (за две недели до 25 октября!), письмо говорит: „Мы глубочайше убеждены, что об‘являть сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции“. Но если не восстание и не захват власти, тогда что же? Письмо довольно ясно и отчетливо отвечает и на этот вопрос. „Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии“, и под этим револьвером она не сможет сорвать Учредительное Собрание. „Шансы нашей партии на выборах в Учредительное Собрание превосходны... Влияние большевизма растет... При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном Собрании“. Таким образом, письмо открыто держит курс на роль „влиятельной“ оппозиции в буржуазном Учредительном Собрании. Этот чисто социал-демократический курс как бы маскируется следующим соображением: „Советы, внедрившись в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы—вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем“. Чрезвычайно любопытно, для характеристики всей линии правых, что теория „комбинированной“ государственности, сочетающей Учредительное Собрание с Советами, была 1½—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат.

Письмо „К текущему моменту“ возражает против утверждения, что за нас уже большинство народа в России, оценивая при этом большинство чисто парламентски. „В России за нас

большинство рабочих,—говорит письмо,—и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное Собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров. Что же это, случайность?" В этой постановке вопроса основная и коренная ошибка, вытекающая из непонимания того, что у крестьянства могут быть могущественные революционные интересы и напряженное стремление их разрешить, но не может быть самостоятельной политической позиции: оно может либо голосовать за буржуазию, через посредство ее эсеровской агентуры, либо примкнуть действенно к пролетариату. Именно от нашей политики зависело, какая из этих двух возможностей осуществится. Если мы идем в Предпарламент, чтобы иметь оппозиционное влияние („треть, а то и больше мест") в Учредительном Собрании, то тем самым мы ставим крестьянство почти механически в такое положение, при котором оно должно искать удовлетворения своих интересов на путях Учредительного Собрания, следовательно, не через оппозицию, а через его большинство. Наоборот, захват власти пролетариатом немедленно же создавал революционные рамки для крестьянской борьбы против помещика и чиновника. Если говорить столь ходкими у нас как раз в этом вопросе словами, то в письме сказываются одновременно и *недооценка* и *переоценка* крестьянства: недооценка его революционных возможностей (под пролетарским руководством!) и переоценка его политической самостоятельности. Эта двойная ошибка, недооценка и переоценка крестьянства в одно и то же время, вытекает, в свою очередь, из недооценки собственного класса и его партии, т.-е. из социал-демократического подхода к пролетариату. Здесь нет ничего неожиданного. Все оттенки оппортунизма сводятся, в последнем счете, к неправильной оценке революционных сил и возможностей пролетариата.

Возражая против захвата власти, письмо пугает партию перспективами революционной войны. „Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас одни, придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет". Эта аргументация в высшей степени поучительна. Мы видим здесь основные доводы в пользу подписания брест-литовского мира. Но здесь эти доводы направляются против захвата власти. Совершенно ясно, что позиция, нашедшая свое выражение в письме „К текущему моменту", чрезвычайно облегчала сторонникам выраженных в письме взглядов приятие брест-литовского

мира. Нам остается здесь повторить то, что мы говорили об этом в другом месте: не временная брест-литовская капитуляция сама по себе, изолированно взятая, характеризует политический гений Ленина, а только сочетание Октября с Брестом. Этого не нужно забывать.

Рабочий класс борется и растет в непрестанном сознании того, что противник имеет над ним перевес. Это обнаруживается в повседневной жизни на каждом шагу. У противника—богатство, власть, все средства идейного давления, все орудия репрессий. Привычка к той мысли, что враг превосходит нас силой, является составной частью всей жизни и работы революционной партии в подготовительную эпоху. Последствия тех или других неосторожных или преждевременных действий самым жестоким образом напоминают каждый раз о силе врага. Но наступает момент, когда эта привычка считать врага более сильным, превращается в главное препятствие на пути к победе. Сегодняшняя слабость буржуазии как бы укрывается под тенью ее вчерашней силы. „Вы недооцениваете сил врага!" По этой линии идет группировка всех элементов, враждебных вооруженному восстанию —„Всякий, не желающий только говорить о восстании,—писали противники восстания у нас за две недели до победы,—обязан трезво взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать силы противника и переоценивать свои силы. Силы противника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: пять тысяч юнкеров, прекрасно вооруженных, организованных, желающих, в силу своего классового положения, и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная часть артиллерии, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК почти наверняка попробуют привезти войска с фронта" („К текущему моменту")

Разумеется, поскольку в гражданской войне дело идет не о простом подсчете батальонов, а о предварительном учете их сознания, учет этот никогда не может отличаться полной достоверностью и точностью. Даже Ленин считал, что у врага имеются в Петрограде серьезные силы, и предлагал начинать восстание с Москвы, где, по его предположению, оно должно было пройти бескровно. Такого рода частные ошибки предвидения совершенно неизбежны даже при самых благоприятных условиях, и правильнее держать курс на менее благоприятную обстановку. Но что нас в данном случае интересует, это факт

чудовищной переоценки сил врага, полного искажения всех пропорций при таких условиях, когда у врага уже не было по существу никакой вооруженной силы.

Вопрос этот, как показал опыт Германии, имеет колоссальное значение. Пока лозунг восстания имел для руководителей немецкой коммунистической партии преимущественно, если не исключительно, агитационное значение, они попросту игнорировали вопрос о вооруженных силах врага (рейхсвер, фашистские отряды, полиция). Им казалось, что непрерывно нараставший революционный прилив разрешит военный вопрос сам собой. Когда же задача придвинулась вплотную, те же товарищи, которые считали вооруженную силу врага как бы несуществующей, сразу впали в другую крайность: они брали на веру все цифры вооруженных сил буржуазии, тщательно складывали их с силами рейхсвера и полиции, затем округляли сумму (до полумиллиона и выше) и получали, таким образом, компактную, до зубов вооруженную массу, совершенно достаточную для того, чтобы парализовать их собственные усилия. Несомненно, силы немецкой контр-революции были значительнее, во всяком случае лучше организованы и подготовлены, чем у наших корниловцев и полукорниловцев. Но и активные силы немецкой революции иные. Пролетариат составляет подавляющее большинство населения Германии. У нас вопрос, по крайней мере в первой стадии, решался Петроградом и Москвой. В Германии восстание имело бы сразу десятки могущественных пролетарских очагов. На этом фоне вооруженные силы врага выглядели бы совсем не так грозно, как в статистических выкладках с округлением. Во всяком случае надо категорически отвергнуть те тенденциозные подсчеты, которые делались и делаются после провала немецкого Октября с целью оправдания политики, приведшей к провалу. Наш русский пример имеет в этом отношении незаменимое значение: за две недели до бескровной победы нашей в Петрограде,—а мы могли ее одержать и на две недели раньше,—опытные политики партии видели против нас и юнкеров, желающих и умеющих драться, и ударников, и казаков, и значительную часть гарнизона, и артиллерию, расположенную веером, и войска, надвигающиеся с фронта. А на деле не оказалось ничего, ровным счетом нуль. Теперь представим себе на минуту, что в партии и в ее Центральном Комитете победили бы противники восстания. Роль командования в гражданской войне слишком ясна: революция в таком случае была бы заранее обречена на крушение,—если бы Ленин не апеллировал против Центрального Комитета к партии, что он собирался сделать и что, несомненно, выполнил бы с успехом. Но ведь не всякая партия будет распола-

гать в соответственных условиях своим Лениным... Нетрудно себе представить, как писали бы историю, если бы в ЦК победила линия уклонения от боя. Официозные историки стали бы, конечно, изображать дело так, что восстание в октябре 1917 года явилось бы чистейшим безумием, и давали бы читателю сногсшибательные статистические подсчеты юнкеров, казаков, ударников, артиллерии, расположенной веером, и корпусов, двигавшихся с фронта. Непроверенные в огне восстания, эти силы представлялись бы несравненно грознее, чем оказалось на деле. Вот урок, который нужно выгравировать в сознании каждого революционера!

Настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральный Комитет в течение сентября—октября вызывался постоянным опасением его, что мы упустим момент. Пустяки,— отвечали правые, - наше влияние будет расти и расти. Кто был прав? И что это значит: упустить момент? Здесь мы подходим к вопросу, где большевистская оценка путей и методов революции, активная, стратегическая, насквозь действенная, наиболее ярко сталкивается с социал-демократической, меньшевистской оценкой, насквозь проникнутой фатализмом. Что значит упустить момент? Самая благоприятная обстановка для восстания дана, очевидно, тогда, когда соотношение сил максимально передвинулось в нашу пользу. Разумеется, здесь речь идет о соотношении сил в области сознания, т.-е. о политической надстройке, а не о базисе, который можно принять как более или менее неизменный для всей эпохи революции. На одном и том же экономическом базисе, при одном и том же классовом расчленении общества, соотношение сил меняется в зависимости от настроения пролетарских масс, крушения их иллюзий, накопления ими политического опыта, расшатки доверия промежуточных классов и групп к государственной власти, наконец, ослабления доверия этой последней к себе самой. В революции это все быстротечные процессы. Все тактическое искусство состоит в том, чтобы уловить момент наиболее благоприятного для нас сочетания условий. Корниловское восстание окончательно подготовило эти условия. Массы, потерявшие доверие к партиям советского большинства, увидели воочию опасность контр-революции. Они считали, что теперь пришел черед большевиков найти выход из положения. Ни стихийный распад государственной власти, ни стихийный прилив нетерпеливого и требовательного доверия масс к большевикам не могли быть длительным состоянием; кризис должен был разрешиться либо в ту, либо в другую сторону. Теперь или никогда!—повторял Ленин.

На это правые возражали: „...глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет! Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам... И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления... Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения" („К текущему моменту").

Этот фаталистический оптимизм нуждается в самом внимательном изучении. В нем нет ничего ни национального, ни тем более индивидуального. Еще только в прошлом году мы наблюдали ту же тенденцию в Германии. По существу под этим выжидательным фатализмом скрывается нерешительность и даже неспособность к действию, но она маскируется утешительным прогнозом: мы становимся, мол, все влиятельнее, чем дальше, тем больше наша сила будет возрастать. Грубейшее заблуждение! Сила революционной партии возрастает только до известного момента, после чего процесс может перейти в свою противоположность: надежды масс, вследствие пассивности партии, сменяются разочарованием, а враг тем временем оправляется от паники и пользуется разочарованием масс. Такого рода решающий перелом мы наблюдали в Германии в октябре 1923 года. Мы были не так далеки от подобного же поворота событий в России осенью 1917 года. Для этого достаточно было, может быть, упустить еще несколько недель. Ленин был прав: теперь или никогда!

„Но решающий вопрос,—выдвигают противники восстания свой последний и сильнейший довод,—заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет... Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожный и почтово-телеграфный союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого-то настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом". („К текущему моменту").

Эти строки, писавшиеся 14 октября, получают исключительное и совершенно злободневное значение, если вспомним, что руководившие партией немецкие товарищи, в об'яснение прошлогоднего отступления без боя, приводили именно нежелание

масс сражаться. Да в том-то и дело, что победоносное восстание становится, вообще говоря, наиболее обеспеченным тогда, когда массы успеют приобрести достаточно опыта, чтобы не бросаться в бой очертя голову, а ждут и требуют решительного и умелого боевого руководства. К октябрю 1917 года у рабочих масс, по крайней мере у их руководящего слоя, сложилось уже твердое убеждение, на основании опыта апрельского выступления, июльских дней и корниловщины, что дальше дело идет не об отдельных стихийных протестах, не о разведке, а о решающем восстании для захвата власти. Настроение масс становится в соответствии с этим более сосредоточенным, более критическим, более углубленным. Переход от жизнерадостной, полной иллюзий стихийности к более критической сознательности и порождает неизбежную революционную заминку. Этот прогрессивный кризис в настроении масс может быть преодолен только соответственной политикой партии, т.-е. прежде всего ее подлинной готовностью и способностью руководить восстанием пролетариата. Наоборот, партия, которая долго вела революционную агитацию, вырывая массы из-под влияния соглашателей, а затем, когда доверие этих масс подняло ее на высоту, стала колебаться, умничать, хитрить и выжидать,—такая партия парализует активность масс, вызывает у них разочарование и распад, губит революцию, но зато создает для себя возможность ссылаться—после провала—на недостаточную активность масс. На этот именно путь вело письмо „К текущему моменту". К счастью, наша партия, под руководством Ленина, решительно ликвидировала такие настроения на верхах. Только благодаря этому она и провела победоносный переворот.

* *
*

Теперь, после того как мы дали характеристику существа политических вопросов, связанных с подготовкой Октябрьской Революции, и попытались выяснить основной смысл разногласий, выраставших на этой основе, нам остается хотя бы конспективно отметить наиболее важные моменты внутрипартийной борьбы последних, решающих недель.

Решение о вооруженном восстании было вынесено Центральным Комитетом 10 октября. 11 октября разослано было важнейшим организациям партии разобранное выше письмо „К текущему моменту". 18 октября, т.-е. за неделю до переворота, появилось в „Новой Жизни" письмо Каменева. „Не только я и тов. Зиновьев,—говорится в этом письме,—но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении

сил, независимо и за несколько дней до С'езда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом". („Новая Жизнь", № 156, 18 октября 1917 года). 25 октября власть была захвачена в Петербурге, создано Советское правительство. 4 ноября ряд ответственных работников вышел из состава Центрального Комитета партии и Совнаркома, выдвинув ультимативное требование создания коалиционного правительства из советских партий. „...Вне этого—писали они—есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора". И в другом документе того же момента: „Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику Ц. К., проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии. Мы складываем с себя поэтому звание членов Ц. К., чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: „Да здравствует правительство из советских партий! Немедленное соглашение на этом условии!" („Октябрьский переворот",—„Архив революции" 1917 г., стр. 407—410). Таким образом, те, кто были против вооруженного восстания и захвата власти, как против авантюры, после того как восстание победоносно совершилось, выступили за возвращение власти тем партиям, в борьбе с которыми власть была пролетариатом завоевана. Во имя чего же победоносная большевистская партия должна была вернуть власть — а речь шла именно о возвращении власти!—меньшевикам и эсерам? На это оппозиционеры отвечали: „Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного Собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой Всероссийским С'ездом С. Р. и С. Депутатов" („Октябрьский переворот",—„Архив революции" 1917 года, стр. 407—410). Дело шло, другими словами, о том, чтобы через советские ворота найти путь к буржуазному парламентаризму. Если революция отказалась итти через Предпарламент и пробила себе русло через Октябрь, то задача, как ее формулировала оппозиция, состояла в том, чтобы, при содействии меньшевиков и эсеров, спасти революцию от диктатуры, введя ее в русло буржуазного режима. Дело шло не больше и не меньше, как о ликвидации Октября. О соглашении на таких условиях не могло быть, разумеется, и речи.

На следующий день, 5 ноября, было опубликовано еще одно письмо того же направления: „Я не могу, во имя партийной дисци-

плины, молчать, когда марксисты, рассудку вопреки и наперекор стихиям, не хотят считаться с об'ективными условиями, повелительно диктующими нам, под угрозой краха, соглашение со всеми социалистическими партиями... Я не могу, во имя партийной дисциплины, предаваться культу личности и ставить политическое соглашение со всеми социалистическими партиями, закрепляющими наши основные требования, в зависимость от пребывания того или иного лица в министерстве, и затягивать из-за этого хотя бы на одну минуту кровопролитие („Рабочая Газета“ № 204, 5 ноября 1917 г.). В заключение автор письма (Лозовский) об'являет необходимым бороться за партийный с'езд для решения вопроса о том, „останется ли Р. С.-Д. Р. П. большевиков марксистской партией рабочего класса, или она окончательно вступит на путь, ничего общего с революционным марксизмом не имеющий“ („Рабочая Газета“, № 204, 5 ноября 1917 года).

Положение действительно казалось безнадежным. Не только буржуазия и помещики, не только так называемая „революционная демократия“, в руках которой оставались еще очень многочисленные верхушечные организации (Викжель, армейские комитеты, государственные служащие и пр.), но и влиятельнейшие работники нашей собственной партии, члены Центрального Комитета и Совнаркома, осуждают во всеуслышание попытку партии остаться у власти, чтобы осуществить свою программу. Положение могло представиться безнадежным, говорим мы, если не глядеть глубже поверхности событий. Что же оставалось? Принять требования оппозиции значило ликвидировать Октябрь. Но тогда незачем было и совершать его. Оставалось одно: итти вперед в расчете на революционную волю масс. 7 ноября в „Правде“ появляется решающее заявление Центрального Комитета нашей партии, написанное Лениным и исполненное подлинной революционной страсти, замкнутой в ясные, простые и бесспорные формулы, рассчитанные на партийца-массовика. Воззвание это полагает конец каким бы то ни было сомнениям насчет дальнейшей политики партии и ее Центрального Комитета: „Пусть же устыдятся все маловеры, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных пособников. *Ни тени* колебаний в *массах* петроградских, московских и др. рабочих и солдат *нет*. Наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже Советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян („Правда“, № 181 (113), 20 (7) ноября 1917 года).

Наиболее острый партийный кризис был преодолен. Однако внутренняя борьба все еще не прекращалась. Линия борьбы оста-

валась той же. Но политическое значение ее все более и более шло на убыль. Чрезвычайно интересное свидетельство находим мы в докладе, прочитанном Урицким на заседании Петроградского Комитета нашей партии 12 декабря по поводу созыва Учредительного Собрания: „Разногласия в нашей партийной среде не новы. Это то же течение, которое наблюдалось раньше в вопросе восстания. Сейчас некоторые товарищи смотрят на Учредительное Собрание, как на нечто такое, что должно увенчать революцию. Они стоят на позиции обыденщины, они говорят, чтобы мы не совершали бестактностей и пр. Они против того, что члены Учредительного Собрания, большевики, контролируют созыв, соотношение сил и пр. Они смотрят чисто формально, не учитывая того, что из данных такого контроля выявляется картина того, что происходит вокруг Учредительного Собрания, а сообразуясь с этим, мы имеем возможность наметить позицию отношения к Учредительному Собранию... Мы сейчас стоим на той точке зрения, что боремся за интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, а те немногие товарищи смотрят, что мы делаем буржуазную революцию, которая должна увенчаться Учредительным Собранием".

Роспуском Учредительного Собрания можно считать завершенной не только большую главу в истории России, но и не менее значительную главу в истории нашей партии. Преодолев внутренние противодействия, партия пролетариата не только овладела властью, но и сохранила ее в своих руках.

Октябрьское восстание и советская „легальность".

В сентябре, в дни Демократического Совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию: „Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски,—писал он,—т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д. Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*" (том XIV, ч. 2, стр. 140).

Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии, с тем, чтобы затем освятить победу через С'езд Советов. Центральный Комитет не принял этого предложения. Восстание было введено в советское русло и агитационно связывалось со Вторым С'ездом Советов. Это разногласие требует подробного об'яснения,— тогда оно естественно войдет в рамки не принципиального, а чисто технического вопроса, хотя и большой практической важности.

Выше уже говорилось о том, с какой напряженной тревогой относился Ленин к оттягиванию восстания. На фоне тех колебаний, какие имели место на верхах партии, агитация, формально связывавшая переворот с предстоявшим Вторым С'ездом Советов, казалась ему недопустимой отсрочкой, уступкой нерешительности и нерешительным упущением времени, прямым преступлением. К этой мысли Ленин возвращается с конца сентября неоднократно.

„У нас в Ц. К. и в верхах партии,— пишет он 29 сентября,— есть течение или мнение за ожидание С'езда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение“. В начале октября Ленин пишет: „Медлить—преступление, ждать С'езда Советов— ребяческая игра в формальность, вздорная игра в формальность, предательство революции“. В тезисах для Петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: „Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на С'езд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно дождаться его“ и пр. Наконец, 24 октября Ленин пишет: „Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно“, и далее: „История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять многое завтра, рискуя потерять все“.

Все эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина и для оценки момента. Основная, проникающая их мысль, это—возмущение, протест, негодование против фаталистического, выжидательного, социал-демократического, меньшевистского отношения к революции, как к какой-то бесконечной ленте. Если время вообще важный фактор политики, то значение его стократно возрастает на войне и в революции. Совсем не все, что можно сделать сегодня, можно будет сделать завтра. Восстать, опрокинуть врага, взять власть сегодня возможно, а завтра может оказаться невозможно. Но ведь взять власть—значит повернуть руль истории; неужели же такое собы-

тие может зависеть от промежутка в 24 часа? Да, может. Когда дело дошло до вооруженного восстания, то события измеряются не длинным аршином политики, а коротким аршином войны. Упустить несколько недель, несколько дней, иногда даже один день—равносильно, в известных условиях, сдаче революции, капитуляции. Если бы не было этой ленинской тревоги, этого нажима, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выравняла бы, пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно, а штаб играет большую роль в войне, в том числе и в гражданской.

Но в то же время совершенно ясно, что подготовка восстания и проведения его под прикрытием подготовки Второго С'езда Советов и под лозунгом защиты его дала нам в руки неоцененные преимущества. С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении. Во всех его письмах того времени об этом обстоятельстве вообще, насколько помню, не говорится ни слова. А, между тем, исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-Революционный Комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство. По существу дела мы здесь имели вооруженное восстание—вооруженное, хотя и бескровное восстание петроградских полков против Временного Правительства—под руководством Военно-Революционного Комитета и под лозунгом подготовки к защите Второго С'езда Советов, который должен будет решить вопрос о судьбе власти. Советы Ленина—начать восстание в Москве, где оно, по его предположениям, обещало бескровную победу, вытекали именно из того, что он не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом, уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после „тихого“ восстания столичного гарнизона к середине октября. С того момента, как батальоны по приказу Военно-Революционного Комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание

25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно. Наоборот, в Москве борьба получила гораздо более затяжной и кровавый характер, несмотря на то, что в Питере уже утвердилась власть Совнаркома. Совершенно очевидно, что если бы восстание началось в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом. А неудача в Москве тяжело отразилась бы на Петрограде. Конечно, победа отнюдь не исключена была бы и на этом пути. Но тот путь, каким действительно пошли события, оказался гораздо более экономным, более выгодным, более победоносным.

Мы имели возможность, в большей или меньшей степени, приурочивать захват власти к моменту Второго С'езда Советов только потому, что „тихое", почти „легальное" вооруженное восстание—по крайней мере в Петрограде—было уже на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом. Мы называем это восстание „легальным" в том смысле, что оно выросло из „нормальных" условий двоевластия. И при господстве соглашателей в Петроградском Совете бывало не раз, что Совет проверял или исправлял решения правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в историю под названием керенщины. Придя в Петроградском Совете к власти, мы, большевики, только продолжили и углубили методы двоевластия. Мы взяли на себя проверку приказа о выводе гарнизона. Этим самым мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание петроградского гарнизона. Мало того, формально приурочивая в агитации вопрос о власти к моменту Второго С'езда Советов, мы развивали и углубляли уже успевшие сложиться традиции двоевластия, подготовляя рамки советской легальности для большевистского восстания во всероссийском масштабе.

Мы не усыпляли массы советскими конституционными иллюзиями, ибо под лозунгом борьбы за Второй С'езд мы завоевывали и организационно закрепляли за собой штыки революционной армии. А, вместе с тем, нам удалось в большей, чем можно было ожидать, степени завлечь в ловушку советской легальности наших врагов—соглашателей. Политически хитрить, особенно в революции, всегда опасно: врага, пожалуй, не обманешь, но введешь в заблуждение массы, идущие за тобой. Если нам наша „хитрость" удалась на сто процентов, то это потому, что она не была искусственным измышлением умничающих стратегов, которые хотят обойти гражданскую войну, а потому, что она естественно вытекла из условий разложения соглашательского режима, из его вопиющих противоречий. Временное Правительство

хотело избавиться от гарнизона. Солдаты не хотели итти на фронт. Мы этому естественному нежеланию дали политическое выражение, революционную цель, „легальное“ прикрытие. Этим мы обеспечили исключительное единодушие внутри гарнизона и тесно связали его с петроградскими рабочими. Наоборот, наши противники, при безнадежности своего положения и путаности своей мысли, склонны были советское прикрытие принимать за существо. Они хотели быть обманутыми, и мы доставили им полностью эту возможность.

Между нами и соглашателями шла борьба за советскую легальность. В сознании масс источником власти являлись Советы. Из Советов вышли Керенский, Церетели, Скобелев. Но и мы были тесно связаны с Советами нашим основным лозунгом: вся власть Советам. Буржуазия вела свою правопреемственность от Государственной Думы. Соглашатели—от Советов, но с тем, чтобы свести Советы на-нет. Мы от Советов, но с тем, чтобы передать Советам власть. Соглашатели не могли еще рвать советскую преемственность и спешили создать от нее мост к парламентаризму. С этой целью они созвали Демократическое Совещание и создали Предпарламент. Участие Советов в Предпарламенте как бы санкционировало этот путь. Соглашатели пытались поймать революцию на удочку советской легальности и, поймав, втащить ее в русло буржуазного парламентаризма.

Но и мы были заинтересованы в том, чтобы использовать советскую легальность. В конце Демократического Совещания мы вырвали у соглашателей согласие на созыв Второго С'езда Советов. Этот С'езд создавал для них чрезвычайные затруднения: с одной стороны, они не могли противиться созыву, не порывая с советской легальностью; с другой стороны, они не могли не видеть, что С'езд не обещает им, по своему составу, ничего хорошего. Тем настойчивее апеллировали мы ко Второму С'езду, как хозяину страны, и всю нашу подготовительную работу приурочивали к поддержке и охране С'езда Советов от неизбежных на него покушений контр-революции. Если соглашатели ловили нас на советскую легальность через Предпарламент, вышедший из Советов, то и мы ловили их на ту же советскую легальность—через Второй С'езд Советов. Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией—одно, а подготовлять и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав С'езда Советов—совсем другое. Таким образом, приурочение вопроса о захвате власти ко Второму С'езду Советов не заключало в себе каких-либо наивных надежд на то, что С'езд сам по себе может разрешить вопрос о власти. Такой фетишизм советской формы был нам совершенно чужд. Вся не-

обходимая работа, не только политическая, но и организационная и военно-техническая, для захвата власти шла полным ходом. Но легальным прикрытием для этой работы была все та же ссылка на предстоящий С'езд, который должен разрешить вопрос о власти. Ведя наступление по всей линии, мы сохраняли видимость обороны. Наоборот, Временное Правительство,— если бы оно только решилось серьезно обороняться,—должно было бы покуситься на С'езд Советов, запретить его созыв и тем самым дать наиболее для себя невыгодный повод противной стороне к вооруженному восстанию. Мало того, мы не только ставили Временное Правительство в политически невыгодное положение, но и прямо таки усыпляли его и без того ленивую и неподвижную мысль. Эти люди верили всерьез, что дело идет для нас о советском парламентаризме, о новом с'езде, где будет вынесена новая резолюция о власти—на манер резолюций Петроградского и Московского Советов,—после чего правительство, сославшись на Предпарламент и предстоящее Учредительное Собрание, откланяется и поставит нас в смешное положение. Что именно в этом направлении работала мысль самых мудрых мещанских мудрецов, тому мы имеем непререкаемое свидетельство Керенского. В своих воспоминаниях он рассказывает, как в полночь на 25 октября в его кабинете происходили бурные споры с Даном и другими по поводу шедшего уже полным ходом восстания. „Прежде всего Дан заявил мне,— рассказывает Керенский,—что они осведомлены гораздо лучше меня, и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего „реакционного штаба". Затем он сообщил, что неприятная „для самолюбия правительства" резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для „перелома настроения в массах"; что эффект ее „уже сказывается", и что теперь влияние большевистской пропаганды будет „быстро падать". С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства из'явили готовность „подчиниться воле большинства Советов", что они готовы „завтра же" предпринять все меры, чтобы потушить восстание, „вспыхнувшее помимо их желания, без их санкции". В заключение, Дан, упомянув, что большевики „завтра же" (все завтра!) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мною меры к подавлению восстания только „раздражают массы", и что, вообще, я своим „вмешательством" лишь „мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания"... Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, как Дан делал мне это замечательное сообщение, вооруженные отряды „Красной гвардии" занимали

одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по от'езде из Зимнего дворца Дана и его товарищей, на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного Правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен тогда же в Смольный, куда Дан вернулся продолжать мирные беседы с большевиками Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и с не меньшим искусством. В то время, когда восстание было в полном разгаре и „красные войска" действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры, к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей „революционной демократии" смотреть, но не видеть, слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые, якобы, должны были стать фундаментом примерения и ликвидации восстания. Этим методом „переговоров" большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы эсеров и меньшевиков не были во-время мобилизованы. Что, впрочем, и требовалось „доказать"! (А. Керенский, „Издалека", стр. 197—198).

Вот, именно: что и требовалось доказать! Соглашатели оказались, как мы видим из этой картины, целиком и полностью пойманы на удочку советской легальности. Предположение Керенского, будто специально для этого отряженные большевики вводили в заблуждение меньшевиков и эсеров насчет предстоящей ликвидации восстания, с фактической стороны не верно. На самом деле в переговорах принимали активнейшее участие те большевики, которые действительно хотели ликвидации восстания и верили в формулу социалистического правительства, созданного соглашением партий. Но об'ективно эти парламентеры несомненно оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага. Однако, эту услугу они оказались способны оказать революции только потому, что партия, вопреки их советам и предостережениям, вела дело восстания вперед с неослабевающей энергией и довела его до конца.

Для того, чтобы весь этот широкий обволакивающий маневр оказался победоносным, нужно было стечение совершенно исключительных обстоятельств, больших и малых. Прежде всего нужна была армия, не желавшая более сражаться. Весь ход революции, особенно в первый ее период, с февраля по октябрь включительно, — об этом мы уже говорили, — выглядел бы совершенно иначе, если бы у нас не было к моменту революции разбитой и недовольной многомиллионной крестьянской армии. Только в этих условиях можно было победоносно провести эксперимент

с петроградским гарнизоном, предопределивший октябрьскую победу. Не может быть и речи о том, чтобы возвести эту своеобразную комбинацию „сухого“ и почти незаметного восстания с защитой советской легальности от корниловцев в какой-либо закон. Наоборот, можно сказать с уверенностью, что в таком виде этот опыт никогда и нигде не повторится. Но тщательное изучение его необходимо. Оно расширит кругозор каждого революционера, вскрыв перед ним разнообразие методов и средств, какие могут быть приведены в движение при условии ясности поставленной цели, правильности учета обстановки и решимости в доведении борьбы до конца.

В Москве восстание имело гораздо более затяжной характер, сопряженный с более значительными жертвами. Об'ясняется это в известной мере тем, что московский гарнизон не подвергся такой революционной подготовке, как гарнизон Петрограда— в связи с вопросом о выводе батальонов на фронт. Мы уже говорили и еще раз повторяем, что вооруженное восстание совершилось в Петрограде в два приема: в первой половине октября, когда петроградские полки, подчиняясь постановлению Совета, вполне отвечавшему их собственным настроениям, безнаказанно отказались выполнить приказ главнокомандования, и 25 октября, когда понадобилось уже только небольшое дополнительное восстание, рассекавшее пуповину февральской государственности. В Москве же восстание происходило в один прием. Такова, пожалуй, главная причина его затяжного характера. Но на ряду с ней была другая: недостаточная решительность руководства. В Москве мы наблюдали переходы от военных действий к переговорам, чтобы затем снова возвращаться к вооруженной борьбе. Если колебания руководства, ощутимые для руководимых, вообще вредны в политике, то в условиях вооруженного восстания они становятся смертельно опасными. Господствующий класс уже теряет доверие к своей силе (без этого не могло бы быть вообще надежды на победу), но аппарат еще в его руках. Революционный класс имеет своей задачей овладеть государственным аппаратом; для этого ему нужно доверие к своим силам. Раз партия вывела трудящихся на путь восстания, она должна сделать из этого все необходимые выводы. „На войне—по-военному“: там меньше, чем где бы то ни было, допустимы колебания и упущения времени. Война мерит коротким аршином. Топтание на месте, хотя бы в течение часов, возвращает правящим частицу самоуверенности, отнимая ее у восставших. А ведь этим непосредственно и определяется то соотношение сил, которое определяет исход восстания. Под этим углом зрения надо шаг за шагом изучить

ход военных операций в Москве в их сочетании с политическим руководством.

Чрезвычайно важно было бы наметить еще несколько пунктов, где гражданская война протекала в особых условиях, осложняясь, например, национальным элементом. Такого рода изучение, на основании тщательной проработки фактического материала, должно чрезвычайно обогатить наше представление о механике гражданской войны и тем самым облегчить выработку известных методов, правил, приемов, имеющих достаточно общий характер, чтобы их можно было бы ввести в своего рода „устав" гражданской войны *). Но и упреждая те или другие частные выводы такого исследования, можно сказать, что ход гражданской войны в провинции предопределялся в огромной степени исходом ее в Петрограде, даже несмотря на заминку в Москве. Февральская революция надломила старый аппарат; Временное Правительство унаследовало его и неспособно было ни обновить, ни укрепить его. В результате этого государственный аппарат между февралем и октябрем действовал лишь остатком бюрократической инерции. Бюрократическая провинция привыкла равняться по Петрограду: она это сделала в феврале, она повторила это в октябре. Огромным нашим преимуществом являлось то обстоятельство, что мы подготовляли ниспровержение режима, который еще не успел сложиться. Крайняя шаткость и неуверенность в себе „февральского" государственного аппарата чрезвычайно облегчала нашу работу, питая самоуверенность революционных масс и самой партии.

В Германии и Австрии после 9 ноября 1918 года имелось сходное положение. Но там социал-демократия заполнила собою прорехи государственного аппарата и помогла установиться буржуазно-республиканскому режиму, который и сейчас никак не может быть назван образцом устойчивости, но все же насчитывает уже шесть лет от-роду. Что касается других капиталистических стран, то они не будут иметь этого преимущества, т. е. близости между буржуазной и пролетарской революцией. Их Февраль оставлен уже далеко позади. Конечно, в Англии сохранилось еще немало феодального хлама, но говорить о какой-либо самостоятельной буржуазной революции в Англии совершенно не приходится. Очистка страны от монархии, от лордов и пр. будет произведена первым взмахом метлы английского пролетариата, после того как он возьмет власть. Пролетарская революция на Западе будет иметь дело с вполне сложившимся буржуазным государством. Но это еще не значит—

*) См. *Л. Троцкий*. „Вопросы гражданской войны". —„Правда" № 202, 6 сентября 1924 г.

с устойчивым аппаратом, ибо самая возможность пролетарского восстания предполагает далеко зашедший процесс распада капиталистического государства. Если у нас Октябрьская Революция развернулась в борьбе с государственным аппаратом, который не успел еще сложиться после февраля, то в других странах восстание будет иметь против себя государственный аппарат, находящийся в состоянии прогрессивного распада.

Как общее правило, следует предположить—мы высказывали это еще на IV конгрессе Коминтерна,—что сила до-октябрьского сопротивления буржуазии будет в старых капиталистических странах, по общему правилу, значительно выше, чем у нас; победа дастся пролетариату труднее; но зато завоевание власти обеспечит ему сразу гораздо более устойчивое и прочное положение, чем то, какое получили мы на другой день после Октября. У нас гражданская война развернулась по-настоящему только после того, как пролетариат овладел властью в главных городских и промышленных центрах, и заполнила собою первое трехлетие советской власти. Многое говорит за то, что в странах Центральной и Западной Европы овладение властью дастся с гораздо большим трудом, но зато после взятия власти у пролетариата руки будут несравненно более свободными. Разумеется, эти перспективные соображения могут иметь только условный характер. Очень многое будет зависеть от того, в какой последовательности будет происходить революция в разных странах Европы, каковы будут возможности военной интервенции, какова будет к тому моменту экономическая и военная сила Советского Союза и пр. Но, во всяком случае, основное и, думаем, бесспорное наше соображение о том, что самый процесс завоевания власти будет наталкиваться в Европе и в Америке на гораздо более серьезное, упорное и продуманное сопротивление господствующих классов, чем у нас, тем более обязывает нас отнестись на деле к вооруженному восстанию и вообще к гражданской войне, как к искусству.

Еще раз о Советах и партии в пролетарской революции.

Советы Рабочих Депутатов выросли у нас, и в 1905 и в 1917 гг., из самого движения, как естественная организационная форма его на известном уровне борьбы. Но для европейских молодых партий, которые в большей или меньшей степени приняли Советы, как „доктрину", как „принцип", всегда возникает опасность фетишистского отношения к Советам, как к некоторому самодовлеющему фактору революции. Между тем, несмотря на огромные преимущества Советов, как организации борьбы за

власть, вполне возможны случаи, когда восстание развернется на основе других форм организации (фабзавкомы, профсоюзы), и только в процессе восстания, или даже после победы его, возникнут Советы, уже как органы власти.

В высшей степени поучительна, под этим углом зрения, та борьба, которую Ленин открыл после июльских дней против фетишизма организационной формы Советов. Поскольку эсеро-меньшевистские Советы стали в июле организациями, открыто гнавшими солдат в наступление и подавлявшими большевиков, постольку революционное движение рабочих масс могло и должно было искать для себя других путей и каналов. Ленин намечал фабзавкомы, как организацию борьбы за власть (см. об этом, например, воспоминания т. Орджоникидзе). Весьма вероятно, что движение пошло бы именно по этой линии, если бы не корниловское выступление, которое вынудило соглашательские Советы к самообороне и дало большевикам возможность снова вдохнуть в Советы революционную жизнь, связав их тесно с массами через левое, т. е. большевистское, крыло.

Вопрос этот, как показал недавний опыт Германии, имеет огромное международное значение. Именно в Германии Советы несколько раз строились, как органы восстания — без восстания, как органы власти — без власти. Это привело к тому, что в 1923 г. движение широких пролетарских и полупролетарских масс стало группироваться вокруг фабзавкомов, которые *в основном* выполняли все те функции, какие у нас ложились на Советы в период, предшествовавший непосредственной борьбе за власть. Между тем, в августе - сентябре выдвинуто было некоторыми товарищами предложение: приступить в Германии немедленно к созданию Советов. После длительных и горячих прений, предложение это было отвергнуто, и вполне правильно. При наличии того факта, что фабзавкомы уже становились на деле узлами сосредоточения революционных масс, Советы оказались бы в подготовительный период параллельной формой без содержания. Они лишь отвлекали бы мысль от материальных задач восстания (армия, полиция, вооруженные сотни, железные дороги и пр.) в сторону самодовлеющей организационной формы. А с другой стороны, создание Советов, как Советов, до восстания и вне непосредственных задач восстания, означало бы голое провозглашение: „Иду на вас!“. Правительство, вынужденное „терпеть“ фабзавкомы, поскольку они стали средоточением больших масс, ударило бы по первому же Совету, как официальному органу „покушения“ на захват власти. Коммунисты оказались бы вынужденными выступить на защиту Советов, как чисто организационного предприятия. Решающая

борьба развернулась бы не ради захвата или защиты материальных позиций и не в тот момент, выбранный нами, когда восстание вытекало бы из условий движения масс,—нет, борьба вспыхнула бы из-за организационной формы, из-за советского „знамени", в момент, выбранный врагом и им нам навязанный. Между тем, совершенно очевидно, что вся подготовительная к восстанию работа могла с полным успехом соподчиняться организационной форме фабрично заводских комитетов, уже успевших стать массовыми организациями, продолжавших расти и крепнуть и оставлявших партии свободу маневрирования в отношении срока восстания. Разумеется, на известном этапе Советы должны были бы возникнуть. Сомнительно, чтобы они, при указанных выше условиях, возникли, как непосредственные органы восстания, под огнем, так как это грозило бы в самый острый момент создать два революционных центра. Не следует,—говорит английская пословица,—пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток. Возможно, что советы стали бы строиться повсеместно после победы в решающих пунктах страны. Во всяком случае, победоносное восстание необходимо привело бы к созданию Советов, как органов власти.

Не надо забывать, что у нас Советы выросли еще на „демократическом" этапе революции, были на этом этапе как бы легализованы, нами затем унаследованы и использованы. Это не повторится в пролетарских революциях Запада. Советы там будут в большинстве случаев создаваться по призыву коммунистов, следовательно, как прямые органы пролетарского восстания. Разумеется, не исключена возможность того, что расшатка буржуазного государственного аппарата зайдет достаточно далеко, прежде чем пролетариат сможет захватить власть,—и это создаст условия для создания Советов, как *открытых органов подготовки восстания*. Но вряд ли это будет общим правилом. Весьма вероятны случаи, когда Советы удастся создать лишь в самые последние дни, как непосредственные органы восстающей массы. Наконец, вполне вероятны такие условия, когда Советы возникнут уже после перелома восстания и даже на исходе его, как органы новой власти. Нужно иметь перед глазами все эти варианты, чтобы не впасть в организационный фетишизм и не превратить Советы из того, чем они должны быть—гибкой, жизненной формой борьбы—в организационный „принцип", извне врезывающийся в движение и нарушающий его правильное развитие.

За последнее время в нашей печати раздавались речи в том, примерно, смысле, что мы, дескать, не знаем, через какую дверь придет пролетарская революция в Англии: через

коммунистическую партию или через профессиональные союзы. Такая постановка вопроса, щеголяющая мнимой широтой исторического захвата, в корне неверна и опасна тем, что смазывает главный урок последних лет. Если победоносной революции не произошло на исходе войны, то именно потому, что не хватало партии. Этот вывод относится к Европе в целом. Его можно более конкретно проследить на судьбе революционного движения в отдельных странах. В отношении Германии дело обстоит на этот счет совершенно ясно: немецкая революция могла бы победить и в 1918 и в 1919 гг., если бы ей было обеспечено надлежащее партийное руководство. В 1917 г. мы видели это на примере Финляндии: революционное движение развивалось там в исключительно благоприятных условиях, под прикрытием и при прямой военной поддержке революционной России. Но финская партия оказалась в руководящем большинстве своем социал-демократией и провалила революцию. Не менее ярко тот же урок вытекает из опыта Венгрии. Там коммунисты вместе с левыми социал-демократами не завоевали власть, а получили ее из рук перепуганной буржуазии. Победоносная—без боя и без победы—венгерская революция оказалась на первых же шагах лишенной боевого руководства. Коммунистическая партия слилась с социал-демократической, обнаруживая этим, что она сама не была коммунистической партией и, следовательно, неспособна была, несмотря на боевой дух венгерских пролетариев, удержать в руках столь легко доставшуюся ей власть. Без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может. Это есть главный урок последнего десятилетия. Верно, что английские профсоюзы могут стать могущественным рычагом пролетарской революции; они могут, например, в известных условиях и на известный период даже заменить собою рабочие Советы. Но сыграть такую роль они смогут не помимо коммунистической партии и тем более не против нее, а лишь при том условии, если коммунистическое влияние в профессиональных союзах станет решающим. За этот вывод—относительно роли и значения партии для пролетарской революции—мы слишком дорого заплатили, чтобы так легко от него отказываться, или только ослаблять его.

В буржуазных революциях сознательность, преднамеренность, планомерность играли несравненно меньшую роль, чем они призваны играть и уже играют в революциях пролетариата. Движущей силой революции была и там масса, но гораздо менее организованная и сознательная, чем ныне. Руководство находилось в руках различных фракций буржуазии, которая в целом

располагала богатством, образованием и связанной с этими преимуществами организованностью (города, университеты, пресса и пр.). Бюрократическая монархия защищалась эмпирически, действовала на-ощупь. Буржуазия улучала момент, когда она могла, использовав движение низов, бросить свой социальный вес на чашу весов и овладеть властью. Пролетарская революция тем и отличается, что пролетариат выступает в ней не только, как главная ударная сила, но—в лице своего авангарда—и как руководящая сила. Ту роль, которую в буржуазных революциях играли экономическое могущество буржуазии, ее образованность, ее муниципалитеты и университеты, в пролетарской революции может сыграть только партия пролетариата. Роль ее тем больше, что и на стороне врага сознательность стала неизмеримо выше. Буржуазия в течение веков своего господства выработала политическую школу, несравненно более высокую, чем школа старой бюрократической монархии. Если парламентаризм был для пролетариата до известной степени, подготовительной школой к революции, то для буржуазии он был в еще большей степени школой контр-революционной стратегии. Достаточно сказать, что через посредство парламентаризма буржуазия воспитала социал-демократию, главный ныне оплот частной собственности. Эпоха социальной революции в Европе, как показали первые ее шаги, будет эпохой не только напряженных и беспощадных, но и продуманных и рассчитанных боев,—в гораздо большей степени продуманных, чем у нас в 1917 году.

Вот почему нам нужен совсем иной подход к вопросам гражданской войны, и в частности, вооруженного восстания, чем тот, какой наблюдается до сих пор. Вслед за Лениным мы часто повторяем Марксовы слова о том, что восстание есть искусство. Но эта мысль превращается в голую фразу, поскольку Марксова формула не заполняется изучением основных элементов искусства гражданской войны на основании накопившегося гигантского опыта последних лет. Надо прямо сказать: в поверхностном отношении к вопросам вооруженного восстания сказывается еще неопреодоленная сила социал-демократической традиции. Партия, которая глядит поверх вопросов гражданской войны, надеясь, что в нужную минуту все это как-то само собою устроится, наверняка потерпит крушение. Нужно коллективно проработать опыт пролетарских боев, начиная с 1917 г.

* * *

Намеченная выше история партийных группировок в течение 1917 г. составляет тоже существеннейшую часть опыта гражданской войны и имеет, как мы думаем, непосредственное

значение для политики Коммунистического Интернационала в целом. Выше уже сказано, и мы повторим это снова, что изучение разногласий ни в каком случае не может и не должно рассматриваться, как направленное против тех товарищей, которые проводили ложную политику. Но было бы, с другой стороны, недопустимым вычеркивать из истории партии величайшую главу только потому, что не все члены партии шли в ногу с революцией пролетариата. Партия может и должна знать *все* свое прошлое, чтобы правильно расценить его и всему отвести надлежащее место. Традиция революционной партии создается не из недомолвок, а из критической ясности.

История обеспечила нашей партии совершенно несравненные революционные преимущества. Традиции героической борьбы с царизмом, навыки и приемы революционного самоотвержения, связанные с условиями подполья, широкая теоретическая переработка революционного опыта всего человечества, борьба с меньшевизмом, борьба с народничеством, борьба с примиренчеством, величайший опыт революции 1905 г., теоретическая проработка этого опыта в течение годов контр-революции, подход к проблемам международного рабочего движения под углом зрения революционных уроков 1905 г.—вот что, в совокупности, дало нашей партии исключительный закал, высшую теоретическую проницательность, беспримерный революционный размах. И, тем не менее, даже в этой партии, на верхах ее, перед моментом решающих действий, выделилась группа опытных революционеров, старых большевиков, которая встала в резкую оппозицию к пролетарскому перевороту и в течение наиболее критического периода революции с февраля 1917 г., примерно, по февраль 1918 г. занимала во всех основных вопросах социал-демократическую, по существу, позицию. Чтобы охранить партию и революцию от величайших замешательств, вытекавших из этого обстоятельства, нужно было исключительное, беспримерное уже и тогда влияние Ленина в партии. Этого нельзя забывать ни в каком случае, если мы хотим, чтобы от нас чему-нибудь научились коммунистические партии других стран. Вопрос об отборе руководящего персонала получает для западно-европейских партий совершенно исключительное значение. Об этом вопиет опыт несостоявшегося немецкого Октября. Но отбор этот должен происходить под углом зрения *революционного действия*. Германия дала за эти годы достаточно случаев проверки руководящих членов партии в моменты непосредственной борьбы. Без этого критерия все остальные ненадежны. Франция была за эти годы гораздо беднее революционными потрясениями, хотя бы только частичными. Но все же и ее политическая жизнь дала несколько

вспышек гражданской войны, когда Центральному Комитету партии и руководителям профессиональных союзов приходилось действенно реагировать на неотложные и острые вопросы (например, кровавый митинг 11 января 1924 г.) Внимательное изучение таких острых эпизодов дает незаменимый материал для оценки партийного руководства, поведения отдельных органов партии и отдельных ее руководящих работников. Игнорировать такие уроки, не делать из них необходимого вывода в смысле отбора людей—значит итти навстречу неминуемым поражениям, ибо без проницательного, решительного и мужественного партийного руководства победа пролетарской революции невозможна.

Партия, даже самая революционная, неизбежно вырабатывает свой организационный консерватизм: иначе она была бы лишена необходимой устойчивости. Все дело здесь в степени. У революционной партии жизненно необходимая доза консерватизма должна сочетаться с полной свободой от рутины, с инициативностью ориентировки, с действенной отвагой. Резче всего эти качества проверяются на поворотах исторического пути. Мы слышали выше слова Ленина о том, что часто даже самые революционные партии, при резком изменении обстановки и вытекающих из нее задач, продолжают итти по вчерашней линии и тем самым становятся или угрожают стать тормозом революционного развития. И консерватизм партии, и ее революционная инициативность находят наиболее сосредоточенное свое выражение в органах партийного руководства. Между тем, самый крутой „поворот“ европейским коммунистическим партиям еще только предстоит—поворот от подготовительной работы к захвату власти.—Это поворот наиболее требовательный, неотложный, ответственный, грозный. Упустить момент его—величайшее поражение, какое вообще может постигнуть партию.

Опыт европейских, прежде всего германских боев последних лет, взятый в свете нашего собственного опыта, говорит нам, что двоякого типа вожди склонны бывают тянуть партию назад в тот именно момент, когда ей необходимо совершить величайший прыжок вперед. Одни вообще склонны видеть на путях революции преимущественно затруднения, препятствия, помехи и оценивать каждую обстановку с предвзятым, хотя и не всегда сознательным намерением уклониться от действия. Марксизм превращается у них в метод обоснования невозможности революционного действия. Наиболее чистую культуру этого типа представляли русские меньшевики. Но сам по себе тип этот шире меньшевизма и в самый критический момент обнаруживается вдруг на ответственном посту в наиболее революционной партии. Представители другой разновидности отличаются поверхностно-

агитаторским характером. Эти вовсе не видят препятствий и затруднений, пока не стукнутся в них с размаху лбом. Способность обходить реальные препятствия при помощи словесных оборотов, проявлять во всех вопросах величайший оптимизм („море по колено") неизбежно переходит в свою противоположность, когда наступает час решающего действия. Для первого типа, для крохоборчески настроенного революционера трудности захвата власти представляются лишь нагромождением и возведением в степень всех тех трудностей, какие он только и привык видеть на своем пути. Для второго типа, для поверхностного оптимиста, трудности революционного действия возникают всегда внезапно. В подготовительный период поведение того и другого различно: один представляется скептиком, на которого в революционном смысле нельзя слишком полагаться; зато другой, наоборот, может казаться неистовым революционером. Но в решающий момент и тот и другой идут рука об руку,—восстают против восстания. А, между тем, вся подготовительная работа имеет ценность лишь постольку, поскольку она делает партию и прежде всего ее руководящие органы способными определить момент восстания и руководить им. Ибо задачей коммунистической партии является овладение властью в целях переустройства общества.

В последнее время нередко говорили и писали о необходимости „большевизации" Коминтерна. Это - задача, совершенно бесспорная и непреложная; она особенно резко выдвигается после жестоких прошлогодних уроков в Болгарии и Германии. Большевизм—не доктрина (т.-е. не только доктрина), но система революционного воспитания для пролетарского переворота. Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. „Вот Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей!.."

Два слова об этой книге.

Первая полоса „демократической" революции тянется от февральского переворота до апрельского кризиса и его разрешения 6 мая путем создания коалиционного правительства, с участием меньшевиков и народников. Во всей этой первой полосе автор настоящей книги не принимал участия, так как прибыл в Петроград лишь 5 мая, как раз накануне создания коалиционного правительства. Первый этап революции и ее перспективы освещены в статьях, написанных в Америке. Думаю, что во всем существенном они вполне согласуются с тем ана-

лизом революции, который дан Лениным в его „Письмах из далека“.

С первого дня приезда в Петроград работа моя шла совершенно согласованно с Центральным Комитетом большевиков. Ленинский курс на завоевание власти пролетариатом я поддерживал, разумеется, полностью и целиком. В отношении крестьянства у меня не было и тени разногласий с Лениным, который завершал тогда первый этап борьбы против правых большевиков, с их лозунгом „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“. До формального вступления в партию я участвовал в выработке ряда решений и документов, исходивших от имени партии. Единственным соображением, которое отодвинуло формальное вступление мое в партию на три месяца, было желание ускорить слияние с большевиками лучших элементов межрайонной организации и вообще революционных интернационалистов. Эту политику я вел опять-таки в полном согласии с Лениным.

Редакция этой книги обратила мое внимание на встречающееся в одной из моих тогдашних статей в пользу об'единения указания на организационную „кружковщину“ у большевиков. Какой-нибудь из глубокомысленных дьячков, в роде т. Сорина, не замедлит, конечно, вывести эту фразу прямым сообщением из разногласий по поводу § 1 устава. Вступать по этому поводу в споры—после того, как свои действительные и большие организационные ошибки я признал и словом и делом—не вижу нужды. Но менее поврежденный читатель найдет гораздо более простое и непосредственное об'яснение приведенному выражению моему в конкретнейших условиях момента. Среди рабочих-межрайонцев оставалось от прошлого еще очень сильное недоверие к организационной политике Петроградского Комитета. Доводы от „кружковщины“—со ссылками, как всегда в таких случаях бывает, на всякие „несправедливости“—были среди межрайонцев в большом ходу. Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование.

Мое чисто полемическое „предложение“ первому С'езду Советов составить правительство из двенадцати Пешехоновых толковалось кое-кем—кажется, Сухановым—не то как личное благоволение мое к Пешехонову, не то как особая линия, отличная от ленинской. Это, конечно, чистейший курьез. Когда наша партия требовала, чтобы Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, взяли власть, то этим самым она „требовала“ министерства Пешехоновых: в конце концов, между Пешехоновым, Чер-

повым и Даном никакой принципиальной разницы не было, и все они были одинаково пригодны, чтобы облегчить переход власти от буржуазии к пролетариату. Разве что Пешехонов несколько лучше знал статистику и производил чуть более деловое впечатление, чем Церетелли или Чернов. Дюжина Пешехоновых означала правительство из дюжинных представителей мелко-буржуазной демократии, вместо коалиции. Когда питерские массы, руководимые нашей партией, выдвинули лозунг: „Долой десять министров-капиталистов", то этим самым они требовали, чтобы места этих последних заняли меньшевики и народники. „Выкиньте вон кадетов, возьмите, господа буржуазные демократы, в руки власть, посадите в правительство двенадцать (или сколько там) Пешехоновых, и мы вам обещаем по возможности „мирно" снять вас с постов, когда пробьет час. А пробить он должен скоро". Никакой особой линии тут не было, — это была линия, которую Ленин формулировал не раз.

Считаю необходимым сугубо подчеркнуть предупреждение, сделанное редактором настоящей книги, т. Ленцнером: значительная часть речей, вошедших в этот том, приведена не по стенограмме, хотя бы и плохой, а по репортерским отчетам соглашательской прессы, полуневежественным и полузлостным Беглое ознакомление с несколькими документами такого рода заставило меня махнуть рукой на первоначальный план хоть сколько-нибудь исправить и дополнить их. Пусть живут, как есть: они тоже в своем роде документы эпохи, хоть и „с другой стороны".

Настоящая книга не могла бы появиться в печати без внимательной и компетентной работы над нею т. Ленцнера, которому принадлежат и примечания, и его помощников: т.т. Геллер, Крыжановского, Ровенской и И. Румера.

Всем им я здесь выражаю товарищескую благодарность.

Особо я хотел бы сказать о громадной работе по подготовке этого тома, как и других моих книг, которую выполнил мой ближайший сотрудник М. С. Глазман. Я дописываю эти строки с чувством величайшей скорби по поводу беспримерно трагической гибели этого прекрасного товарища, работника и человека.

СОДЕРЖАНИЕ:

1 р. 35 к.

1309

Б

